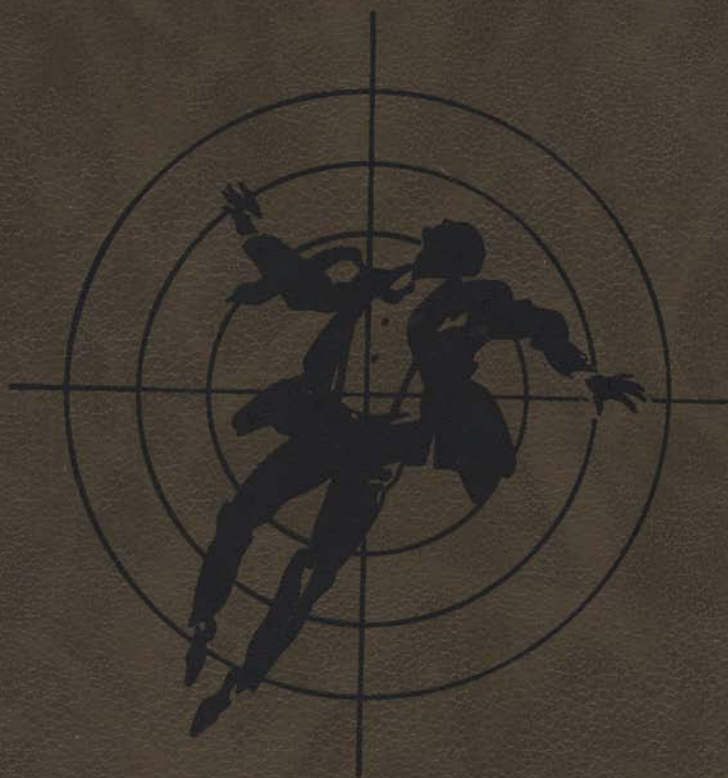

НОРВЕЖСКИЙ ДЕТЕКТИВ

НОРВЕЖСКИЙ ДЕТЕКТИВ

РОМАНЫ
ПЕРЕВОД С НОРВЕЖСКОГО

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1992

ББК 84.4Нр
Н 82

Составление

Л. Горлиной

Оформление художника

Ю. Боярского

Сканирование и обработка:

<http://mirknig.com/user/alexstep3541/>

Сканер: Plustek OpticBook 3800

Н $\frac{4703010100-068}{028(01)-92}$ 142-92

ISBN 5-280-02200-4

© Составление. Горлина Л. Г., 1992 г.

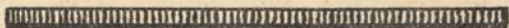
© Оформление. Боярский Ю. А., 1992 г.

© Перевод. Жданов Л. Л., 1992 г.

© Перевод. Чеканский А. Н., 1992 г.

© Перевод. Горлина Л. Г., Вронская О. Ю., 1992 г.

АНДРЕ БЬЕРКЕ

ЕДИНОРОГ

ПЕРЕВОД О. ВРОНСКОЙ И Л. ГОРЛИНОЙ

ANDRE BJERKE

ENHJØRNINGEN
1963

Прекрасно то, что мы видим, еще прекраснее то, что мы понимаем, но самое прекрасное воистину то, что мы не можем постичь.

*Николай Стенон*¹

БЕСЕДА О ЕДИНОРОГЕ

Вокруг стола, затянутого зеленым сукном, сидели четыре человека. Стояла мертвая тишина. Время от времени кто-нибудь неспешно сдавал карты или брал взятки. И снова все замирали, глядя в свои таинственные карты, незбылемые, как четыре стороны света, по которым зовутся игроки в бридж.

Психиатр доктор Карс, писатель Нордберг, директор Бёмер и журналист Странд. Все они были зрелыми мужчинами, которым в обществе отведена главная роль: троим было лет по сорок пять, журналист был на десять лет моложе. Но в ту минуту они забыли о своем возрасте и о своей роли в обществе. Мир вокруг них перестал существовать. Конфликт между Западом и Востоком, водородная бомба, национально-освободительная борьба в Африке и Общий рынок — все было забыто ради заявленного малого шлема в червях. Четверо мужей играли в бридж, но играли так серьезно, будто за ломберным столом решалась судьба человечества. Врач-психиатр и предприниматель против писателя и журналиста, здравый смысл против фантазии, вели на зеленом поле борьбу за мировое господство.

Директор Бёмер был свободным игроком. Он закурил тонкую сигару и откинулся на спинку стула с безучастным и безмятежным видом. Тем не менее сквозь завесу дыма он, подобно члену генерального штаба, находящемуся на командном пункте, зорко следил за малейшими изменениями на поле боя. Он чувствовал себя ответственным за исход роббера, как-никак он предложил шесть червей после заявки, сделанной доктором Карсом. Игра достигла своей кульминации.

Торжественную тишину нарушил вполне мирный звук — звон рюмок о серебряный поднос. Молодой женский голос осторожно прошептал:

— Я принесла коньяк, Алф.

— Попозже, Элисабет! — с досадой отмахнулся Нордберг.

¹Николай Стенон (1638 — 1686) — крупнейший датский анатом.

Ему было свойственно слегка враждебное отношение к прекрасному полу. Он нахмурился, и на переносице у него появилась выразительная складка.

— Только женщина может допустить подобное кощунство — звенеть посудой, когда мужчины бьются не на жизнь, а на смерть.

Но, как и почти все непримиримые женоненавистники, он был влюблен в свою жену. Сделав ход двойкой пик, он виновато улыбнулся:

— Мы заканчиваем, дорогая. Еще немного, и мы с удовольствием выпьем коньяка.

Элисабет поставила поднос на почтительном расстоянии от игроков и на цыпочках направилась в кухню. В дверях она задержалась и бросила взгляд на скульптурную группу воинов за карточным столом. Она чуть заметно улыбнулась: гостями игроки в бридж были неинтересными, однако смотреть на мужчин, поглощенных игрой, было забавно. Доктор Карс, например, у них впервые, он так сосредоточенно смотрит в свои карты, будто вот-вот раскроет тайну возникновения жизни, каждый удачный ход он воспринимает как Нобелевскую премию. Или ее драгоценный супруг — волосы всклокочены, словно в голове у него рождается замысел новой пьесы... Впрочем, что это, как не пьеса — пятьдесят два действующих лица из картона. Но лучше им не мешать...

Директор Бёмер украдкой посмотрел на своего партнера: судя по всему, игра доктору Карсу доставляла удовольствие. Он не спешил и делал продуманные ходы, словно с каждой картой выкладывал на стол научный аргумент. Психиатр был первоклассный игрок в бридж, он прославился тем, что усовершенствовал Венскую систему. Был он также заметной фигурой и в культурной жизни столицы. Однако в этой компании он оказался впервые, из всех присутствующих только директор Бёмер был знаком с ним раньше.

Карточные вечера у Нордберга были установлены раз и навсегда, как закон. Играли дважды в месяц, первого и пятнадцатого числа, мало-помалу эти вечера превратились в ритуал, строгий и торжественный. В тот вечер, пятнадцатого октября, установившийся порядок оказался под угрозой — один из постоянных четверых игроков предупредил, что не сможет прийти. И тогда директор Бёмер уговорил доктора Карса занять освободившееся место. Пригласив именно доктора Карса, директор Бёмер преследовал двоякую цель: во-первых, доктор Карс пользовался славой блестящего игрока и игра обещала быть интересной. А во-вторых, несмотря на свою прозаическую

профессию, — директор Бёмер возглавлял акционерную фирму «Крафт-картон», — его интересовало, как решают вопросы бытия разные люди, принадлежащие к интеллектуальной элите. Ему хотелось свести вместе Нордберга и Карса — он рассчитывал увидеть поединок противников в другой, куда более занимательной игре. Не так давно Нордберг опубликовал в газете статью с тяжким обвинением современности «Наука ответственна за безрассудства двадцатого века». Доктор Карс откликнулся не менее резкой и категоричной статьей «Безрассудство ответит за недоверие двадцатого века к науке». Полемика между ними не угасала несколько недель и была ярким событием в культурной жизни Осло нынешнего сезона.

Уже одно то, что за карточным столом в этот вечер были противниками писатель Нордберг и доктор Карс, придавало робберу особую остроту. Пока они еще ни словом не обмолвились о своих разногласиях, их замечания относились исключительно к бриджу. Но что-то неуловимое в их отношении друг к другу угадывалось даже в самой манере игры. В этом сражении они, безусловно, были главными действующими лицами: практически весь вечер один из них вел игру, в то время как его партнер был обречен на бездействие. И каждый из них проявлял завидную жажду победы, считал для себя делом чести выиграть именно этот роббер. Директору Бёмеру бросилось в глаза, что доктор Карс играет нынче менее осмотрительно, чем обычно, и порою идет на неоправданный риск, нарушая принципы им же усовершенствованной Венской системы. Он старался любой ценой удержать инициативу, и это, увы, стоило ему и его партнеру нескольких недобранных взяток. Сейчас все были в зоне, и если бы доктору Карсу удалось выполнить малый шлем, они бы выиграли этот роббер. Директор Бёмер считал, что его партнер справится с этой задачей. Каждый жест доктора Карса был автоматически точным, взятка за взяткой ложились рядом с ним на зеленое сукно. Казалось, они плыли к нему на конвейере с заданной точностью.

Но что-то, однако, витало в воздухе. Неожиданно игра пошла в другом направлении.

Странд, журналист, взял взятку. Теперь он сидел и вероятно долго размышлял над предстоящим ему ходом. Остальные играющие стали посматривать на него с нетерпением. Он вытянул было одну карту до половины, но вдруг замер, торопливо сунул ее обратно, выхватил другую и положил на стол. Это был трефовый валет.

Доктор Карс, сидевший слева от него, прикусил губу. Не в силах скрыть раздражение, он пошел дамой. Норд-

берг в ту же секунду выстрелил королем. Карты стола были лишь мелкие трефы. Странд загреб взятку.

Доктор Карс открыл свои карты — остальные взятки были его. Однако Нордберг с торжествующей улыбкой посмотрел на своего партнера:

— Без одной!

Странд с довольным видом склонился над счетом:

— Без одной... с реконтрой... в зоне: у нас 400 очков...

Директор Бёмер удрученно посмотрел в свою запись.

— Им сегодня весь вечер везет, — пробормотал он.

Брошенные вскользь слова почему-то задели доктора Карса за живое. Он вдруг рассердился, хотя для этого не было ни малейшего повода.

— Везет! — взорвался он. Потом взял себя в руки и сухо добавил: — В игре не существует таких понятий, как везет или не везет. Распределение карт — вещь абсолютно случайная.

Директор Бёмер выпрямился, его покорило от этой нотации, к тому же он не понял ее смысла.

— А чем же, как не везением, можно объяснить, что Странд пошел под трефового короля Нордберга и в нужный момент убил вашу даму?

Странд кивнул:

— Это и в самом деле загадка. Я хотел пойти пиками, но в последний момент вытащил трефового валета. До сих пор не понимаю, почему я это сделал.

— Потому что я тебе это внушил, — вмешался Нордберг. — Самая обыкновенная телепатия.

Про телепатию он сказал нарочно, чтобы подразнить доктора Карса. Однако доктор Карс был начеку и на этот раз от бурной реакции воздержался. Он лишь саркастически передернул плечами.

— Пусть будет телепатия. Подходящее название для счастливого случая.

В Странде проснулся журналист:

— Вы считаете, что наука никогда не признаёт возможность передавать мысли на расстояние, доктор Карс?

— Наука? Едва ли. Правда, в последнее время стало модно верить в привидения. Увы, этой моде последовали даже некоторые мои коллеги.

— А что вы скажете о парапсихологии? — спросил Странд.

— То же суеверие, только слово более модное.

Знаменитый психиатр посвятил значительную часть своей жизни борьбе с мистической верой в загробный мир и прочими проявлениями косности. Вот и теперь в глазах у него заиграл воинственный блеск. Повторяя священные для науки истины, он неизменно впадал в патетику. Суту-

лый, с длинными руками и ногами, с узким, строгим лицом и аскетической бородкой, он напоминал святых с картин Эль Греко. Когда он горячился, как, например, сейчас, очки то и дело соскальзывали с его тонкого носа и он возвращал их на место костлявым пальцем, как будто прилаживал на переносицу не очки, а мысли.

Нордберг принес поднос с рюмками и стал разливать коньяк. Странд не на шутку увлекся объектом своего интервью:

— Но позвольте, доктор Карс, прежде чем высказать какую-то мысль, вы, как ученый, наверняка анализируете...

— Спасибо, довольно!— Поднятая рука прервала одновременно и Нордберга, наливавшего коньяк, и Странда с его вопросом.

Доктор Карс снял очки и стал протирать их кусочком замши, который извлек из нагрудного кармана.

— Вот уже много лет я фактически контролировал так называемые парапсихологические феномены. Результат всегда был один и тот же. Кроме того, я имел удовольствие разоблачить трех знаменитых медиумов во время их спиритических сеансов.— Он выразительно подышал на стекла очков.— Мошенничество чистой воды.

Вот она, та игра, которой я так ждал, подумал директор Бёмер. Теперь ход Нордберга. Пожалуй, мне надо поддерживать моего партнера.

— Что ж, может, это и к лучшему? Представьте себе, что в мире действительно существуют скрытые силы, мир сразу сделался бы удручающе ненадежным. Непредсказуемым. В данном случае я говорю как предприниматель.

Нордберг стоял у стола с рюмкой в руке. Тряхнув своей великолепной шевелюрой, он принял вызов.

— А если представить себе, что этих скрытых сил не существует, мир сразу станет слишком плоским. В данном случае я говорю как писатель.

Доктор Карс протер очки, водрузил их на нос и подвиг противника тщательному осмотру.

— Писатель может изобразить мир таким, каким ему заблагорассудится,— заметил он с добродушной иронией.— Иначе какой же он писатель?

Линия фронта была обозначена, и перестрелка началась. И хотя с игрой в бридж на сегодня было покончено, сражение продолжалось. В громком голосе Нордберга звучали боевые фанфары, он говорил отрывисто, словно щелкал зубами орехи:

— Беда всех людей, которые мнят себя просвещенными, и прежде всего ученых, в том, что им не хватает веры. Они...— он не сразу нашел подходящее слово,— они малoverы.

— Согласен. А вам, господин Нордберг, милее эпоха средневековья? С алхимиками и астрологами? Лично я— дитя своего времени.— Доктор Карс выразительно кашлянул.— Я, как вы утверждаете, малOVER, не спорю. Этого требует моя профессия.

Директор Бёмер уловил в их споре жар газетной полемики. Как предпринимателя его больше интересовали аргументы, чем искусство пикировки. Ему казалось, что в публичных схватках норвежцы редко докапываются до истины. Они больше стремятся победить, а не убедить. Но тут ристалище было ограничено четырьмя стенами гостиной. Директор Бёмер положил недокуренную сигару в пепельницу и подался вперед.

— Может быть, господин Нордберг сталкивался с чем-нибудь сверхъестественным?

На каминной полке стояла небольшая статуэтка единорога. Единорог был вырезан из какого-то очень светлого дерева, а длинный, закрученный спиралью рог у него на лбу — из блестящей белой кости, рог был нацелен в потолок. Нордберг остановился у камина и задумчиво посмотрел на единорога.

— Что-нибудь сверхъестественное?— Он надавил указательным пальцем на кончик рога.— Кто же с этим не сталкивался? Всех нас когда-нибудь задевал этот рог. И если мы не подозреваем об этом, то только потому, что не хотим этого знать. Боимся себе в этом признаться.— Он повел рукой в сторону доктора Карса.— Боимся психиатров.

— По-вашему, каждый из нас сталкивался с единорогом?— Доктор Карс произносил слова, как будто смаковал леденец.— Необыкновенно поэтично. Просто необыкновенно. Но что это, собственно, за зверь?— Он быстро поднялся из-за стола и подошел к книжному шкафу.— Я вижу у вас тут превосходную энциклопедию. Давайте взглянем в нее.

Доктор Карс снял с полки нужный том. Его руки привыкли к справочникам, пальцы листали страницы быстро и уверенно.

— Вот, нашел.

И он прочитал статью так же бесстрастно, как она была написана:

— «Мифическое животное с телом лошади и длинным, острым, часто закрученным рогом на лбу. Единорога описывали Аристотель и Плиний Старший, и хотя он часто фигурирует в каноническом переводе Библии, происхождение его связывали с Индией или Африкой. Возможно, его путали с носорогом. Рогу единорога приписывали ма-

гическую силу, особенно верили в его целебные свойства. Часто за рог единорога выдавали бивни кита-нарвала».

Он захлопнул книгу и возвратил ее на полку.

— Конечно, многие могут считать, что имели дело с мифическим существом, но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что волшебный рог имеет вполне реальное происхождение.— Доктор Карс снова уселся на свое место.

— Нет, перепутать единорога с носорогом абсолютно невозможно.— Нордберг тоже подошел к книжной полке, взял другой том энциклопедии и раскрыл его.— Сейчас я вам представлю современного носорога. Слушайте.

И он стал читать, пародируя бесстрастную манеру доктора Карса:

— «Биотин (витамин Н), водорастворимый витамин: кофермент, участвующий в реакциях переноса двуокиси углерода к органическим соединениям, например при биосинтезе жирных кислот».

Он тоже захлопнул книгу и возвратил на полку.

— Вот как описывает носорога наука, с мифическим животным его перепутать невозможно. В нем нет ничего непонятного и необъяснимого, это вполне реальное существо.— Он повернулся к директору Бёмеру и Странду.— Ну, господа, вы чувствуете себя более просвещенными?

— В энциклопедии дано исчерпывающее объяснение!— Доктор Карс был явно раздражен легкомыслием писателя и его полемическими приемами.

— Исчерпывающее, согласен, но, с другой стороны — это чистая магия слов. И куда более темная, чем то, что вы называете суеверием. Магия без какой бы то ни было тайны.

Нордберг снова остановился перед статуэткой на каминной полке.

— Витамины — это так естественно и понятно. Мы можем купить их в виде таблеток в любом продуктовом магазине. И в то же время они — одна из неразгаданных тайн нашей жизни. Когда-нибудь ученым придется признать, что они не смогут объяснить, что такое витамины, пока не узнают тайну единорога.

Доктор Карс потер лоб. Этот писака топчет заповедники науки, как лось — королевский парк. Что ж, следует проявить выдержку.

— Стало быть, существование единорога — непреложный факт? Так прикажете вас понимать?— спросил он с мягкой улыбкой.

— Именно так.— Палец Нордберга постучал по кончику рога.

— И где же вы с ним встречались, осмелюсь спросить? Теперь улыбнулся Нордберг.

— В трудах одного из ваших коллег. Величайшего психиатра и психолога двадцатого века. Надеюсь, имя Карла Густава Юнга вам известно?

— Ах, вот оно что!— Доктор Карс придавил очки к переносице. Восторга это имя у него не вызвало.— И что же Юнг пишет о единороге?

— Что единорог — это архетип. Архетипы — это первичные схемы образов, воспроизводимые человечеством бессознательно. В архетипах воплотился опыт коллективного бессознательного целых поколений. Архетипы посещают нас в снах. Кстати, единорог является во всех великих снах человечества: в индийских ведах и в персидском «Бундахишне». В древних китайских мифах, где он называется цилинь, и в еврейском Талмуде, где сказано, что он «велик, как гора Фавор». Он пронесется галопом по лесным угольям христианской традиции. Его рог маячит и у гностиков, и у розенкрейцеров. Алхимики считали, что он находился под деревом жизни, помещенным в центре священной мандалы. Его видели Парацельс и Якоб Бёме.

— Это были образы, созданные их фантазией,— пренебрежительно заметил доктор Карс.

— Образы, да, но это были образы действительности, воображения.— Нордберг нагнулся и кинул полено в огонь.— Специалисты в области души, вроде доктора Карса, опираются исключительно на опыт. Но при этом они почему-то отвергают древний опыт, в котором отразилось глубинное содержание души, я имею в виду архетипы. Давно ли существует наш хваленый рацио, и давно ли мы обрели наше ясное сознание? С исторической точки зрения, наш разум переживает еще пору юности. Разве можно допустить, что наше незрелое сознание мудрее подсознания, хранящего опыт сотен тысяч лет?

— Не спорю,— согласился доктор Карс.— До сих пор я не имел чести сталкиваться с архетипами в своей практике. Но, надеюсь, господин Нордберг поможет мне познакомиться с ними. Где можно найти единорога?

— Да где угодно!— не задумываясь, ответил Нордберг.— Сразу за пределами нашего чувственного мира. Мы с ним то и дело встречаемся в повседневной жизни. Он может явиться нам в старом зеркале или в морозном узоре на стекле. Может притаиться за спиной ребенка, прыгающего через скакалку. Треснет в саду ветка, колыхнется гардина — все это может быть он... Не исключено, что он и сейчас где-нибудь здесь.

Нордберг указал в темный угол гостиной. Трое гостей машинально повернули головы.

— Единорог — не «фантазия». Он так же реален, как витамины. В любую минуту он может выйти из чащобы — нашей скрытой реальности. Вот он перед нами на лесной поляне ослепительно белый с торчащим в ночное небо рогом. И если он нас увидит, не миновать нам его рога. — Нордберг выразительно постучал пальцем по столу. — Если бы мы не лукавили, то все присутствующие признались бы, что им довелось встречаться с единорогом хотя бы раз в жизни.

Нордберг говорил с пафосом, редким для норвежских бридж-клубов. Зрелище было впечатляющее. Освещенный пламенем камина, он защищал мифическое животное, стоящее на каминной полке. Однако ни это зрелище, ни пафос Нордберга не произвели на доктора Карса ни малейшего впечатления. Он высморкался и сухо заметил:

— Я знал много людей, которые пережили нечто подобное. Все они были моими пациентами.

Директор Бёмер и Странд почтительно молчали, наблюдая открывающиеся перед ними глубины духовной жизни. Директор Бёмер думал: итак, каждый разрекламировал свой товар, посмотрим, каков будет результат. Он отпил немного коньяка и произнес:

— Если Нордберг говорит правду, то у каждого из нас найдется что рассказать о встрече с потусторонним миром. С кого начнем?

— Долг хозяина — рассказывать первым, — заявил Странд. — Нордберг так живо говорил о единороге, что мне не терпится услышать о его встрече с этим существом. Слово тебе, писатель! Что ты пережил? Может, тебе повезло побывать в доме с привидениями?

Нордберг кивнул.

— Самый удивительный дом с привидениями — это сам человек. Я с удовольствием расскажу вам один случай. Рассаживайтесь поудобнее. Эту историю надо слушать в глубоких креслах в темной комнате перед зажженным камином. В общем-то, это классическая история с привидениями.

Гости взяли рюмки и расположились в креслах. Хозяин погасил свет — теперь гостиную озаряло только пламя камина. Весело потрескивали толстые поленья. Странд глотнул коньяку и блаженно откинулся на мягкую спинку кресла.

— Теперь мы устроились замечательно, — сказал он. — Давай, нагоняй на нас страх.

Нордберг выпустил в статуэтку струю дыма.

— История эта давняя, случилась она в некоей усадьбе под названием Видванг, там жил камергер Хамел и его юная супруга Дафна. В лето 1802, глухой декабрьской ночью...— Нордберг вдруг замолчал и потянулся к книжному шкафу.— Впрочем, первую часть этой истории я вам, пожалуй, лучше прочту.— Он открыл нижнюю дверцу шкафа и достал рукопись.— Здесь все выстроено в нужном порядке.— Он положил рукопись на колени.— Я записал эту историю несколько лет назад в качестве заготовки, к которой собирался вернуться в будущем.

И он начал читать затаившим дыхание слушателям.

ИСТОРИЯ ПИСАТЕЛЯ

Книга черной магии и игра в прятки

В усадьбе был устроен пышный бал. В темноту ночи летели звуки спинета, флейты и виолончели, в каждом окне сияли огни веселого праздника. В ту же самую ночь и природа давала свой грандиозный зимний бал: мириады крошечных танцовщиц в белых накидках выводили менуэт на оконных стеклах. И парк, и густой еловый лес вокруг усадьбы превратились в великолепный зал, где исполнял свой танец мороз, где каждое дерево, каждый куст, одетые в хрустящие кружева, были в числе приглашенных. Несколько часов назад, миновав службы, к господскому дому подъехало множество саней, гости поднялись по парадной лестнице и прошли в широкие двери в стиле барокко. Теперь же следы от саней и ног вокруг дома исчезли, исчезла и сама дорога, ведущая к дому,— земля превратилась в белый пол бального зала.

Но в самом доме в сиянии люстр царило веселье. Ежегодный зимний бал в имении камергера Хамела был для всей округи знаменательным событием. Гости съезжались со всех концов уезда, получить приглашение на этот бал мечтали все, стремящиеся в высшее общество. Приглашение на декабрьский бал в Видванг считалось лучшей рекомендацией в дома местной аристократии. В этом глухом уголке земли праздник сверкал и переливался всеми цветами радуги, в тот вечер Видванг был средоточием всего самого элегантного и изысканного, чем мог похвастать уезд Смоленене. В зале на втором этаже сверкали хрустальные подвески люстр, танцевали дамы и кавалеры, одетые по моде периода Директории. Советница Блок плыла в паре с генерал-интендантом Адлером: она — в платье с высокой талией и кашемировой шали, ее прическу украшало страусовое перо, он — во французском фра-

ке с высоким воротником, из-под которого виднелся галстук и накрахмаленный стоячий воротник рубашки, в черном как смоль жилете и узких панталонах.

Только что отгремела стремительная мазурка, и можно было передохнуть. Гости разбрелись по залам и покоям; разбившись на небольшие группы, они оживленно беседовали. Одну группу взял под свою опеку сам хозяин, он решил исполнить ритуал, который неизменно каждый год повторялся во время бала в Видванге,— продемонстрировать гостям библиотеку — святая святых дома. В библиотеке вдоль всех стен, от пола до потолка, высились книжные шкафы. Камергер Хамел был известен своей страстью к книгам. Он обладал одним из самых крупных в стране собранием редких книг и манускриптов.

Пожилая дама с любопытством разглядывала сквозь стекло книжного шкафа корешки книг. Щурясь в лорнет, она прочитала название, написанное золотыми тисненными буквами:

— De Revolutionibus Orbium Coelestium. Anno Domini 1543¹. Кто автор? Ах, Боже мой!— Она с почтением посмотрела на камергера Хамела.— Неужели это сам великий Коперник?

— Вы угадали, сударыня. Это первое издание. То самое, которое стараниями его друга Рэтика было напечатано в Нюрнберге и попало в руки автора, когда тот уже лежал на смертном одре.

Хамелу было около шестидесяти, голову его успела посеребрить седина. Но когда он рассказывал о своих находках, он становился похож на юношу.

— Хотите взглянуть?— с готовностью спросил он.— А могу показать вам подлинную инкунабулу, отпечатанную самим Иоганном Гутенбергом.

— Лучше покажи гостям свои новые приобретения, Томас.

Это произнес молодой женский голос с легким иностранным акцентом. Облик фру Дафны также свидетельствовал о том, что родилась она не здесь, а в далеких теплых краях. Тяжелые, черные как ночь волосы обрамляли маленькое лицо, прекрасное, как у мраморной нимфы на старинном фонтане. Глаза у фру Дафны были темные и блестящие, а проворные движения отличались легкостью и грацией, невиданными в уезде Смоленене даже на изысканных балах в доме камергера Хамела. Ее лоб венчала диадема из бриллиантов, поверх белого платья с высокой талией была надета золотистая туника — не только красота, но и наряд говорили о том, что она царица бала.

¹ «Об обращениях небесных сфер». 1543 от Рождества Христова (лат.).

Фру Дафна была очень молода, почти на сорок лет моложе своего мужа. Легкой рукой в бальной перчатке она тронула камергера Хамела за плечо и сказала:

— Покажи нашим гостям Киприануса.

Камергер Хамел радостно кивнул. Он подошел к книжному шкафу, отворил стеклянную дверцу и достал старинный, весьма потрепанный фолиант в кожаном переплете на застежке. Положив книгу на стол, он осторожно и торжественно открыл титульный лист.

ЮЛИУС КИПРИАНУС

Искусство черной магии

писано

в Виттенбергской академии в год 1569

— Это первый датский перевод знаменитой, или, лучше сказать, нашумевшей книги,— объяснил камергер Хамел.— Смею признаться, эта книга — предмет моей гордости.

Он перевернул страницу. Дама с лорнетом склонилась над книгой и прочитала:

«Клянусь Господом Богом и Святым Духом, просветившим меня, что вручаю себя Владыке Мира, бессмертному Люциферу, за что он будет служить мне и исполнять мои желания. Что и скрепляю подписью, сделанной моей кровью».

— Спаси Бог!— дама отпрянула от книги и дальше читать не пожелала.

Над книгой склонился молодой человек. Он перевернул несколько страниц и начал читать нарочито глухим голосом:

Как сделать, чтобы человек уснул на девять дней.

Разотрите заячью печень, размешайте ее в водке с пивным уксусом и дайте выпить тому, кого хотите усыпить. Потом положите ему под голову заячье легкое, и он будет спать до тех пор, пока вы не вольтете ему в рот пивного уксуса.

— Чудное средство против бессонницы!— произнесла молодая дама и прикрыла улыбку веером, на котором были нарисованы бабочки.

Общество развеселилось. Только камергер Хамел сохранял серьезность, ему не нравилось, что из его сокровища

устроили развлечение. Но, как радушный хозяин, он воздержался от замечания насчет неуместного смеха гостей.

Получив одобрение, молодой человек вошел во вкус:

Как стать неуязвимым для стали и железа.

Возьмите камень из головы ласточки, белую кладбищенскую землю и ложку ртути. Все это положите под мышку, и целые сутки вам будут не страшны ни сталь, ни железо.

Терпению хозяина пришел конец. Он поднял руку, словно хотел прекратить веселые насмешки великосветских дам.

— Нам посчастливилось жить в самое просвещенное из всех времен,— начал он.— Но разве это дает нам право смеяться над предрассудками прошлого? Ведь мы ни разу не пробовали воспользоваться старинными рекомендациями.

Стройный и красивый молодой человек стоял прислонившись к книжному шкафу и с безразличным видом поигрывал лорнетом. На шее у него был пышный белый галстук, искусно повязанный *à la révolution*. Это был молодой Пребен Берле, получивший ученую степень магистра, коммерсант, подающий большие надежды, во всех отношениях человек нового времени, одинаковый поклонник и английских мануфактуристов, и корсиканского узурпатора Бонапарта. Он вмешался в беседу с бесцеремонностью, присущей новому веку:

— Не чувствую ни малейшего уважения к средневековой магии. Нашему времени принадлежат чудеса куда более значительные. Что такое ведьма на помеле по сравнению с маховым колесом паровой машины!

— Зато напиток ведьмы гораздо приятнее паровой машины, хотя наверное не так полезен,— сказала молодая дама с веером.

— Фрекен, вероятно, случилось попробовать этот напиток?— осведомился камергер Хамел.

Пребен Берле подошел к раскрытой книге.

— Я полагаю, чары нашей прекрасной хозяйки сильнее любой черной магии,— заметил он и галантно поклонился фру Дафне.

В ответ на комплимент фру Дафна присела в низком реверансе. Камергер Хамел кашлянул и направился к двери. Он был не прочь положить конец этому обмену любезностями.

Но на этот раз свою находку в книге Киприануса сделал Пребен Берле. Он указал лорнетом на пожелтевшую страницу:

— Кстати, любопытный рецепт: *Как стать невидимым.*
— Неужели это возможно, господин Берле?— изумилась дама с веером.

Пребен Берле поднял лорнет, словно волшебную палочку, и прочитал голосом, каким читают заклинания:

Паутину и зуб покойника сварите в смеси вина и уксуса. Влейте туда кровь черного теленка и выпейте в полночь. После этого вы станете невидимы.

Молодая дама пришла в восторг.

— Полночь уже близко!— воскликнула она.— Вот если бы у нас было все, что необходимо!

— А все есть.— Фру Дафна показала рукой вниз, внизу на первом этаже находилась кухня.— Только вчера у нас зарезали черного теленка, его кровь до сих пор хранится на кухне.

— А зуб покойника?— не без страха спросила пожилая дама с лорнетом.

— Зуб тоже найдется,— ответила фру Дафна уклончиво и развернула свой веер. На веере был изображен фавн, играющий на флейте.

— А паутина?

— Паутины в Видванге предостаточно.— В этих словах фру Дафны прозвучал затаенный намек.

Пребен Берле прервал неловкую паузу.

— Тогда у меня есть предложение. Воспользовавшись этим рецептом, мы сможем сыграть в прятки, но на новый лад, гораздо интереснее...

— Великолпно!— Молодой человек, тот, что первый читал магические рецепты, тут же уловил суть.— Мы сможем прятаться гораздо надежнее, чем раньше.

— Если, конечно, наша любезная хозяйка распорядится приготовить напиток,— заметил Пребен Берле.

Фру Дафна с улыбкой перебила его:

— Лучше я приготовлю его сама, иначе наутро мы недосчитаемся кого-нибудь из прислуги.

При этом намеке на суеверность простолюдинов гости рассмеялись. Однако дама с веером отнеслась к предстоящей затее очень серьезно.

— Когда же мы начнем игру?— спросила она с нетерпением.

— Каждый получит бокал с вином,— сказал Пребен Берле и, держа лорнет, как бутылку, сделал вид, что разливает вино по бокалам.— Но в одном из бокалов будет

колдовское зелье, по цвету точно такое же, как вино. Каждый спрячется и в своем убежище выпьет вино. Абракасас!¹ И если кого-то из нас так и не найдут, я готов склонить голову перед мрачным средневековьем, которое так мило сердцу господина камергера.

Гости восхищенно заплотировали, идея привела их в восторг. Только камергер выслушал этот план даже не улыбнувшись. Игры, в которых принимало участие все общество, были неотъемлемой частью балов в Видванге, однако новая затея пришлась явно не по душе хозяину дома. Он поспешил спрятать книгу Киприануса на место. Казалось, он хочет защитить то, что ему дорого, от насмешек этих молодых профанов.

— Кто будет водить?— спросил один из гостей.

Пребен Берле поклонился в сторону камергера Хамела:

— Надеюсь, господин камергер не откажет нам в этой любезности? Было бы весьма прискорбно, если бы при таком стечении гостей исчез сам хозяин.

Камергер Хамел запер книжный шкаф и стоял с ключом в руке.

— Не проще ли, чтобы напиток выпил сразу господин Берле? Через несколько дней он покидает наши края, и мы в любом случае вряд ли его когда-нибудь увидим.

— Иными словами, господин камергер хочет сказать: не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня.— Тон у Пребена Берле был по-прежнему любезный, но далеко не кроткий.

Гости засмеялись чуть громче, чем требовалось, словно старались показать, что воспринимают эту словесную дуэль как шутку. Чувствовалось, что господину камергеру и Пребену Берле общество друг друга не доставляло ни малейшего удовольствия.

Камергер Хамел повесил ключ на гвоздь, движения его были торопливы, и ключ звякнул о стену.

— Я готов водить, но заранее прошу уволить меня от ответственности, что бы ни произошло,— предупредил он.

Его жена, которая собиралась было покинуть библиотеку, обернулась.

— Неужели, Томас, ты и в самом деле веришь...

— Ну, разумеется, верит, дорогая!— перебила ее дама с веером.

Фру Дафна улыбнулась, вновь повернулась к двери, но опять остановилась.

— Что там сказано в рецепте?

Помещик, который уже успел основательно приложиться к чаше с пуншем, встал со стула и пробормотал:

¹ Мифологическое существо, изображаемое с головой петуха, телом человека и змеями вместо ног, выражало идею единства добрых и злых сил человеческой души.

— Паутина... шкура теленка... черный зуб...

— Позвольте, лучше я!— Пребен Берле подошел к хозяйке и увел ее в синий кабинет, который находился рядом с библиотекой. Там он остановился и перечислил, загибая пальцы:— Паутина и зуб покойника варятся в вине и уксусе, туда же вливается кровь черного теленка. Вот и все, что нам необходимо. Только где же взять зуб?

— Предоставьте это мне,— ответила фру Дафна и загадочно улыбнулась.

— Может быть, фру Дафне потребуется моя помощь?

Но фру Дафна покачала головой и быстро удалилась по коридору. Пребен Берле поклонился ей вслед и вышел в другую дверь.

*

Тем временем в синем кабинете на кушетке-рекамье сидели и беседовали две дамы. Когда пара вошла в кабинет, они умолкли и стали пристально разглядывать хозяйку и гостя. Такой зоркий взгляд бывает только у дам, для которых молодость осталась в далеком прошлом.

— Как хороша сегодня фру Дафна,— заметила жена судьи.

— Пребен Берле тоже красив, такой стройный и такой молодой.— Жена уездного предводителя бросила мечтательный взгляд на фигурки пастуха и пастушки саксонского фарфора, которые стояли на бюро.

— Как печально, что он уезжает в Датскую Вест-Индию.— Жена судьи вздохнула.— Но ведь ему, кажется, надо заняться отцовской сахарной плантацией?

— Это верно.— Предводительша тоже вздохнула.— Его шхуна стоит в Христиании, она уже готова к отплытию... Ах, Эллен Агнета, ты видела, как они танцевали фанданго?

— Да, Хенриетта Мария, видела.— Жена судьи склонилась над своей сумочкой-помпадур, словно хотела поверить ей свою печаль.— Грустно, очень грустно, что он уезжает

— Да, грустно... Фру Дафна так прекрасна.

И они обменялись взглядами, вмещавшими в себя весь женский опыт и всю женскую мудрость.

*

Молодая хозяйка легко пробежала по темному коридору в своих мягких сандалиях. Длинные бальные перчатки она успела снять, одной рукой она поддерживала шлейф, в дру-

гой несла фарфоровую чашу. На плечи она накинула толстую шаль, чтобы не испачкать золотистую тунику. Однако все эти помехи не мешали ей двигаться бесшумно и легко, словно она едва касалась ногами половиц. Она нырнула в узкий боковой проход так же внезапно, как лесная нимфа ныряет в заросли кустарника. Потом, будто птица из гущи листвы, выпорхнула из темноты. Все время она смотрела на потолок и что-то искала.

И наконец нашла. В углу, под потолком, там, где коридор поворачивал направо. Она поставила в угол стул и встала на него.

— Вот ты где,— прошептала она, обращаясь к кому-то в углу.

Посреди паутины неподвижно висел большой паук, как лесной орех среди листвы. Рядом висел орех поменьше — этот паук был мертвый. Более крупный орех ожил и начал стремительно спускаться — стебель, на котором он рос, удлинялся с невиданной скоростью.

— Кш-кш! — отмахнулась от него молодая хозяйка.

Паук юркнул в широкую щель.

Изящная ручка собирала клейкую паутину, будто это была не паутина, а цветы. Наконец вся паутина была собрана, и чаша наполнилась до краев.

Фру Дафна опять улыбнулась — этой улыбки не видел никто.

*

Внизу в кухне на широкой плите стоял котел. В котле начало что-то булькать, и запрыгала крышка. Пятнадцатилетняя Петрина, помощница кухарки, уже давно таращилась на этот котел. Теперь она потянулась, чтобы снять крышку, однако ее остановила великанша повариха. Железная рука схватила Петрину за запястье.

— Сказано тебе, не трожь! Вот неугомонная!

— Но ведь кипит, Марта! — захныкала Петрина.

— Госпожа не велела снимать крышку. Мешай-ка себе шоколад и не суйся, куда не просят.

— А чего хоть там такое?

— А это не твоего ума дело!

— Да ты и сама-то, поди, не знаешь? — Петрина была поражена своей догадкой.

Марта не ответила, она тоже была сбита с толку. В первых, госпожа собственноручно занималась стряпней на кухне, а во-вторых, запретила ей, кухарке, заглядывать в котел, — это было похоже на светопреставление.

Марта должна была согреть бутылки с вином, Петрине поручено было помешивать шоколад. Горничная соби-

ралась подать глинтвейн в курительную комнату, где господа играли в карты. Но они позабыли о своих обязанностях, выстроились вокруг плиты и смотрели на загадочный котел, в котором что-то булькало.

В соседней комнате над пустой пивной кружкой клевал носом кучер. Вот он встал и отправился в кухню, чтобы заново наполнить кружку. Но там он вместе со всеми устался на котел.

— Убежит!— крикнул он.

Марта осторожно сдвинула крышку, чтобы оставить щель для пара. Кучер подошел к самому котлу и попытался заглянуть в него. Марта отпихнула его:

— Ишь, любопытный! Сходил бы лучше в подвал да принес сухих дровишек.

Кучер повиновался. Приказания Марты были для всех законом, даже для кучера, у которого пересохло в горле.

— Петрина, шоколад!— вновь загудел голос Марты.— А ты, лентяйка, бери графины и марш в курительную комнату! Горничная схватила поднос и, звякнув графинами, исчезла.

Только сейчас Петрина заметила на столе бутылку вина, пузырек с уксусом, чашу с какими-то серыми лохмотьями и сосуд с густой красной жидкостью.

Паутина и.. кровь? Петрина задохнулась от своей догадки. Так и есть, телячья кровь, только ее варить не будут, ее нальют после. Петрина прилежно постигала кулинарную премудрость, как того требовали ее долг и совесть. Но стоило ей это больших усилий — приходилось выдерживать нешуточную борьбу с самой собой, со своей второй более легкомысленной натурой.

Многопудовая Марта обычно твердо стояла на земле. Она немного косила. Правый глаз у нее смотрел прямо и видел привычные сковородки, поварешки, перечницы и банки с кардамоном. Зато левый — поглядывал в сторону, будто заглядывался на что-то другое. Марта была родом из Нурланна. А у всех нурланнцев левый глаз такой — видит то, чего другим не видно.

— Что же там такое варится?— не унималась Петрина.

Марта занялась вином, а она все-таки уллучила минуту и заглянула в котел.

— Боже правый! Там нитка!

— Нитка?— Марта выпрямилась, это уже было выше ее сил.

Ей, как и Петрине, было трудно победить свою вторую природу. Она шагнула к плите.

Горничная уже вернулась на кухню, никогда прежде она не подавала глинтвейн так быстро. Теперь она выглядывала из-за широкой спины Марты, трепеща от нетерпения.

— Ну, посмотри, что там! Ну, прошу тебя!

Марта решительно подняла крышку. Поперек котла была положена проволока и к ней посередине привязана шелковая нитка. На нитке висел какой-то светлый желтоватый предмет, который захлестывала кипящая жидкость.

Петрина закусила губу:

— Это же зуб!

— Ой, человеческий!— охнула горничная.

Марта отпрянула от плиты и перекрестилась.

— Что здесь происходит, осмелюсь спросить?— раздался голос из глубины кухни.

Появилась фрекен Матильда, камеристка госпожи, которую наняли несколько недель назад. Она была невысокая, седая, немного сгорбленная, в толстых очках, за которыми щурились маленькие глазки. Больше всего на свете фрекен Матильда боялась уронить свое достоинство. Она держалась как придворная дама, и ее речь отличала чистота и строгость, присущая жителям Христиании.

— Что здесь происходит, осмелюсь спросить?— повторила она.

— Смотрите сами!— Марта указала на котел.

Фрекен Матильда так и сделала. Ей пришлось погрузить голову в облако пара, прежде чем она разглядела предмет, болтавшийся на нитке. Когда до нее дошло, что это такое, она схватилась за горло, потом ее рука поползла вниз, к груди.

— Медальон,— пробормотала она.— Не может быть! Я должна посмотреть у себя в комнате.— И она поспешно покинула кухню.

— Тут дело нечисто!— объявила Марта, вложив весь свой многопудовый вес в эти слова.

Ее левый глаз скопился еще больше. Неожиданно она закрыла глаза и вытянула правую руку, растопырив и обратив вниз указательный и средний палец. Скороговоркой, почти беззвучно, но отчеканивая ритм, она произнесла:

Утони его прочь по воде,
по которой никто не плышет,
утони его прочь к берегам,
на которых никто не живет.
Пусть он там бранится,
пусть он там ярится.
Заклинаю тебя во имя Иисуса Христа,
и никому не во вред.

Петрина смотрела на нее, разинув рот.

— Господи, что это ты такое говоришь?

¹Здесь и дальше стихи в переводе Ю. Вронского.

— Не твое дело.— Горничная в страхе загремела рюмками и графинами, ей хотелось услышать какой-нибудь обыденный звук.— Марта всегда так говорит, когда ей что-то не нравится.

— Хорошо, что я здесь не живу и мне не надо ночевать в этом доме,— вырвалось у Петрины.— Бог ее знает, нашу госпожу, кто она на самом деле.

Марта сняла котел с огня и снова накрыла крышкой.

— Хватит ему кипеть.— Она повернулась к служанкам и многозначительно изрекла:— Одно вам скажу, она не из знатной семьи. Она иностранка.

— Небось артисткой была, недаром на скрипке играть умеет,— заметила горничная под звяканье графинов.— Только упаси Бог от ее представлений. Бедняга камергер, ему-то от нее уже никуда не деться.

— Может, она цыганка?— предположила Петрина.— У нее все какие-то тайны...

Марта кивнула:

— Камеристка видела у нее в комнате какой-то чудной стеклянный шар... Верно я говорю, фрекен Матильда?— Последние слова были обращены к камеристке, которая как раз появилась на пороге кухни.

Камеристка была бледная как смерть, руки у нее дрожали. Она держала маленький медальон из слоновой кости, оправленный в серебро. Медальон был раскрыт, он был пустой.

— Так я и думала,— сказала она чуть слышно.— Пропал!

— Пропал?— переспросила Марта. Она была готова ко всему.

— Я хранила его в медальоне в память о брате. Мой брат умер еще мальчиком.

— Неужто зуб?— прошептала Петрина и испуганно покосилась на дверь.— Я хочу домой!

— Теперь мне ясно, чем они там занимаются.— Фрекен Матильда взволнованно кивнула головой на бальный зал.— Они затеяли игру с черной магией.

Марта скосила левый глаз на котел.

— Это ж надо, зуб покойника! Тут добра не жди! Бог покарает за такие дела.

И она снова растопырила пальцы, заклиная нечистую силу.

Камеристка сжала медальон.

— Ради пустой забавы украсть мое сокровище!

— Наша госпожа — ведьма!— сказала Марта, отчеканивая каждое слово.

Возле двери, ведущей в подвал, что-то загремело. Служанки как по команде повернули головы. В дверях стоял кучер, глаза у него были испуганные. Его поход за дрова-

ми сильно затянулся, видно, он коротал время подле одной из пивных бочек. Но в кухне его блаженное настроение мигом рассеялось. Услышав слова Марты, он выронил охапку дров.

— Ведьма! — повторил он последнее слово, которое еще висело в воздухе.

*

Общество собралось в столовой на первом этаже. Две горничные внесли подносы, уставленные бокалами с вином. Они расставили бокалы в три ряда на огромном дубовом столе. Одна из горничных, судя по всему, работала недавно и была еще неопытной, бокалы у нее на подносе звенели, как множество колокольчиков. И руки дрожали так, что она чуть не опрокинула несколько бокалов. Поставив наконец бокалы на стол, она метнулась из столовой, словно перепуганная птица, которая случайно залетела в дом и в конце концов нашла открытое окно.

— До чего неотесанная прислуга, — тихо заметила советница.

Занятая приготовлениями к полуночной игре, фру Дафна долго отсутствовала. Теперь она снова сияла среди гостей, и бриллианты диадемы казались неотъемлемой частью ее собственной красоты. Фру Дафна встала во главе стола. Она указала веером на ровные ряды бокалов с красным вином, выстроенные как солдаты на параде.

— Вино на столе! В одном из бокалов колдовское зелье. Прощу вас, господа!

Пребен Берле обошел столовую и потушил все свечи, оставив гореть только две свечи на столике рококо в дальнем конце комнаты. Слугам велели потушить свет во всем доме, разрешено было оставить лишь несколько свечей в самых больших комнатах, во флигеле для прислуги и на кухне. В глубоком молчании гости по очереди взяли бокалы, они словно исполняли торжественный ритуал.

Камергер Хамел принес маленькие песочные часы и поставил их точно посередине между двумя зажженными свечами. Он стоял возле столика, ожидая начала игры. В руках у него была черная трость с серебряным набалдашником.

Он выглядел величественно — хозяин огромного имения, окруженного кольцом хозяйств, которые сдавались в аренду. Сразу было видно, что это самый богатый человек в уезде. Внизу за лесом, там, где грохотала Гломма, у него была водяная толчея, пять мельниц и двенадцать лесопилен. Он владел также семью грузовыми шхунами, которые возили лес, табачной фабрикой, железоплавильным

заводом и фаянсовой фабрикой. Но его интересовали не только богатство и власть. Он любил называть себя Гулливером, так как побывал во многих странах и из последнего путешествия привез свою юную красавицу жену. Не чужды были ему и современные идеи, он знал и Монтескье, и Месмера, и Гальвани. Он овладел опытом и знаниями нового времени, но не мог смириться с его дурными манерами. По своим привычкам и поведению он был господином старой закваски, *grand-seigneur*¹, получивший воспитание еще до Великой французской революции.

В тот вечер он не изменил себе. Хотя ему и не нравилась затеянная игра, он прилежно исполнял возложенную на него роль, повинувшись желанию гостей. Делал он это с величайшей серьезностью. Как справедливо заметил модный философ Руссо: игра — самая серьезная вещь на свете.

Наконец гости разобрали все бокалы. Хозяин дома трижды ударил тростью в пол и провозгласил, как герольд перед городским собором:

— Игра начинается! Сначала все прячутся, потом осушают бокалы! В вашем распоряжении пять минут!

Хозяин перевернул песочные часы, и песчинки тонкой струйкой потекли вниз, а сам он сел у столика спиной к гостям и приставил руки к глазам, как шоры. Гости с бокалами в руках стали разбредаться по темному дому. Лица у всех были мрачные, словно в эту ночь их ожидало какое-то роковое событие.

Минуты шли, по всему дому слышался шорох, похожий на шелест летучих мышей. Скрипели ступени лестниц, взвизгивали дверные петли, кто-то заполз под кровать, кто-то притаился за гардинами. И каждый, спрятавшись, осушил свой бокал. Только что в нем было, вино или колдовское зелье?

Когда на дно песочных часов упала последняя песчинка, камергер открыл маленькую табакерку и взял понюшку табаку. Чихал он нарочито громко. Потом встал, и по дому раскатился его оглушительный голос:

— Время истекло!

С тростью в правой руке и подсвечником в левой он пустился на поиски.

В гобеленовой комнате возле самой печки хакедальских мастеров подозрительно оттопырился один гобелен. Камергер Хамел откинул его и обнаружил фрекен фон Сибберн с пустым бокалом в руке. Камергер легонько ударил ее по плечу серебряным набалдашником своей трости.

— Вы найдены! — объявил он.

¹Знатный человек, вельможа (*фр.*).

— Ой, значит, я не стала невидимой?— И очаровательная фрекен фон Сибберн окинула себя игривым взглядом. Ее прелесть и обаяние по-прежнему радовали глаз.

Из соседней комнаты доносились странные звуки, как будто там работала мельница. Камергер Хамел вошел в комнату, и пламя его свечи осветило стену над диваном. На стене висели две гравюры Уильяма Хогарта, каждая иллюстрировала прискорбный итог пьянства. Что касается третьей иллюстрации, то к Хогарту она не имела ни малейшего отношения,— прискорбный итог пьянства лежал на диване собственной персоной. Это был помещик, любитель пунша. Он храпел, как мельница или лесопильня камергера Хамела.

— Вы найдены!— воскликнул камергер Хамел, на этот раз удар серебряного набалдашника был посильнее.

Помещик забормотал во сне:

— ...розги, молодой человек! Пальчики фру... Хамел!— Последнее слово он произнес в момент пробуждения, увидев стоявшего над ним камергера.

Вскоре камергер Хамел уже пробирался через вороха одежды в гардеробной. Он решил заглянуть сюда, заметив перед дверью два пустых бокала, которые стояли словно двое часовых. В глубине гардеробной висело старинное платье-криолин, эта мода конца прошлого века пала вместе с Бастилией. Притаившись за сей шелковой крепостью, замерла в пылком объятии юная пара.

Серебряный набалдашник был беспощаден:

— Найдены, найдены!

— Пожалуй, это недалеко от истины.— Юная особа посмотрела сияющим взглядом на своего кавалера. Это была та самая дама с веером, разрисованным бабочками. Здесь, в гардеробной, она нашла своего суженого.

Камергер продолжал охоту. В темноте он застал немало нежных сцен, то и дело слышался смех, игра в невидимку имела большой успех. Гости, которые уже были «найденны», собрались внизу в столовой, там они утешались горячим шоколадом с пышками и ждали конца игры. Общее оживление возрастало с появлением каждого нового гостя. Пока что здесь были только те, кто выпил всего-навсего чистое бургундское, без примеси уксуса, паутины или телячьей крови. Кому же досталось колдовское зелье?

Игра длилась долго — дом был велик и гостей съехало много. И некоторые из них спрятались весьма искусно. Прошел почти целый час, прежде чем все общество вновь собралось в столовой.

Опять зажгли свечи.

— Все на месте?— спросил пьяный помещик, ему казалось, что игра затянулась, его опять мучила жажда.

Камергер Хамел стоял и осматривал своих пленников.
— Все здесь, кроме одной.— Он нахмурился.— Но она знает все углы и закоулки в доме лучше, чем я.— Он распахнул дверь в коридор и крикнул:— Дафна, сдаюсь, выходи!

Молчание. Ни ответа, ни звука шагов.

Вскоре голос камергера Хамела был слышен уже по всему дому: то в одном зале, то в другом, то на лестнице, то где-то вддали, то совсем рядом.

— Дафна, выходи! Где ты?

Наконец он вернулся к гостям.

— Ничего не понимаю,— пробормотал он.

— А может быть, ее и нет в доме— ведь она могла спрятаться в сарае или амбаре,— предположил кто-то из гостей.

— Выйти она не могла.— Пребен Берле показал в окно на дорогу, которая вела к парадному входу.

На заснеженных ступеньках лестницы не было ни одного следа. А между тем снегопад прекратился не меньше чем полчаса назад.

Проверили все выходы из дома: один был в задней части дома, два другие — во флигелях. Всюду у самого порога лежал нетронутый снег.

— Значит, она в доме,— сказал Пребен Берле.— Только где?

Исчезли его удаль и самоуверенность, он был встревожен. Гости приуныли. Их лица уже не сияли весельем, и только пьяный помещик благополучно утратил способность что-либо понимать. В гнетущем молчании гости растерянно смотрели друг на друга, они не знали, что и думать, лица у них окаменели. Время от времени кто-нибудь подходил к окну и оглядывал заснеженные окрестности.

Камергер Хамел предпринял новую экспедицию в коридор и наткнулся на камеристку, фрекен Матильду.

— Фрекен Матильда, может быть, вы видели фру Дафну?

Щуря глаза за толстыми очками и ломая руки, она пролепетала:

— Нет... то есть — раньше видела, а сейчас нет.

— Мы играли в прятки, фрекен Матильда, и вот фру Дафна пропала.

— А господин камергер смотрел на чердаке?— Белым иссохшим пальцем старой девы фрекен Матильда показала вверх, на чердак.

— Там я уже был...— Камергер Хамел потер лоб.— Разве что в сундуке?

Он быстро повернулся к гостям.

— У нас на чердаке стоит большой сундук,— начал он.— Что если...

— Она в него спряталась,— договорил за него Пребен Берле.

— И замок случайно защелкнулся,— сказала, ни к кому не обращаясь, жена судьи. А потом зашептала на ухо предводительше:— Однажды такое случилось на деревенской свадьбе. Играли в прятки, и вдруг невеста пропала.

— Я слышала эту историю,— прошептала предводительша.— Через много лет ее нашли в сундуке на чердаке— скелет в подвенечном уборе...

Пребен Берле рванулся к двери.

— Скорее наверх!

Многие из гостей устремились за Пребеном Берле и камергером Хамелом. Узкая лестница, ведущая на чердак, скрипела и содрогалась от топота нетерпеливых ног. Камергер со свечой в руке поднимался первый, почти на самом верху его толкнул взволнованный Пребен Берле, который хотел протиснуться вперед. Владелец Видванга обернулся и прошипел:

— Осторожней, молодой человек!

Гости ввалились на чердак. Здесь было холодно, у стены стоял большой сундук, над ним висела старая рабочая одежда. Пребен Берле кинулся к сундуку и рванул крышку. Она не поддалась.

Камергер Хамел спокойно поставил трость и сказал:

— Подвиньтесь-ка, молодой человек, вы пытаетесь открыть сундук не с той стороны.

Он наклонился и отодвинул тяжелый сундук от стены, чтобы можно было добраться до запора, который находился сзади. Камергер Хамел сделал это легко, без натуги: несмотря на почтенный возраст, он был еще полон сил. Потом он коснулся пальцами замка, раздался щелчок, и камергер Хамел откинул крышку сундука.

Сундук был пуст. Из глубины его поднимался горьковатый запах плесени.

Все смотрели друг на друга в тусклом свете восковой свечи. И здесь не оказалось фру Дафны. Камергер Хамел закусил губу. Пребен Берле резко выпрямился и ударился головой о скат крыши.

Вдруг фрекен Матильда, поднявшаяся на чердак вместе со всеми, судорожно глотнула воздух. Дрожащей рукой она показала в угол.

— Смотрите!— сказала она едва слышно.

В углу, на другом сундуке, покрытом пылью, стоял пустой бокал.

— О, черт!— Камергер Хамел редко произносил подобные слова.— Как это я не заметил его сразу?

Лейтенант Стабель, один из молодых гостей, сходил, пригнувшись под низким скатом крыши, и принес бокал.

Он посмотрел его на свет.

— Из него пили совсем недавно. Вон свежая капля.

Он обмакнул палец в остатки вина и лизнул его. Лицо у него скривилось.

— Это не чистое вино...— сказал он.

— Мне дурно...— Фрекен Матильда покачнулась.— Нет, благодарю, я сама.

Она отказалась опереться на руку лейтенанта. Несмотря на страх, воспитание не позволило фрекен Матильде потерять сознание на чердаке, тем более в присутствии мужчин. Гости слышали, как она спускалась по лестнице, с трудом нащупывая ступени. Только в своей комнате она смогла наконец упасть в обморок.

На чердаке было окно. Должно быть, оно оставалось незапертым, потому что вдруг под напором ветра со скрежетом распахнулось. Дыхание декабрьской ночи ворвалось на чердак, сдунув снег с оконного карниза на пол. Пребен Берле и лейтенант Стабелль выглянули наружу, камергер с гостями последовал их примеру.

До земли было около тридцати локтей. На гладкой снежной поверхности не были видно ни одного изъяна.

— Этим путем уйти невозможно,— заключил лейтенант Стабелль.

— Странно.— Камергер Хамел провел рукой по подоконнику.— Не понимаю, почему окно открыто.

*

В доме возобновились поиски, на этот раз участие в них приняли все гости. Они осмотрели все мыслимые и немыслимые закоулки, побывали на чердаке и в подвале, не пропустили ни один угол, ни одну нишу. Но все было бесполезно, фру Дафна исчезла, исчезло белое платье, золотистая туника, веер с фавном.

И вновь все пришли к твердому убеждению, что выйти из дома она никак не могла. Они исследовали снег под каждым окном первого этажа— он был девственно не тронут. Да и не стала бы фру Дафна вылезать в окно— в иных местах сугробы у стены достигали пяти футов. Что касается парадного входа, то его ни разу не открывали за последние несколько часов. На всем Видванге лежала снежная печать, еще никем не сломанная. И это неопровержимо доказывало, что фру Дафна по-прежнему находится в доме.

А между тем ее нигде не было.

Пребен Берле и лейтенант Стабелль начали по порядку допрашивать гостей, принимавших участие в игре. Резуль-

тат был неутешительный. Почти никто не видел хозяйку после того, как все разошлись прятаться. К тому же почти во всем доме была крошечная тьма. Пьяный помещик тоже хотел дать свои показания, но все прекрасно знали, что он спал. Предводительша утверждала, что видела, как фру Дафна проскользнула в свою спальню, которая была на первом этаже в конце длинного коридора, откуда начиналась господская половина. Но это было сомнительно — на время бала спальня была заперта, а ключ повешен в шкаф. Хозяйка Видванга не желала, чтобы в ее отсутствие входили к ней в спальню. Другой гость сказал, что видел фру Дафну на чердачной лестнице. Но это ничего не означало. Музыканты тоже не могли сказать ничего вразумительного. Они сидели в маленьком кабинете позади бального зала и угощались пивом. Прятаться к ним никто не приходил.

Судя по всему, прислуга тоже вряд ли могла пролить свет на случившееся. Камергер Хамел, однако, хотел допросить и прислугу. Но это ему не удалось.

*

Слуги собрались на кухне, все эти добрые домовые, без которых знатные господа, затеявшие бал, не могли обойтись. Здесь были кучера, горничные, камеристка, главная кухарка, ее помощники. Марта собиралась высказать свое мнение. Остальные почтительно молчали, все ждали от нее решающего слова. И она его произнесла.

Она стояла спиной к стене, до потолка увешанной медной посудой. Казалось, это спинка огромного трона. В увесистом кулаке Марта сжимала поварешку, символ власти, которую она намеревалась с себя сложить. Много лет Марта правила в этом царстве дымящихся котлов и звонких тарелок, была владычицей плиты и повелительницей кухонной утвари. Теперь она собиралась отречься от престола.

— А что я вам говорила?— Слова давили своей чугунной тяжестью. Такими же тяжелыми были и следующие слова:— Ведьма улетела.

— Марта права,— сказала фрекен Матильда, которая только что поведала всем о том, что ей пришлось пережить на чердаке. Старая дева выглядела еще более сгорбленной и иссохшей. В глазах ее затаился страх, который не могли скрыть даже самые безупречные манеры.— Другого объяснения нет.— Она выглянула в окно, за которым стояла самая темная ночь в году.— Ведьма улетела.

Никогда левый глаз Марты не косил так сильно. Она закрыла глаза, снова растопырила два пальца и скороговоркой произнесла:

Несан Факсус Парно!
Далёко вверх,
далёко вниз,
далёко в обе стороны!

— Хочу домой!— взвыла Петрина и бросилась к двери. Фрекен Матильда посмотрела ей вслед и понимающе кивнула.

— Петрина права, здесь нельзя оставаться,— сказала она, с трудом сохраняя самообладание.— В этом доме завелась нечистая сила.

И тут началось невообразимое. Слуги, которые не только работали, но и жили в усадьбе, устремились в свои комнаты и стали собирать пожитки. Другие сразу бросились в сени, срывая на ходу с крючков свою одежду, спотыкаясь и толкая друг друга в поисках курток, шалей и сапог. Даже кучер, стряхнув с себя хмель, натянул свой овчинный тулуп. Смятение было внезапным и общим, никто не хотел ни на миг задерживаться в Видванге.

В этом доме побывал сам дьявол и увел свою подданную.

*

Стоя у окна, камергер Хамел вдруг увидел небывалое зрелище. Темные фигуры людей вереницей, утопая в снегу, бежали прочь со двора. Большинство из них тащили узлы, некоторые — расписные коробки, двое несли сундук. Отступление было таким внезапным, что люди не успели толком одеться. У одного недоставало рукавицы, другой натянул куртку задом наперед, у третьих полы незастегнутых сюртуков развевались на фоне белого снега, как черные мантии всадников. Все эти люди отбрасывали причудливые тени. Никто из беглецов ни разу не обернулся, за исключением девочки Петрины, которая бежала позади всех, уцепившись за Марту. Она обернулась, как жена Лота, которая хотела последний раз взглянуть на Содом.

Снова повалил снег, он становился все гуще и гуще, и скоро за окном уже ничего нельзя было разглядеть. Природа возобновила прерванный зимний бал, вновь зазвучал оркестр. И мириады крошечных танцовщиц в белых накидках вновь выводили свой менуэт на оконных стеклах.

Камергер Хамел отвернулся от окна, лицо у него было белое как снег. Взгляд его упал на небольшой предмет,

который по-прежнему стоял между двумя свечами на столике рококо.

Песочные часы. Они уже давно отсчитали пять минут.

Нордберг отложил рукопись.

— На этом запись кончается.

— Но, надеюсь, не сама история?— спросил Странд.

— Нет, наоборот, история теперь только начнется. На этот раз — моя история.

Нордберг зажег в камине скрученную бумагу и закурил сигарету.

— Фру Дафну так и не нашли. Игра в невидимку в Видванге осталась неразгаданной тайной в норвежской усадебной хронике. И эта тайна взывала к драматургам.

Директор Бёмер кивнул:

— Вы правы, в этой драме явно не хватает последнего акта.

— Типичный сюжет с запертой комнатой,— сказал Странд, который был усердным читателем детективных романов. — Эту тему постоянно варьирует Джон Диксон Карр.

— Вот и я разработал свой вариант этой темы,— сказал Нордберг.— Правда, в моей истории речь скорее идет о «запертом доме». Эта старая загадка давно не давала мне покоя, и наконец мне показалось, что я нашел подходящее объяснение.— Он глубоко затянулся и снова обдал дымом единорога.— Но и в найденном мною объяснении не обошлось без единорога.

— Позвольте вопрос,— начал доктор Карс и откашлялся.— Все подробности в этой вашей новелле соответствуют историческим данным?— Представитель науки занес руку над свободой творчества. Интонация, с которой было произнесено слово «новелла», не оставляла сомнений.

— Я ждал этого вопроса.— Нордберг с улыбкой отразил выпад доктора Карса.— Признаюсь, кое-что я здесь приукрасил, чтобы лучше передать атмосферу того времени. Я прочитал вам заготовку, да простит меня доктор Карс, к художественному произведению. Но основная суть соответствует историческим документам. Эта история изложена в мемуарах бывшего лейтенанта, а в последствии генерал-майора, Стабелля.

— А что вы скажете насчет образа несломанной снежной печати, которая лежала на Видванге?— начал было директор Бёмер.

— Это исторический факт. И найденный на чердаке пустой бокал тоже. Даже слова фрекен Матильды «мне дурно» я нашел в одном из источников.

— Ну, а продолжение?— спросил Странд.— Ты нас всех заинтриговал.

— Сперва я должен кое-что добавить к тому, что уже рассказал. Вскоре после той декабрьской ночи не стало и двух других действующих лиц этой драмы. Пребен Берле отбыл в Датскую Вест-Индию и через год умер там от тропической лихорадки. Камергер Хамел стал затворником и погрузился в черную меланхолию, он тоже умер в 1803 году. Видванг перешел во владение к другой ветви рода Хамелов, а в военной кампании 1814 года усадьба опять сыграла свою загадочную роль,— но это уже другая история. С конца прошлого века усадьба принадлежала муниципалитету, и нынче там музей. Эта усадьба — уникальная достопримечательность, поскольку полностью сохранился ее интерьер, в отличие от Эйдсволла или других усадеб, обстановка которых была распродана во время волны банкротств, прокатившейся по Норвегии в двадцатые годы прошлого века. Со времен камергера Хамела в доме ничего не изменилось. Идеальное место для писателя, который находится «в поисках утраченного времени». Ну, а теперь,— Нордберг сделал глоток коньяка, дабы раньше времени не иссяк талант рассказчика,— на сцене появляется моя скромная персона.

Несколько лет назад одна из коммун Эстфолла обратилась ко мне со странной просьбой. Меня попросили написать четверостишие для пьедестала нового памятника. Руководство коммуны находилось в безвыходном положении: открытие памятника должно было состояться через месяц, а на пьедестале обнаружилось пустое пространство, куда так и напрашивалось стихотворение. Комитет по открытию памятника перевернул вверх дном всю нашу классическую литературу, но не нашел ни одной подходящей цитаты. Не мог бы я срочно написать для них четыре строки в духе Бьёрнсона?

Дело было необычное, но оно меня заинтересовало — не каждый день твои стихи высекают на граните. Я взялся за работу и приложил все усилия, чтобы выполнить ее как можно лучше,— слова, выбитые на камне, живут дольше, чем на бумаге. Руководство коммуны было в восторге. Какой бы мне хотелось получить гонорар? Председатель коммуны написал мне, что за помощь, оказанную в трудную минуту, я могу рассчитывать на приличное вознаграждение.

Однако, когда я взялся за этот заказ, у меня была своя тайная мысль. Как вам известно, Эстфолл в старину назывался уездом Смоленене. И в той самой коммуне, где

должен был открыться памятник, находилась усадьба Видванг. Я ответил председателю коммуны, что поскольку заказ весьма необычный, то я хочу, чтобы и гонорар тоже был необычный. В качестве гонорара я просил позволить мне прожить две недели в Видванге вместе с двумя моими друзьями. Дело было в декабре, а музей принимал посетителей только в летний сезон. Я объяснил, что просьба моя вызвана желанием глубже изучить культуру и историю прошлого, и давал слово сохранить убранство усадьбы в целостности и невредимости. Через три дня я получил торжественное официальное послание, в котором говорилось, что руководство коммуны рассмотрело мою просьбу и единогласно постановило ответить на нее положительно. Заботу об отоплении коммуна брала на себя. Ей-богу, чиновники бывают лучше, чем мы о них думаем.

Я как раз начал работать над пьесой о тайне Видванга и тут получил уникальную возможность продолжить работу на месте событий. Друзья, которых я пригласил с собой, были двое молодых актеров, Герт Вегнер и Элисабет Дарре. Я люблю работать с актерами, когда пишу пьесу,— можно сразу проиграть диалог, проверить сценические возможности того или иного эпизода. С этими актерами я уже работал и раньше, когда писал небольшую комедию, и эксперимент оказался весьма успешным. Эти актеры удивительно угадывали стиль, необходимый для исторических ролей, незадолго до того они превосходно сыграли в драме Ибсена «Фру Ингер из Эстрота», Герт исполнил роль Нильса Люкке, Элисабет — Элины Гюльденлёве.

Нынче не так много актеров, которые могли бы исполнить роль молодого светского льва прошлого века, умевшего держаться с утонченным достоинством. Вряд ли кто из актеров сможет поднять лорнет, но так, чтобы зрителям почудилось, будто они слышали звуки менуэта. Зато Герт Вегнер был просто создан для роли Пребена Берле. Да и актрис, которые могли бы легко и изящно порхать на балу в старинной усадьбе, тоже раз два и обчелся. Не каждой актрисе дана способность обмахиваться веером с изображением фавна, носить золотистую тунику и хранить великую тайну наполеоновской эпохи. Что касается Элисабет Дарре, она была для меня олицетворением фру Дафны.

Декабрьским утром мы подъехали к усадьбе Видванг. При виде господского дома Герт Вегнер почтительно приоткрыл автомобиль.

— Господи, ну и красотища! — воскликнул он.

Действительно, маленький барочный дворец — зрелище для лесного норвежского ландшафта неожиданное. Видванг стоит на широкой возвышенности, открытое про-

странство которой нарушается горными уступами и купа-ми деревьев. В центре вытянутого, сверкающего окнами фасада высится парадный вход, точно такой же, как в Версальском дворце, к нему ведут две лестницы, которые наверху сливаются в одну. С двух сторон к дому примыкают внушительные флигели. Дом окружен английским парком с дубами и липами, поодаль возвышенность окружает еловый лес. В этом вообще-то густонаселенном уезде усадьба стояла в гордом одиночестве, и занесенные снегом поля лишь подчеркивали ее уединенность. В тот месяц, когда мы приехали в Видванг, выпало столько же снега, сколько в декабре 1802 года. Мне повезло, что довелось побывать там именно зимой и именно в декабре.

Я видел много норвежских усадеб, но ни одна не очаровала меня так, как эта. К тому времени я уже успел побывать в ней дважды, и с каждым разом ее чары действовали на меня все сильнее. Но одно дело посетить усадьбу как музей, а другое — пожить в ней.

Элисабет смотрела на дом из окна машины круглыми глазами.

— Когда его построили?

— Часть фундамента сохранилась с 1500 года, — сказал я. — Первоначально усадьба принадлежала королевской семье. Но после 1660 года, когда распродалась королевская собственность, усадьба стала родовым имением Хамелов. В начале восемнадцатого века дом был перестроен и принял свой нынешний облик.

Я бы мог водить по Видвангу экскурсии.

— Да это же настоящий замок! Смотри, какие стены!

— Стены сложены из валунов, скрепленных строительным раствором.

Я знал все об этой усадьбе.

Герт включил мотор, мы подъехали к дому и начали выгружать вещи. Багаж у нас был немалый, мы привезли с собой кое-какое театральное оборудование и костюмы, которые Элисабет и Герт взяли напрокат в театре. Планы у меня были грандиозные: работая над пьесой, я собирался превратить в сцену весь дом.

Сторож отпер дом и показал нам наши комнаты: три маленькие спальни на первом этаже во флигеле для прислуги. Элисабет была несколько разочарована — она рассчитывала, что будет спать на кровати под пурпурным балдахинном. Сторож объяснил нам, как топить печи, и велел соблюдать осторожность со свечами. После этого он удалился, и больше в этой саге о нем не говорится. Дом был целиком в нашем распоряжении.

Мы отправились в увлекательное путешествие по своим новым владениям. Это был уже не музей. Все веревочные заграждения вокруг мебели были сняты. Расплачиваясь со мной, коммуна проявила широту: нам было позволено не просто жить в доме, но и пользоваться всем, что в нем находилось.

В первом же зале внимание Герта привлекли стены. Он стучал по панелям и прислушивался.

— Оставь, Герт, — сказал я. — За полтора века дом излазили вдоль и поперек. В нем не осталось ни одной укромной комнатки, ни одного тайника, ни единого замурованного в стену скелета.

— Плохи дела. — Герт засмеялся и покачал головой. — Как же ты в таком случае будешь работать над пьесой?

Другая комната была увешана портретами представителей рода Хамелов, это была семейная галерея. Со стен на нас смотрели владельцы и владелицы Видванга, лица у них были замкнутые и надменные. В каждом портрете отразилась ненависть художника к аристократам, и месть его состояла в том, что он хотя бы на полотне лишал свою модель жизни. Так написать портреты аристократов мог бы разве что Робеспьер.

Элисабет пристально разглядывала портреты дам.

— Ни за что не поверю, чтобы одна из этих мумий была фру Дафна. Где ее портрет, Алф?

— Здесь ты его не найдешь. Камергер Хамел распорядился убрать его после исчезновения жены.

— Как, по-твоему, она выглядела?

— Ну, разумеется, как ты. Иначе зачем бы я тебя сюда привез?

Элисабет заглянула в соседнюю комнату.

— А я все-таки попробую найти место, где висел ее портрет.

Мы поднялись на второй этаж и зашли в библиотеку. Нетрудно догадаться, что так жадно высматривали за стеклами книжных шкафов люди, оказавшиеся здесь впервые.

— Увы! Книгу по черной магии вы здесь тоже не найдете, — сказал я. — Камергер Хамел не захотел оставлять ее у себя, и это вполне понятно.

— Как, и книгу тоже? — Вопрос был чисто женский. — Но почему?

— В свое время узнаешь.

Я еще не изложил им свою версию разгадки этой полутора-вековой тайны, пока что им был известен только эпизод с игрой в прятки и колдовским зельем. Я дал прочитать им это место в рукописи, просто чтобы у них были кое-какие сведения, прежде чем они начнут осматривать дом, — эмоциональный фактор усиливает впечатление.

— Ты же знаешь, что я жутко любопытная, Алф!

— Потерпи. Искусство требует жертв.

— Уфф!— Больше она ни о чем меня не спрашивала.

На полке в кабинете, который, судя по всему, должен был принадлежать женщине, стояла музыкальная шкатулка в стиле рококо. На крышке с двух сторон стояли маленькие куклы: Пьеро и Пьеретта.

— Ой!— воскликнула Элисабет, показывая на них.— Можно их завести?

— Вообще-то инструкция запрещает...

— Герт, заведи, пожалуйста!

И Герт нарушил инструкцию. Куклы медленно поплыли по краю шкатулки, а изнутри послышалась нежная серебристая мелодия. Пьеро, взметнув шелковые рукава, протянул к Пьеретте руки. Она тоже потянулась к нему, но приблизиться друг к другу они не могли.

— Слышишь, какая печальная мелодия?— сказал я Элисабет.— Бывало, фру Дафна стояла и слушала ее. И смотрела на несчастных кукол. Она и сама была несчастна.

Завод кончился — Пьеро и Пьеретта так и замерли с протянутыми друг к другу руками. Элисабет не сводила глаз со шкатулки.

— Да нет, она была вполне счастлива. Только иногда ей бывало страшно.

Я удивился:

— Что ты имеешь в виду?

Но Элисабет уже была в коридоре.

— Хочу посмотреть чердак!

Воздух наверху был тяжелый и спертый. Густая серая пыль словно дым клубилась в полоске света, проникавшего через окно. Пахло одеждой вековой давности, старыми, ненужными предметами, истлевшей тканью, ржавчиной. Старый чердак — это кладбище вещей.

У стены, как и полтора века назад, стоял длинный сундук. Он потемнел, и его поверхность покрылась черными пятнами, точно он долгое время пролежал под землей. Ничего удивительного, что его не любили открывать, он выглядел так, словно хранил внутри человеческие останки. Мы с Гертом вместе подняли скрипящую крышку, внутри зияла сумрачная пустота.

— По-твоему, этот сундук имеет отношение к исчезновению фру Дафны?— спросил Герт.— У меня такое чувство...

Вдруг Элисабет громко вскрикнула. Мы обернулись. Она смотрела в маленькое чердачное окошко. Она что-то увидела за пыльным стеклом.

— В чем дело, Элисабет?— Мы с Гертом подошли к ней.

Она показывала на заснеженную поверхность земли.

— Вон... Видите?— испуганно спросила она.

Шел снег. Все было неподвижно, и только снежинки медленно падали на оцепеневшую землю, и от этого вокруг становилось еще белее и тише. На горизонте чернел застывший лес. Высокие раскидистые дубы у дома были похожи на снежные розы, разбросанные по декабрьскому небу.

— Ничего там нет. Снег да деревья,— пробормотал Герт.

— Ох... Мне показалось.— Элисабет со смущенным лицом отошла от окна.

Она кивнула в угол, словно хотела переключить наше внимание:

— Пустой бокал нашли в том углу, правда?

*

Наступил вечер. Мы сидели в столовой, в подсвечниках горели свечи — керосиновые лампы нарушили бы атмосферу начала прошлого века. На большом дубовом столе лежал чемодан с театральным реквизитом — нарядами, париками и прочим добром. Герт стоял прислонившись к стене и учился пользоваться лорнетом. Элисабет сидела, держась безупречно прямо, как того требовала мебель в стиле Людовика XVI, на коленях у нее лежала диадема из поддельных бриллиантов. Оба, и Герт и Элисабет, внимательно слушали мое небольшое вступление перед репетицией. Я наконец решил посвятить их в тайну Видванга.

— Существует, пожалуй, единственное объяснение, которое не противоречит всем известным фактам,— начал я.— И состоит оно в том, что фру Дафна и Пребен Берле любили друг друга и готовили план бегства фру Дафны из Видванга.

Это, конечно, весьма романтическое толкование. Но вспомните, ведь шел 1802 год, над Европой только что загорелась звезда романтизма. Только что вышел «Голубой цветок» Новалиса. Фру Дафне не оставалось ничего, как искать свой «голубой цветок» в Датской Вест-Индии вместе со своим возлюбленным.

Раздалось шуршание — это Элисабет беспокойно задвигалась на своем стуле. Герт с улыбкой поигрывал лорнетом.

— Я ждал чего-нибудь подобного.

Я продолжал:

— Давайте остановимся на деталях, которые вам известны из моей рукописи. Я опирался на мемуары Стабелля.

Кто первый предложил воспользоваться рецептом черной магии для игры в прятки? Фру Дафна и Пребен Берле, а их охотно поддержала дама с веером, подруга фру Дафны. Именно фру Дафна попросила мужа показать гостям

книгу черной магии. А Пребен Берле отыскал в ней нужный рецепт и исподволь подсказал идею игры.

Фру Дафна покидает гостей, чтобы заняться приготовлением колдовского зелья. Чуть позже мы попадаем на кухню, где служанки испуганно глазают на котел, который им запрещено трогать. Но где же сама фру Дафна? На кухне ее нет. Однако там появляется чудачка камеристка, которая устраивает настоящий переполох. Вопрос: кто она на самом деле?

Я выдержал театральную паузу и вынул из чемодана очки в старинной оправе.

— Нам известно, что фру Дафна наняла камеристку всего за несколько недель до бала. Мне удалось выяснить, что ее комната помещалась на господской половине и граничила со спальней фру Дафны. В этом было свое удобство, если вспомнить, что в обязанности камеристки входило помогать госпоже при ее туалете, а также одевать и раздевать ее. Юной хозяйке усадьбы, которая по несколько раз в день меняла наряды, камеристка нужна была под рукой.

И тут меня осенила мысль: за все эти недели, что фрекен Матильда жила в доме, ее ни разу не видели вместе с госпожой. Впрочем, удивляться тут нечему. Характер ее обязанностей требовал, чтобы они с госпожой находились в спальне один на один.

Я вынул из чемодана и положил рядом с очками шаль, большой кружевной чепец и накладные букли.

— Короче говоря, я считаю, что фру Дафна и фрекен Матильда — одно лицо. Весь день фру Дафна только и делала, что переодевалась и меняла облик: то она была хозяйка усадьбы, то — камеристка.

Снова под Элисабет скрипнул стул, она слушала меня с особым вниманием.

Я продолжал:

— В моей рукописи упоминается еще одно важное обстоятельство, о котором я также узнал из мемуаров Стабелля: фру Дафна «играла в театре». И для меня это поставило последние точки над *i*.

Своим спектаклем она заморочила и служанок на кухне. В первом акте таинственность нагнетается, благодаря всевозможным предметам на кухонном столе, а также котлу, который запрещено трогать. Во втором акте появляется фрекен Матильда, и разыгрывается сцена с зубом покойника, исчезнувшим из медальона. Фру Дафна то и дело меняет облик и справляется с этим виртуозно. Все усилия брошены на то, чтобы посеять панику среди слуг. И она достигает своей цели: левый глаз Марты стал косить еще больше, Петрина хочет убежать домой, а кучер

при возгласе «ведьма!» с грохотом роняет поленья. Слугам слышится даже шуршание помела по крыше.

Кто же в конце концов высекает последнюю искру, за которой следует взрыв? Конечно, все та же камеристка — в третьем акте. Она рассказывает о том, что видела на чердаке. Для подготовленной аудитории — это попадание в яблочко. Публика уже не ставит под сомнение подлинность происходящего и в страхе покидает театр. Между прочим, — а это главное! — и сама камеристка.

Фрекен Матильда, она же фру Дафна, держит путь в Христианию, где в гавани ее ждет шхуна.

Я сложил ладонь парусом и дунул в нее.

— Вперед в Атлантику! Прощайте навсегда!

Мое драматическое выступление сменилось паузой.

— Неплохо, — одобрил Герт. — А как быть с пустым бокалом на чердаке? И как ей удалось заполнить именно тот бокал, который нужно?

— Ну это проще простого, ведь наполняла бокалы она сама. Гостям вынесли бокалы с настоящим вином. Бокал с колдовским зельем она оставила себе. Видел же один из участников игры ее на чердачной лестнице. Отнести бокал на чердак и спуститься вниз дело одной минуты. Потом видели, как она заходила в спальню. Там-то она и переоделась за запертой дверью. А вышла уже из комнаты камеристки.

Таким образом она исчезла, не оставив никаких следов. Следы появились только через час, и оставила их убегавшая из дома прислуга.

Герт задумался.

— И, таким образом, не нашли ни фру Дафны, ни ее платья, ни веера?

— Пока велись поиски, бальное платье лежало в комнате у камеристки, спрятанное в саквояж. А потом фрекен Матильда, подхватив свои вещи, убежала.

Герт, по-видимому, был удовлетворен таким объяснением, но у него оставался еще один вопрос.

— И все-таки за довольно короткое время ей нужно было трижды поменять облик. В библиотеке она — фру Дафна, на кухне — камеристка, в столовой снова фру Дафна. На чердаке и во время последней сцены на кухне она опять камеристка. Неужели это возможно?

— И это говорит актер! Элисабет, подойди к нам.

Элисабет подошла и встала передо мной. Я надел ей на голову черный парик с красиво уложенной наверху косой, закрепил на лбу диадему и вложил в руку веер.

— Вот так. Теперь ты — фру Дафна.

Она, легкая, как эльф, сделала несколько па менуэта и приблизилась к высокому зеркалу. Осмотрела себя внимательно, грациозным жестом поправила диадему и обернулась к нам. Поверх веера на нас смотрела царица ба-ла — между нами и ею пролегло сто шестьдесят лет.

— Великолепно! Подойди-ка еще раз.

Я снял с нее диадему и надел очки. Поверх парика натянул кружевной чепец, лоб и виски закрыл седыми буклями. На плечи накинул шаль.

— А теперь ты — фрекен Матильда.

Элисабет Дарре славилась своей способностью перевоплощаться, в руках хорошего режиссера она была как кусок глины. На сцене в каждой новой роли она менялась до неузнаваемости: менялись даже ее рост и форма головы. В один миг Элисабет постарела на тридцать лет. Усохла и сгорбилась. Она потирала костлявые руки старой девы, словно чувствовала, что ее вот-вот разобьет приступ ревматизма. Глаза ее близоруко щурились, походка стала неуклюжей, и она произнесла несколько жалобных фраз на безукоризненном языке, который был характерен для уроженцев Христиании. Словно по мановению волшебной палочки, юная газель превратилась в старенькую мышку, пугливую, но с хорошими манерами.

— Bravo! — вскричал Герт и захлопал в ладоши. — Верю!

Но сама Элисабет не верила. Она быстро подошла к столу и сняла очки. Буквально сорвала с себя шаль, чепец и букли. Покончив с этим, она сказала коротко и без обиняков:

— Полная ерунда!

— Что ты сказала? — Это было как гром среди ясного неба.

— Я сказала: полная ерунда! — Ее тон не допускал возражений. — Зачем фру Дафне нужно было из своего побега устраивать мелодраму? Она могла уехать, когда ей вздумается.

— Каким образом?

— Найти предлог — нет ничего проще! Ну, например, захотела повидать друзей в столице, да мало ли что. К чему вся эта возня: черная магия, колдовское зелье, пустой бокал на чердаке, бегство перепуганной прислуги? — Она махнула рукой на стол, где валялись очки, букли и чепец. — К чему все это?

— К тому, что моя драма повествует о женской натуре. — Я расправил грудь, готовый отстаивать свое авторское достоинство. — Фру Дафну окружала унылая снежная пустыня, рядом был старый муж, а она жаждала жизни, страстей, переживаний. Ты вот говоришь — мелодрама.

Но ведь она, как и ты, была актрисой, ей нравилось играть. К тому же, превращая свой побег в столь грандиозную мистификацию, она брала реванш за свое тягостное замужество.

— А почему ты решил, что оно было для нее непременно тягостное?— Элисабет сложила руки на груди, она и не думала отступать.— Подобное представление о женщине может родиться только в фантазии женоненавистника.

Тут уж я возмутился не на шутку. Я привык к всевозможным выходкам детей Мельпомены, но все имеет свои пределы. Ни один драматург не потерпит, чтобы актер учил его, как надо писать.

— За все полтора века я — единственный, кто нашел приемлемое объяснение этой загадки, и оно гениально, если можно так сказать про себя,— запальчиво проговорил я.

— В таком случае, прошу прощения!— сказала Элисабет с издевкой.

Герт попытался восстановить мир:

— А мне кажется, в этом что-то есть.— Он постучал пальцами по рукописи, лежавшей на столе.— К тому же Алф, как хороший фокусник, не сразу демонстрирует все свои трюки.

— Вот именно,— подтвердил я.

Элисабет потянулась за рукописью:

— Я хочу взглянуть.

Но я придвинул папку к себе.

— Нет уж, извини, фокусники не раскрывают заранее своих секретов.

Я взял только два листка, которые лежали поверх папки, и протянул их Элисабет и Герту.

— Проглядите эти сцены. Завтра утром у нас будет репетиция.

*

Мы пожелали друг другу доброй ночи и разошлись. Я прилег не раздеваясь, сна не было ни в одном глазу. Мне было не по себе, я нервничал. И дело было не только в стычке с Элисабет, сам дом действовал на меня угнетающе.

Принято считать, что привидений не существует, что они — плод воображения, в крайнем случае — редкая форма галлюцинаций. Однако видимые и слышимые призраки — это не что иное, как специфическое проявление повседневной реальности. Каждый дом, в котором когда-то жили люди, становится домом с привидениями. Призрак гостеприимства встречает нас на пороге, призрак меланхолии взирает на нас с поблекших обоев, призрак

бесплотной эротике шевельнется в старинной супружеской постели — и уже никто не ляжет в нее. Если давно умершая хозяйка любила смотреть на розы в хрустальной вазе, призрак ее восхищения сохранится в хрустале, как электрический заряд — в лейденской банке.

Стоит мне войти в какой-нибудь дом, и я сразу могу определить, «добрый» он или «недобрый». Видванг был сказочным местом, но домом он был «недобрым». Чем-то хмурым веяло от потолка, на каждом предмете лежала печать уныния, в коридоре притаился страх... Я вскочил. Мне хотелось заглушить ощущение тревоги работой над пьесой.

Я разложил на столе все необходимое для работы — документы, наброски, черновики, но никак не мог найти нужные мне записи. Неужели я забыл взять их с собой? Однако я отлично помнил, что видел их в своей папке, когда мы сидели в столовой. Правда, уйдя, я забыл папку на столе, мне пришлось вернуться за нею. Неужели Элисабет успела стянуть из нее несколько листов? Она с таким любопытством тянулась к моей папке. Я становлюсь принципиально подозрительным, когда дело касается женщин. А Элисабет вечером вела себя в высшей степени по-женски, и ее поведение вызвало у меня скорее раздражение, чем восторг.

Мне захотелось немедленно выяснить, не взяла ли она мои бумаги. Поэтому я постучался к ней. На мой стук никто не ответил, и я вошел. Элисабет в комнате не было, постель стояла несмятая.

Ее определенно не устроил флигель для прислуги. Очень на нее похоже, подумал я, небось перебралась на кровать под балдахином.

Я направился в господскую половину. Возле двери, ведущей в спальню фру Дафны, я остановился, поскольку увидел тонкий луч света, пробивавшийся сквозь замочную скважину. Не постучавшись, я осторожно открыл дверь.

На кровати под балдахином Элисабет не оказалось. Она сидела в противоположном конце комнаты спиной к двери, перед бюро, на котором горели две свечи.

Убранство комнаты говорило о том, что в ней когда-то жила молодая женщина. На обоях был нежный рисунок, изображавший цветы вишни. На тумбочке возле кровати стоял трогательный маленький тазик с кувшином, здесь она мыла свои крохотные ручки. Такой умывальник мог стоять в кукольном доме. Слева у стены стоял туалетный столик, над ним висело дамское зеркало времен Директории, перед которым наводила красоту хозяйка дома. Пламя свечи освещало зеркало, и в нем я увидел профиль Элисабет. В зеркальной раме ее профиль выгля-

дел удивительно красиво, словно был помещен сюда специально.

Она не обернулась, когда я вошел, как будто не слышала. Ее взгляд был устремлен на стену, и руки были молитвенно сложены. Мне и в самом деле показалось, что она молится.

Я тихонько подкрался и встал у нее за спиной. И тут я понял, что так приковало ее внимание. В полумраке это можно было разглядеть только вблизи. Собственно, никакого предмета у нее перед глазами не было, это был след от предмета. Светлое прямоугольное пятно, оставшееся на обоях после висевшей здесь когда-то картины.

— Элисабет!

Даже не вздрогнув, она медленно обернулась. Значит, притворялась, будто не слышала, как я вошел, играла. Она любила играть. Во мне всколыхнулось раздражение, я прекрасно понял, что означала ее теперешняя поза.

— Так вот ты где?— Я упер руки в бока и насмешливо смотрел на нее.

— Да, здесь...— Взгляд у нее был отрешенный.

Я показал на светлый прямоугольник:

— Прекрасный образ Марии с младенцем, не правда ли?

— При чем тут Мария с младенцем?— не поняла Элисабет.

— Хватит играть! Откуда ты узнала, что здесь висела икона?

— Я этого не знала.

— Не притворяйся! Дафна была гречанка, а стало быть, греческого вероисповедания, и на этом месте у нее висела икона.

— Я понятия не имела о ее религии...— Элисабет растерялась.

— Как бы не так!— В моем голосе появились инквизиторские нотки.— Ты все-таки умудрилась сунуть нос в мои записи, которые я забыл в столовой. Кстати, они случайно не у тебя?

Элисабет встала.

— Что ты хочешь сказать?— с негодованием спросила она.

— Ты меня прекрасно поняла. Ведь ты сама призналась, что патологически любопытна. Короче, у меня пропали кое-какие бумаги.

— Я никогда не трогаю чужих бумаг!

В ее голосе слышалось такое неподдельное негодование, что я даже растерялся, но ненадолго.

— Но если так, почему ты села в позе молящейся гречанки при двух свечах и перед следом от иконы?

Она вдруг смутилась.

— Не знаю... Что-то, видно, навело на мысль... Я стараюсь проникнуться атмосферой дома.

— Атмосферой, пожалуйста, но не моими бумагами. Спокойной ночи!

Мой гнев пропал, когда, вернувшись в свою комнату, я нашел потерянные листки — они упали за комод. Выходит, Элисабет к ним не прикасалась. Оказывается, я был несправедлив к женщине.

*

На следующее утро мы приступили к работе. Столовая служила нам репетиционным залом.

Я дал Элисабет общие указания относительно роли фру Дафны. Например, она должна была говорить с легким акцентом, как говорила настоящая фру Дафна, о чем пишут в своих воспоминаниях люди, знавшие ее. Мы немного порепетировали акцент, и тут мне был задан вопрос, который мне совсем не понравился:

— Если она говорила с акцентом, то как она могла произнести безупречную городскую речь фрекен Матильды?

Моя версия дала трещину, все здание грозило рухнуть. Но я успел подставить подпорку.

— Ты же знаешь, как это бывает, Элисабет. Ты сама играла роли на диалекте, на котором никогда раньше не говорила.

Элисабет сморщила носик.

— Но это все равно заметно. К тому же она иностранка...

— Иностранка может скрыть акцент, если будет очень старательно артикулировать, — перебил я ее. — Давай попробуем.

Я сел за стол и положил перед собой лист бумаги.

— Возьмем ту сцену, где камергер Хамел и его жена читают список гостей, которых они хотят пригласить на зимний бал... Я буду за камергера Хамела. Встань рядом, так чтобы ты тоже могла заглядывать в список.

Элисабет встала справа.

— Но почему Дафна должна стоять?

— Потому что она почти на сорок лет моложе своего мужа. — Я положил руку на лист бумаги. — Это наш список. Реплики помнишь? Отлично, начинаем.

Гергт поодаль изображал заинтересованную публику. Элисабет перегнулась через мое плечо и превратилась в хозяйку Видванга. Я старался, как мог, превратиться в пожилого почтенного камергера. Мы начали:

К а м е р г е р (ч и т а е т): Советник Блок с супругой...

Ф р у Д а ф н а (к и в а е т): М-м...

К а м е р г е р: Уездный предводитель Воллник с супругой...

Ф р у Д а ф н а (*украдкой зевнув*): Да, их, пожалуй, не избежать.

К а м е р г е р: Подполковник Карстенсен...

Ф р у Д а ф н а (*наклоняется и заглядывает в список*): Без супруги?

К а м е р г е р: Она больна.

Ф р у Д а ф н а (*с облегчением*): Хотя на этот раз мы будем избавлены от ее приступов мигрени, а то они у нее начинаются, как только ее муж выпьет пуншу.

К а м е р г е р (*смотрит на нее с укором, строго покашливает*): Хм! (*Читает дальше*): Генерал-интендант с супругой...

Ф р у Д а ф н а (*с тоской*): И никого моложе шестидесяти пяти?

К а м е р г е р: Молодые в списке идут после пожилых, мой друг. (*Читает дальше*): Лейтенант Стабелль с невестой, фрекен фон Сибберн... Магистр Пребен Берле...

До сих пор все шло прекрасно. Но тут последовала пауза, которая не была предусмотрена ремарками. Элисабет не подавала реплику.

— Магистр Пребен Берле!— повторил я внушительно.

Снова никакой реакции. Я взглянул на Элисабет. Она с безучастным видом смотрела перед собой.

— Ну?— подгонял я ее.

— Что?— рассеянно, как бы издалека, спросила она.

— Ты должна сказать: «Пребен Берле? Зачем ты его пригласил?»

Элисабет как будто проснулась.

— Прости, но я бы эту реплику выкинула.

Я заметил, что Герт с недоумением смотрит на Элисабет из своего «партера», точно он не узнавал ее.

— Абсолютно исключено!— возмутился я.— Это же ключевая реплика в сцене. В ней сказывается нервозность фру Дафны. Она же боится, что муж догадается о ее отношениях с Пребеном Берле.

Я снова взялся за список.

— Повторим: «Лейтенант Стабелль с невестой, фрекен Сибберн... Магистр Пребен Берле...»

Новая пауза. Элисабет, как и в прошлый раз, молча смотрела в пространство.

Я решил подсказать ей:

— Пребен Берле? Зачем ты его пригласил?

Бесполезно. Элисабет только покачала головой.

— Прости, но у меня не получается произнести эти слова... Я...— Она пыталась найти подходящее слово.—

Вряд ли фру Дафна могла это сказать,— закончила Элисабет неуверенно.

— Что?— Я вытаращил глаза.— Как это вряд ли?

— Очень просто. Мне кажется, она этого не говорила,— сказала Элисабет на этот раз убежденно.

— С чего ты это взяла?

— Не знаю.

Герт встал.

— Возьми другую сцену, Алф!

Случается, что когда репетируется какая-нибудь сцена, на актера вдруг находит упрямый стих. Режиссеру ничего не остается, как отложить эту сцену и перейти к другой. Герт дал верный совет. Я подумал, что, может быть, на Элисабет плохо действует мое партнерство — за последние сутки между нами установились натянутые отношения. Пусть порепетирует в паре с Гертом.

Мы попробовали две короткие сцены, в которых действуют фру Дафна и Пребен Берле, они прошли как по маслу. Но на третьей сцене опять произошел сбой.

Пребен Берле и фру Дафна должны были стоять у окна и смотреть на заснеженный пейзаж. Фру Дафна сравнивала свою постылую, скудную событиями жизнь в Видванге с окружающей природой. А Пребен Берле расписывал ей теплую, красочную страну за океаном. В этот момент дверь открылась, и на пороге появился камергер. Пара должна была молниеносно переменить тему разговора.

Мои актеры заняли свои места, а я отошел к двери, чтобы в нужный момент известить о появлении камергера.

Я ждал, когда они начнут диалог. Но они не начинали. В чем дело? Герт, как и требовалось, стоял и смотрел в окно. Зато Элисабет повернулась к окну спиной. Диалог и не мог получиться, потому что начинался он с того, что фру Дафна показывала на деревья.

Я махнул Элисабет рукой.

— Повернись, Элисабет! Ты должна смотреть в окно.

Она же, как будто назло, продолжала стоять спиной к окну.

— Да повернись же ты! Выгляни в окно!

Тут я заметил, что она судорожно сцепила руки.

— Не могу!— Голос у нее был такой же испуганный, как вчера на чердаке, когда ей что-то померещилось за окном.

— То есть как это не можешь?

Не поворачиваясь, она показала головой на окно:

— Там что-то есть.

Через мгновение я был у окна.

Зайндевелые деревья. Снег.

— Ты что-нибудь видишь, Герт?

— Нет, ничего.— Однако Герт смотрел не столько в окно, сколько на Элисабет.

Я положил руку ей на плечо.

— Ну, что с тобой, Элисабет?

— Ничего.— Она провела рукой по глазам, рука ее чуть дрожала.— Верно, глаза у меня не выдерживают этой ослепительной белизны.

Снова «стих»? Может, она заболела? Ее взгляд был одновременно и испуганным, и молил о пощаде.

— Может быть, возьмем другую сцену?

Мы так и сделали. Новая сцена, где играли они вдвоем с Гертом, прошла гладко. Но вот дело дошло до свидания в охотничьей комнате. И тут случилось неожиданное.

Это была самая живописная комната в доме. Владельцы Видванга были страстными охотниками. Стены комнаты были увешаны охотничьими атрибутами прошлого века: оружием и трофеями. Влюбленную пару я поместил в углу, где между двумя скрещенными старинными ружьями висел старинный зеленый егерский картуз.

— Самое подходящее место для влюбленных,— сказал я.— Счастливый охотник, добыча твоя!

Герт и Элисабет начали диалог. После нескольких реплик я их прервал:

— Ты должна его чувствовать, Элисабет. А ты играешь так, будто Пребен Берле для тебя пустое место.

Что было на ее лице? Отчаяние или упрямство? Скорее всего опять безучастность. Как бы нехотя она обронила:

— А разве это не так?

— Нет, не так!— Я был уже сыт по горло ее неуместными выходками.— Соберись! Поехали дальше, Герт, твоя реплика.

Они продолжили:

Пребен Берле: Дафна, ты чахнешь здесь, как бабочка в склепе!

Фру Дафна (*улыбается*): Но зато у меня есть крылья...

Пребен Берле: Это верно, любимая! (*Подходит к Фру Дафне и раскрывает руки для объятия.*)

И вот тут произошло нечто фантастическое.

На стене, позади Элисабет, висел хлыст для верховой езды. Когда Герт приблизился к ней, она отпрянула, сорвала хлыст с гвоздя и ударила Герта по руке.

Удар получился сильный, но Герт был так ошеломлен, что даже не вскрикнул. Он только схватился за руку.

— Господи!— только и сказал он.

Добавить было нечего.

Я вскочил со стула, чтобы обезоружить ее и предотвратить следующий удар. На миг мне показалось, что она сошла с ума. Но тут она словно вышла из транса и с удивлением увидела у себя в руке хлыст. Она торопливо повесила его на место. Несколько секунд Элисабет была отгорожена от нас гнетущим молчанием. Ее отчаянный взгляд обращался то ко мне, то к Герту, она была не в состоянии объяснить нам свой поступок.

— Не знаю, что это со мной,— пробормотала Элисабет,— но мне нестерпимо, когда он... Прости, я не о тебе, Герт.

Герт Вегнер был молод, но уже имел достаточный театральный опыт. Его успели потрепать закулисные бури, он знал, что актерская жизнь — это беспокойное море, и давно не страдал морской болезнью. Как старый, добродушный шкипер, он примирительно похлопал Элисабет по плечу:

— Ну, ну, не расстраивайся, девочка...

— Не репетиция, а сущее наказание!— Я рванул на себе волосы и кинулся к двери.— Пожалуй, на утро хватит. Продолжим вечером.

*

Мне необходимо было пройтись по воздуху. Побродив с Гертом по лесу несколько часов, мы возвращались к дому. Мы побывали внизу, у реки, и видели остатки старой мельницы, которая во времена камергера Хамела принадлежала усадьбе.

Я шел по обочине дороги и бил прутом по сугробам. Во мне не утихало раздражение, а ударяя по белому и холодному снегу, я разряжался, к тому же снежная пыль приятно освежала лицо.

За всю прогулку мы ни разу не упомянули про Элисабет, это была болезненная тема. И первый коснулся этой темы я, кто-то же должен был начать.

— Тебе не кажется, что она немного того, Герт?

— Наоборот, по-моему, она в полном порядке,— убежденно сказал Герт.— Тут дело не в ней, а в чем-то другом.

Герт Вегнер мог казаться флегматичным, заурядным, даже скучным, но он великолепно разбирался в людях. Я всегда прислушивался к его суждениям, о ком бы он ни говорил.

— Впервые вижу ее такой,— сказал я.— С ней было всегда легко работать. И вдруг... одна причуда за другой.

Мне было обидно за свою драму.

— У Элисабет не бывает причуд,— спокойно возразил Герт.— Просто она очень непосредственна. Как и положено актеру.

— Хороша непосредственность! Кстати, как твоя рука? Ты держался джентльменом.

Герт на ходу подбрасывал ногой ледышку. Он был какой-то задумчивый.

— Я согласен, она ведет себя странно. Отказалась пойти с нами в лес. Между прочим, она не выходила из дому с тех пор, как мы сюда приехали. Даже в окно не хочет смотреть.

— Во всяком случае, когда я ее об этом прошу,— проворчал я.

Из кювета торчал сугроб, похожий на человека. Это ветер соорудил снежную бабу, заметя снегом старый пенек. Своим прутом я снес бабе голову.

— Элисабет меня не любит.

— Ты глубоко ошибаешься, Алф.

Герт улыбнулся хорошо отрепетированной театральной улыбкой. Эта улыбка верно служила ему не в одном спектакле, где речь шла о взаимоотношениях мужчины и женщины.

— Почему же она принимает в штыки мою пьесу?

— По-моему, это не так. Я достаточно хорошо знаю Элисабет. Понимаешь, она очень чувствительна ко всему: к вещам, к месту. Я думаю, тут все дело в доме. Почему-то он плохо на нее действует.

Остаток пути мы прошли молча. Герт продолжал поддавать ногой ледышку, будто обкатывал твердую, холодную мысль. Мне тоже было о чем подумать.

Предметы и место... Несколько лет назад я написал рассказ, он назывался «Дом, который умел сочинять». Два писателя поселились на лето в старом доме у моря, чтобы вместе написать комедию. Работа шла прекрасно, они пекли сцены, как блины. Но вдруг они заметили, что отклонились от первоначального замысла — их комедия вот-вот грозила превратиться в трагедию. Они вернулись на исходные позиции, кое-что переписали, двинулись дальше, но незаметно для себя опять свернули с намеченного пути. Каждый раз, когда они возвращались к комедийному сюжету, их жизнь в доме становилась невыносимой: стены раздраженно трещали, хлопали не в меру общительные двери, красноречивые вещи сами собой оказывались у них на столе. Дом хотел рассказать свою историю.

Многие писатели могут поведать о своем уникальном опыте, и едва ли найдется хоть один истинный художник, который бы этого не сделал. Писатель может написать произведение на совершенно отвлеченную тему, никак не связанную с ним лично, так сказать, чистый плод воображения. А через несколько лет все сочиненное им обрушит-

ся ему же на голову. Получается, что он как бы заранее написал свой дневник.

Неужели что-то подобное предстояло пережить и мне? Мысль эта так захватила меня, что я прекратил рубить головы снежным сугробам.

Перед нами в лучах вечернего солнца лежал Видванг. Под карнизом крыши сверкал частокол сосуллек. Белый фасад вырастал из белизны снега, как будто был творением зимней стужи. Однако и от черноты окон тоже веяло холодом, а окон в доме было много, и все они были черные. Их чернота усиливалась тайной, прятанной за ними, поэмой, вмерзшей в этот дом.

— Дом, который умел сочинять, — произнес я вслух.

Герт оторопело посмотрел на меня.

— Что ты сказал?

Я распахнул калитку в парк.

— Да так, мелькнула одна мысль.

*

Герт остался осматривать парк, а я пошел в дом и разделся. По пути в свою комнату я увидел в коридоре Элисабет. Она стояла и разглядывала что-то на потолке. Из маленького окошка на нее падал свет, и я опять поразился, до чего она прекрасна. На этот раз профиль ее имел другое выражение, не такое, какое было вчера в зеркале фру Дафны. Казалось, она разглядывает что-то очень забавное. Глаза у нее блестели, как у заигравшегося ребенка.

У меня под ногой скрипнула половица. Элисабет резко обернулась. Кровь отлила от ее лица, глаза погасли, в них мелькнул страх.

— Это я! — сказал я.

— Ты? — В голосе слышался уже не страх, а смертельный ужас.

Может быть, она не узнала меня в темноте? Я подошел ближе.

— Это я, а вовсе не привидение. Я, Алф. Алф Нордберг.

Я засмеялся, чтобы ободрить ее, и она рассмеялась вместе со мной, правда, несколько натянуто.

— Как ты меня напугал! — Она дотронулась пальцами до висков. — Ты прости, я такая взвинченная. Это из-за бессонницы. Я сплю здесь отвратительно.

— А ты иди и приляг сейчас, — велел я ей. — Ты должна хорошенько отдохнуть, чтобы блистать вечером на балу. В одиннадцать часов у нас будет костюмированная репетиция.

— Первый прогон? Как интересно! — Глаза у нее загорелись.

— Приятных свиданий!

Повелительным жестом я указал ей на ее комнату, и она покорно удалилась. Постепенно ее шаги затихли. Быстрые и легкие.

Я встал на то место, откуда она смотрела на потолок. Что она там увидела?

С потолка свисала паутина, на которой сидел паук. Большой, неподвижный, как лесной орех среди листвы.

*

Коммуна предоставила Видванг в наше распоряжение на две недели. Но из-за того, что случилось в ту ночь, мы прожили там не более двух дней.

Был поздний вечер, часы показывали одиннадцать. Я ставлял в столовой необходимый реквизит на столике рококо: две свечи в подсвечниках, между ними песочные часы.

Я был одет камергером и чувствовал, что выгляжу очень внушительно в длинном фраке, узких панталонах и башмаках с пряжками. Благодаря пышному серебристоседому парикю, я ощущал себя и впрямь владельцем огромного имения. Я старательно загримировался, наклеил брови и теперь мало чем отличался от представителей рода Хамелов, портреты которых висели в семейной галерее.

Герг фланировал позади меня в костюме Пребена Берле. Он поправлял галстук и с удовольствием разглядывал в лорнет свое отражение в зеркале.

— Ну и как тебе на заре девятнадцатого века?— спросил я его.

Он галантно поклонился.

— Я чувствую себя превосходно, господин камергер. Но, к сожалению, не вижу прекрасных дам и не слышу веселого гавота.

Я указал на дверь, к которой он стоял спиной, и возвестил:

— Вот и прекрасная дама!

Вошла Элисабет. И будто солнце заглянуло в столовую. Поверх белого блестящего платья со шлейфом на ней была туника цвета утренней зари. Но волосы были чернее ночи с бриллиантовыми звездочками диадемы.

— О-о! Какая ты красивая!— вырвалось у Герта.

Элисабет присела перед ним в кокетливом реверансе и обмахнулась веером, на котором был изображен фавн, играющий на флейте. Герг подал ей руку. Другой рукой он уперся себе в бок и отвесил мне низкий поклон:

— Вы позволите, господин камергер?

— Я вам позволю,— сказала Дафна — Элисабет.

Они грациозно заскользили по паркету под мелодию Моцарта, которую напевал Герт.

— Превосходно! — воскликнул я голосом камергера Хамела. — Сперва праздник, потом — трагедия.

Вопреки предостережениям сторожа, я зажег свечи, вставленные в бра. Потом протянул Герту колпачок для тушения свечей.

— Молодой Пребен Берле гасит свечи. Начинается игра в черную магию.

Элисабет встала во главе дубового стола. Она обратилась к невидимым гостям, произнося слова с очаровательным акцентом:

— Вино подано! В одном из бокалов — колдовское зелье. Прошу вас, господа.

Перед Элисабет стояли два полных бокала.

Все свечи были погашены, за исключением двух на столике у стены. Я три раза топнул и провозгласил:

— Сначала каждый прячется, потом осушает свой бокал. В вашем распоряжении пять минут.

Я перевернул песочные часы и сел. Герт и Элисабет взяли свои бокалы и стали изображать, как пятьдесят человек гостей покидают столовую. Им это удалось блестяще.

Я окликнул их, когда они были уже в дверях:

— Ты остаешься здесь, Герт, а фру Дафна бежит в свою спальню и быстро переодевается. Проверим, через сколько минут к нам явится камеристка.

Элисабет махнула нам сложенным веером и исчезла. Герт затворил за ней дверь.

— Ну, ты доволен? — Он возвратился в двадцатый век. — Видишь, Элисабет пришла в себя.

— Наверное, потому что выпалась. — Я глянул на песочные часы. — Интересно, сколько у нее уйдет времени на переодевание? Хорошо бы она уложилась в пять минут.

Песчинки струйкой стекали вниз.

В углу столовой стоял большой глобус на деревянной подставке. Герт подошел и покрутил его.

— Точно такой же глобус я видел на портрете Наполеона, — сказал он. — Император указывает на него своему маленькому сыну и говорит: все это будет твое.

— Там есть точка слева от Африки — это остров Святой Елены, — сказал я.

Оглядев столовую, я подумал: камергер Хамел умер здесь от черной меланхолии. Всякого, жаждущего власти, ждет под конец жизни свой остров Святой Елены.

Герт медленно вращал большой шар. Потом пальцем остановил его. Под пальцем у него лежала Греция.

Он взглянул на меня.

— Ты помнишь древнегреческий миф про Дафну? Она бежала от Аполлона и исчезла?

— Да, она превратилась в дерево,— сказал я.

И меня вдруг зазнобило. Я посмотрел на часы: песок уже просыпался.

Герт перехватил мой взгляд.

— Нервничаешь?

— Да нет... Правда, пять минут уже прошло.

На Элисабет это было непохоже. Работала она всегда на совесть, выдавала все, на что была способна. Если ее просили переодеться как можно быстрее, она не стала бы расслаиваться перед зеркалом.

Прошло еще несколько минут. Герт в недоумении смотрел на закрытую дверь.

— По-моему, времени у нее было больше чем достаточно.

Еще несколько минут — Элисабет не появлялась. Внутренний голос начал шептать мне что-то злое. Это была реплика кухарки Марты: «Тут добром не кончится!»

— У нее была уйма времени,— снова сказал Герт.

— Ты прав.— Я сложил руки рупором и крикнул:— Элисабет! Ты скоро?

Молчание. Герт подошел к двери и распахнул ее.

— Эй! Ты идешь?

Из коридора ему ответило эхо. И снова тишина. Мы переглянулись.

Я попытался пошутить:

— Ну прямо настоящая фру Дафна. Вот что значит дар перевоплощения.

Вновь во мне поднялась волна раздражения — досада режиссера на примадонну.

— Либо это ее чертовы шуточки...— Однако я чувствовал, что шутки тут ни при чем.— Либо случилось что-то непредвиденное.

— Перестань. А то у меня мороз по коже! — Наконец-то Герт сбросил маску флегматика.

Мы стояли в дверях и смотрели в коридор, слабо освещенный маленькими настенными керосиновыми лампами.

— Нужно идти искать,— сказал я.

Мы поспешили в спальню фру Дафны. Там было темно, и Элисабет там не было. Я принес из сеней керосиновую лампу. На кровати под балдахином лежало черное платье, шаль и кружевной чепец. А на туалетном столике — очки и накладные букли. Все это было не тронут. Похоже, Элисабет сюда даже не заходила.

В зеркале над туалетным столиком я увидел свое отражение: пожилой господин в седом парике из давно ми-

нущей эпохи. Отличный фрак. В руке лампа — он ищет пропавшую жену. Я чувствовал, что для данной ситуации выгляжу чересчур театрально. Но переодеться не было времени.

Я повернулся к Герту, который в оцепенении смотрел на нетронутую одежду.

— Нужно обыскать весь дом, Герт. Ты начнешь с господской половины, а я — с флигеля для прислуги. Возьми эту лампу, я найду другую.

Дирекция музея бдительно оберегала усадьбу, по этой причине в доме не провели электричество. Как бы оно нам теперь пригодилось! Большая часть дома лежала в крошечной тьме. Может, Элисабет шла на ощупь и заблудилась в лабиринте коридоров, — но зачем? Может, она оступилась в темноте, упала с лестницы и сейчас лежит где-нибудь без сознания? Только вряд ли, мы бы услышали.

Я прошел несколько безмолвных залов и кабинетов. Обшарил весь флигель для прислуги, начиная с комнаты, которую занимала Элисабет, потом осмотрел другие комнаты на первом этаже, на втором.

Может, она вышла из дома? Я открыл окно второго этажа над парадным входом. Из противоположного конца дома сквозь ночь донесся крик: Элисабет! На парадной лестнице не было никаких следов. Уже час, как шел снег и мелькали снежинки... Вскоре я обследовал дом с тыла, но также безрезультатно. Дом и на этот раз был запечатан «снежной печатью».

Устраивая костюмированную репетицию, я, конечно, старался воспроизвести атмосферу той давней ночи. Но на такое совпадение я не рассчитывал.

Я стоял возле чердачной лестницы. Где логичнее всего искать Элисабет? Однако логика в этом случае вообще отсутствовала. И тем не менее нашли же в свое время на чердаке пустой бокал. Я стал подниматься по узким скрипучим ступеням.

На чердаке было пусто. На всякий случай я заглянул даже в сундук. Обвел взглядом голые стены, и вдруг у меня родилась дикая мысль.

Сегодня Элисабет с таким странным выражением разглядывала паутину в углу, с такой улыбкой, будто играла роль. Она знала рецепт колдовского зелья из моей рукописи. А вдруг она приготовила этот напиток, чтобы выпить его здесь? Неужели могло случиться, что... Нет, в любом случае это исключено.

Тем не менее я поднял лампу и спросил:

— Элисабет, ты здесь? Отзовись!

Я сам понимал, что это нелепо. И снова спустился вниз.

В конце концов дошла очередь до кухни. При свете керосиновой лампы медная посуда вспыхивала красным огнем. Редко я чувствовал себя таким беспомощным. К тому же меня мучили угрызения совести.

Нет хуже эгоиста, чем писатель, помешанный на собственном произведении. Где была моя хваленая проницательность и интуиция, если я целых два дня не замечал простертых ко мне рук. Я вбил себе в голову, что на Элисабет нашел «стих», что она играет даже наедине с собой, что она упряма, своенравна и осмеливается перечить мне, автору. Я не заметил, что с той самой минуты, как она переступила порог Видванга, над нею нависла опасность.

И сейчас в красных отблесках медной посуды я угадывал сигнал — опасно!

Мой взгляд упал на дверь. Возле этой двери, по моему замыслу, должен был произойти один из эпизодов праздничной ночи: именно здесь кучер рассыпал охапку дров. Но ведь он поднялся из... Да, надо срочно обследовать подвал!

Я спустился вниз и вошел в коридор со сводчатым каменным потолком. Пол был неровный и скользкий, идти приходилось осторожно, держась за стену. Время отполировало камень. Эти стены были самыми старыми во всем доме — их сложили еще при короле Хансе.

Я освещал лампой одно за другим холодные помещения: здесь держали дрова, там — всякое старье. В одном месте вдоль стены, плавно переходящей в свод, тянулись наклонные полки, это был винный погреб камергера Хамела.

Здесь было сыро, пахло подземельем. Вряд ли Элисабет зашла сюда, оставаться здесь было неприятно. Я уже хотел уйти, как вдруг услышал какой-то звук.словно кто-то шаркнул ногой по каменному полу.

Звук донесся откуда-то сбоку. Я осветил стены и свод бокового прохода. И тут мой взгляд упал на приоткрытую дверь.

Я тут же рванул эту дверь. В углу темной комнаты стояла женщина в светлом платье.

— Слава Богу! — Я поставил лампу на выступ в стене. — Наконец-то ты нашлась.

На ней был тот же наряд. На лбу в лучах керосиновой лампы сверкала диадема. Среди темных каменных стен ее платье казалось особенно белым. Одной рукой она поддерживала шлейф. В другой держала пустой бокал.

Не передать словами, какое я испытал облегчение, увидев ее. Но радость моя была недолгой.

Казалось, Элисабет чего-то ждала и вот дождалась. Она не смотрела мне в глаза, она смотрела на мои волосы и бакенбарды. Я не в состоянии описать выражение ее лица.

От страха у меня зашевелились волосы от лба до затылка. Передо мной стояла не Элисабет. Это была совсем другая женщина.

Я подошел к ней — нужно было что-то сделать. Она уронила бокал, и он разлетелся вдребезги. Ее глаза почернели от ужаса. Она прошептала с незнакомым мне акцентом:

— Не надо! Не делай этого!

Я погладил ее руку, коснулся шеи. Кожа была ледяная, как стена у нее за спиной.

— Ты больна?— спросил я и не узнал собственного голоса.

— Это неправда!— хрипло простонала она, словно ей сдавили горло.— Между мною и Пребеном Берле ничего нет!

— Элисабет!— Я в отчаянии потряс ее за плечи.— Да очнись ты, Элисабет!

Но ее лицо потемнело. На лбу вздулась жила. Слова звучали отрывисто:

— Ты... ты заблуждаешься, Томас! Я его просто... просто не выношу! Умоляю, поверь мне!

Ошеломленный, я отпустил ее. Она судорожно хваталась за горло, словно пыталась от чего-то освободиться. Лицо почернело еще больше, глаза вылезли из орбит. Потом ее тело свело судорогой, и она упала.

Я оцепенел. Когда я наклонился к ней, она дышала. В отчаянии я огляделся — надо было немедленно привести ее в чувство. В нише я увидел окно, замеченное снегом. Сугробы возле дома закрывали подвальные окна.

Нужно открыть окно, и я рванул створку. Набрав пригоршню снега, я насыпал его ей на лицо. Стал тереть снегом виски и лоб.

Она открыла глаза. Я обнял ее и помог сесть.

Она смотрела на меня спокойно, казалось, она только что крепко спала и еще не совсем проснулась.

— Алф?

— Да, да, это я, Алф!

Я ощутил на шее тепло женских рук. Она была живая, это была Элисабет.

Взгляд ее упал на окно, на ямку, которую я оставил в снегу. Она вдруг сосредоточилась, словно хотела припомнить сон. Потом произнесла тихо и отчетливо:

— Так вот как это было.

— Что было?

Она показала вверх.

— Он нашел ее здесь и задушил. Потом вон там, в снегу, вырыл яму, спрятал в нее труп, а сверху снова завалил снегом.

Она ненадолго замолчала. Я посмотрел на окно и подумал: она права. Только так и можно было исчезнуть, не оставив следов на снегу. Под снегом.

А Элисабет продолжала все тем же ровным голосом:

— Под снегом она могла незаметно для всех пролежать очень долго. В одну из ночей, когда поиски уже прекратились, труп можно было втащить обратно и спрятать в другом месте...

Элисабет глубоко вздохнула и всхлипнула из сострадания к своей несчастной сестре.

— Бедняжка Дафна! Дорого ей обошлась игра в прятки с собственным мужем. Лучшего места не найти.

Позади нас скрипнула дверь. На пороге стоял Герт, бледный и запыхавшийся.

— Господи боже мой! Чуть не умер, пока вас нашел!— Он еще не верил, что это действительно мы.— Почему вы сидите на полу? В подвале, да еще в этих костюмах?

— Больше они нам не понадобятся.— Я встал и помог подняться Элисабет.— Репетиции окончены. К сожалению, моя пьеса не состоится.

— В чем дело?— спросил Герт.

Я смахнул с туники фру Дафны пыль и осколки стекла.

— Дело в том, что Элисабет раскрыла тайну давнего убийства.

История о том, как единорог настиг автора пьесы, была закончена. Нордберг рассказал ее весьма живо, особенно достоверным выглядел эпизод в подвале. Его голос, жесты были до того убедительны, что даже доктор Карс чуть было не попался на эту удочку. Несколько раз он особенно крепко прижал очки к переносице. Но испытание окончилось благополучно, и доктор Карс вышел из него с честью.

Нордберг усталю полулежал в глубоком кресле. Слушатели сидели молча, словно хотели получше осмыслить историю. Первый заговорил Странд:

— Что ж, мне это чем-то напоминает заявленный малый шлем. Посмотрим, удастся ли тебе взять все взятки.

— Доктор Карс, ваш ход,— объявил директор Бёмер.

Доктор Карс задумчиво потирал подбородок, разглядывая отсветы пламени, плясавшие на потолке. Складка на переносице свидетельствовала о том, что рассказанная история не оставила его равнодушным. Однако улыбка у него была саркастическая.

— Значит, ваша актриса была медиумом,— начал он насмешливо.— Н-да, вся эта история очень похожа на сказки о том, как нашли воду с помощью ивового прута.

Последовала артистическая пауза. Доктор Карс тоже был не чужд театральным эффектам.

— Что вы имеете в виду? — не понял Нордберг.

Доктор Карс достал из коробка спичку, надломил ее посередине и взял за концы, будто держал крошечный ивовый прут, которыми в старину искали воду. Водя спичкой над поверхностью стола, он продолжал развивать свою мысль:

— Успех таких поисков объясняется вовсе не волшебными свойствами ивового прута, а тем, что ищущий неосознанно использует свои наблюдения над местностью. Он подмечает и топографические особенности, и растительность. У вас тот же самый случай: ваша актриса нашла разгадку, иными словами, указала место, где надо копать. Но и она подсознательно руководствовалась своими наблюдениями — точно так же, как тот, кто ищет воду с помощью прута.

Однако Нордберга не так-то легко было сбить с толку:

— Что же в данном случае выполняло роль «местности» и «топографических особенностей»?

— Да хотя бы сугробы, завалившие окна подвала. — Доктор Карс внимательно посмотрел на своего противника. — Понимаете?

— Не совсем. — Нордберг и не собирался понимать психиатра.

— В таком случае, я вам объясню, — терпеливо и вкрадчиво сказал доктор Карс, словно втолковывал азбучные истины упрямому ребенку. — Вы неподражаемо описали восприимчивость актрисы, ее повышенную чувствительность к окружающей обстановке. Она не только подсознательно отмечала все явления, но так же мгновенно улавливала между ними связь и делала выводы, короче говоря, она обладала даром, который называется интуиция. И эта ее способность немедленно активизировалась, как только она переступила порог Видванга и увидела... Что она, собственно, увидела в первую очередь, еще не входя в дом? Высокие сугробы, наметенные вокруг дома.

— С чего вы взяли, что ее внимание привлек именно снег? — спросил Странд.

— Но это же ясно! Как она на чердаке реагирует на снежный пейзаж? «Там что-то есть!» — говорит она. В работу включилась ее интуиция. А на следующий день во время репетиции актриса просто боится посмотреть в окно. Подсознательно она уже сделала определенные выводы. Ее уже что-то тревожит, но она еще не понимает истинной причины своей тревоги. Отсюда страх.

— Вы говорите, что она интуитивно улавливала связь между явлениями? — Директор Бёмер потер себе лоб. — Но каким образом? Каким образом интуиция подсказала ей, что тут произошло убийство? Ведь она догадалась не просто об убийстве, но и о его мотивах, о способе осуществления.

Доктор Карс разломал спичку на четыре части.

— Во-первых, в тех записях, которые прочитал нам господин Нордберг и с которыми, судя по всему, он знакомил свою актрису, четко прослеживается тема ревности. Вот вам мотив преступления.

Доктор Карс положил на стол один обломок спички.

— Во-вторых, обилие снега, который помог проникнуть в тайну исчезновения фру Дафны. Вот вам способ осуществления этого убийства.

Рядом с первым обломком спички лег второй.

— Кроме того, актрисе стало известно, что определенные предметы после исчезновения фру Дафны были удалены из дома. Например, книга черной магии. Что это могло означать? А то, что камергер Хамел не желал иметь перед глазами напоминание о роковой игре, во время которой он стал убийцей.

Третий обломок спички лег на стол рядом с двумя другими.

— При этом исчезли также два произведения живописи. Портрет из семейной галереи, — вероятно, хозяин не хотел, чтобы с полотна на него взирали глаза жертвы. И икона из спальни фру Дафны, — по-видимому, камергер Хамел не желал иметь предмет религиозного культа, который принадлежал его жене, а потому напоминал бы ему о высшем суде.

Четыре обломка спички образовали квадрат.

— Вполне вероятно, что камергер Хамел испытывал глубокое раскаяние, недаром он вскоре умер от «черной меланхолии». Всего перечисленного больше чем достаточно, чтобы заработала женская интуиция.

— Нет, погодите, — вмешался Нордберг. — Откуда Элисабет могла знать, что на стене висела икона? Ведь, как выяснилось, в бумаги мои она не заглядывала.

— Ну, а если все-таки заглянула, когда вы забыли их на обеденном столе? — Доктор Карс ласково улыбнулся. — Ведь вы сами подчеркивали, что она невероятно любопытна.

— Однако... — Нордберга раздражала эта возня с обломками спички. — Как вы объясните то, что случилось в подвале?

Доктор Карс подышал на очки и протер их кусочком замши, видно, ему все время хотелось сделать стекла еще чище и прозрачнее.

— Предположим, вашей актрисе удалось разгадать тайну Видванга, — начал он. — Предположим также, что эта разгадка пришла к ней подсознательно. Такие озарения подсознания иногда заменяют мыслительный процесс, я часто наблюдал этот феномен у пациентов, страдающих острой формой истерии. Поэтому нетрудно понять, чем было вызвано ее упрямство во время репетиций вашей пьесы, господин Нордберг. Она была вынуждена подчиняться другому сюжету и другому режиссеру, который руководил ею из недр ее подсознания.

Последняя пылинка была удалена с очков доктора Карса. Взгляд его под отполированными стеклами был ясный и пронзительный.

— Она вложила свое содержание в тот образ, с которым себя идентифицировала, в образ фру Дафны. И это подспудное содержание продиктовало ей роль с известной вам кульминацией — приступом удушья.

Странд подхватил нить анализа, производимого доктором Карсом:

— Итак, она пришла в себя, увидела подвальное окно и...?

— ...И то, что находилось за семью печатями подсознания, стало вполне осознанной мыслью. В тот же миг ее приступ истерии как рукой сняло.

Доктор Карс откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Он все разложил по полочкам, свел все концы с концами, все загадочное и иррациональное встало на твердую основу здравого смысла. История с привидениями превратилась в элементарный случай из медицинской практики.

Нордберг упрямо скрипнул креслом.

— Все понятно — «истерия». Снова магия слова! На тайну навешен ярлык — научный термин, и считается, что всем сразу все должно стать ясно!

— Истерия — одно из наиболее изученных явлений в психиатрии, — любезно пояснил ему доктор Карс. — Еще в восьмидесятые годы прошлого века ученый Шарко раскрыл механизм и описал основные признаки этого душевного расстройства. Мы знаем, что истерики — это подлинные актеры — «глина в руках хорошего режиссера». Организм истерика может имитировать рак, аппендицит, следы от гвоздей, которыми распяли Христа. И мы знаем, как это объяснить: он или она фактически играет роль, идентифицирует себя с той или иной личностью. А в качестве режиссера выступает подсознание.

Странд продолжил свое интервью:

— Ну а профессиональный актер может настолько войти в образ, чтобы это повлекло за собой истерические симптомы?

— В некоторых случаях — несомненно. — Доктор Карс потерял свою острую бородку. — Однажды меня вызвали в театр, где только что кончилось представление. Играли пьесу, в которой несчастная героиня в последнем действии принимает яд и погибает. И вдруг актриса, исполнявшая эту роль, почувствовала все симптомы отравления мышьяком... Но в данном случае потребовалась помощь психиатра, а не терапевта.

Красивая женская рука взяла со стола бутылку коньяка и наполнила рюмку доктора Карса.

— Моя интуиция подсказывает мне, что вам хочется выпить, доктор Карс. Надеюсь, это не проявление истерии?

Элисабет Нордберг довольно долго слушала эту беседу, стоя в темном углу гостиной. Ее никто не заметил. Шаги у нее были неслышные, к тому же все было поглощено рассказом Нордберга и последовавшим за ним разговором.

— Уж эти мне картежники! — Элисабет с притворной обидой покачала головой. — Оставили меня возиться на кухне, а сами рассказывают тут интересные истории, да к тому же еще и про меня! Теперь-то я уже больше не уйду.

И она уселась на диван.

Доктор Карс был новым человеком в доме и, судя по всему, плохо знал представителей театрального мира. Он вдруг густо покраснел и, приоткрыв рот, уставился на хозяйку.

— Прошу прощения... Так это были вы?

— А вы не догадались? — Элисабет наградила своего супруга нежной улыбкой. — Нет, мужчины определенно лишены интуиции.

— При чем тут мужчины! Скажи лучше — ученые, — поправил ее Нордберг.

— В ту же ночь Алф сделал мне предложение, — сказала Элисабет, и глаза у нее просияли. — Вы правы, доктор Карс, мой приступ истерии доконал его.

— Но это уже не относится к мистической части моей повести, — сказал побежденный женоненавистник.

Он встал и подошел к камину, где огонь уже еле теплился. Пошевелил угли, подбросил новые поленья.

— Огонь горит, пора рассказывать очередную историю, — сказал Нордберг — Кто следующий?

— Может быть, предоставим решить это единорогу?— предложил Странд и кивнул на статуэтку на каминной полке.— На кого из нас он смотрит?

— По-моему, на Бёмера,— сказала Элисабет.

Доктор Карс оправился от удивления.

— Я согласен, что господин Нордберг рассказал нам весьма страшную историю, хотя она и имеет вполне реальную основу. Но я убежден, что подобные переживания — удел исключительно художников.

— Ничего подобного!— невольно вырвалось у директора Бёмера.— Я, например, не художник, а предприниматель, занимаюсь производством картона. И тем не менее...— Он запнулся и продолжал уже менее уверенно:— Вернее, скажем так, речь пойдет не обо мне, а... о моем близком друге. Он тоже не художник, а самый заурядный обыватель.

— Стало быть, мы не услышим про черную магию и музыкальные шкатулки в стиле рококо?— спросил Странд.

— Нет, моя история случилась в обстановке гораздо более банальной, так сказать, в гуще норвежских будней. Тем не менее она достаточно загадочная. И в ней тоже речь пойдет о проделках сверхъестественных сил.

Он закрыл глаза, выстраивая свои воспоминания в нужном порядке. В камине потрескивал огонь. Все ждали затаив дыхание.

Наконец он начал:

— Вы, конечно, знаете, что некоторые дети придумывают себе невидимых друзей? Они беседуют с ними, играют...

— Это известный психологический феномен,— пояснил доктор Карс.— Обычно это случается с детьми, которые испытывают трудности в общении со своими сверстниками.

— Трудности в общении?— Директор Бёмер как будто пробовал на вкус это профессиональное выражение.— Что ж, вполне возможно. Я расскажу вам о таком ребенке, который завел себе подобного друга. Впрочем, друг был даже видимый, только не говорящий. Это была кукла. Однако кукла со своими причудами.

— О, эта история мне уже нравится, хотя я ее еще не слышала!— воскликнула Элисабет и уселась поудобнее, подбрав под себя ноги.

— Кроме того, речь пойдет о родителях, у которых были определенные... Как это вы выразились?— Директор Бёмер с улыбкой поклонился доктору Карсу.— Трудности в общении друг с другом.

ИСТОРИЯ ДИРЕКТОРА БЁМЕРА

Кукла из Царства Эльфов

В предлагаемом изложении эта история несколько отличается от той, которую рассказал директор Бёмер. Она приводится в том виде, как он записал ее по просьбе Нордберга. События, разумеется, полностью совпадают с тем, как они были изложены в его устном рассказе, но здесь добавлены кое-какие детали, опущенные им у Нордберга.

Там присутствовала дама, а как истинный дамский угодник, директор Бёмер не мог позволить себе вольность в ее присутствии.

Супруги Грам некогда обещали до последнего вздоха делить друг с другом и радость и горе. 25 сентября, день, когда началась эта история, радостью не отличался.

Молчание за завтраком не предвещало ничего хорошего. Супруги сидели на противоположных концах стола: он — укрывшись за газетой, она — сосредоточив внимание на яйце всмятку. При этом она внимательно наблюдала за воздвигнутой перед ней газетной стеной. За стеной находилась осажденная ею крепость, и она выжидала удобный для нападения момент.

Ригмур Грам было тридцать с небольшим. У нее были темные, пышные, но какие-то тусклые волосы. Красивое лицо портило горькое и скорбное выражение. Фигура сохранилась неплохо, но пышные формы грозили заплывть жиром. Брак не приносил ей удовлетворения, а тяжесть, лежащая на душе, нередко является причиной ожирения.

Ригмур угнетали не материальные трудности. Они с мужем жили в собственном доме в лучшем районе Осло, и их большая гостиная свидетельствовала о прочном достатке. Единственная причина горечи, разъедавшей душу Ригмур, пряталась в настоящую минуту за газетой «Афтенпостен», и это был ее муж, Гуннар Грам, директор акционерного общества «Крафт-картон».

Внешность Грама тоже могла бы считаться довольно привлекательной. У него был высокий интеллигентный лоб, и несправедливо было бы объяснять это только начинающимся облысением. Граму шел сорок третий год. У него были умные глаза, чувственные, мужественные губы и властный, красиво вылепленный подбородок. Однако на лице Грама как будто застыло выражение вечной

брюзгливости. Из-за сообщений об убийствах, грабежах и футбольных победах выглянула крайне кислая физиономия.

— Где Мирт?— спросил он.

— В постели,— сухо ответила Ригмур.— У нее болит горло, она не пойдет сегодня в школу.

На столе стояло три прибора, один из них не был тронут. Гуннар кивнул на него.

— А наша гостья? Куда она подевалась?

— Бибби еще спит. Она вчера поздно вернулась из гостей. Что это ты стал вдруг так интересоваться нашей жизнью?— неожиданно резко спросила Ригмур.

Гуннар мгновенно вспыхнул.

— Воспитанный человек в гостях всегда вовремя выходит к столу!— язвительно ответил он.— Сколько еще твоя кухня намерена прожить у нас?

— Примерно месяц. И ты это знаешь. До своего отъезда в Лондон, где она получила место манекенщицы.

Он начал считать, загибая пальцы:

— Июль, август, сентябрь — прошло уже три месяца, как она приехала из Саннефьорда и поселилась у нас. Вот наказание! Какого черта ты ее к нам пригласила?— Он не скрывал своего отвращения к отсутствующей кухне.

Ригмур с интересом разглядывала шторы у него за спиной.

— Наверно, для того, чтобы она скрасила мое одиночество. Тебя я дома не вижу... Между прочим, ты недоволен, что Бибби поздно возвращается домой, а сам вернулся вчера в четыре часа утра! Где, интересно, ты был?

Вечный вопрос, который жена задает мужу и на который она никогда не получает ответа. Гуннар склонился над чашкой с кофе и буркнул:

— Деловая встреча... Мое присутствие было необходимо...

О деловых встречах Ригмур слышала часто. И теперь не сдержалась:

— Тебя никогда нет дома! Живешь, будто в пансионе! Мне надоело вечно сидеть одной!

Кофе явно подкрепил силы Гуннара.

— Проблема свободного времени?— ядовито спросил он.

— А почему бы и нет? Я могла бы стать архитектором по интерьеру, но ты заставил меня все бросить. Жена директора не должна работать! «Мое присутствие было необходимо»!..— передразнила она его.

Гуннар красноречиво закатил глаза к потолку:

— О Господи! Опять ты завела этот разговор!

— А где сегодня необходимо твое присутствие? Думаешь, приятно быть женой человека, который вечно пропадает на луне... Вернее, на обратной стороне луны...

— Хотел бы я сейчас там очутиться!— воскликнул Гуннар.

Достойный ответ! Гуннар ценил остроумие ума и игру слов, он гордился, если ему удавалось показать, что он владеет этим искусством. Он уже собирался швырнуть газету на стол и с достоинством удалиться, но ему было не суждено эффектно покинуть сцену.

Из соседней комнаты послышался звонкий детский голос:

— Нет, не надо говорить маме, что делает папа! Ты вообще слишком строг к нему...

Гуннар отложил газету.

— С кем она там разговаривает?

— Ни с кем.— Ригмур пожала плечами.

— То есть?.. Значит, она бредит? У нее высокая температура?

— Нет, это кукла.

— Опять!— пробормотал он.

Они встали и на цыпочках подкрались к двери детской. Ригмур осторожно приоткрыла ее. Их дочь сидела в кровати спиной к двери, тонкие косички торчали в разные стороны, шея была обмотана шерстяным шарфом. Перед ней лежал альбом для рисования и цветные карандаши, она рисовала.

На спинке кровати рядом с ее головой сидела маленькая тряпичная кукла, это был ниссе¹ в желтом колпачке. Лопухий, с длинным острым носом и круглыми глазками, сделанными из черных бусинок. На нем был голубой пиджачок не первой свежести, светло-коричневый жилет и белые штаны. Их вид свидетельствовал о солидном возрасте ниссе — к ним явно прикасалось не одно поколение грязных детских рук. Наверно, они дергали его и за бороду — от нее осталось лишь несколько жалких седых клочков. У ниссе были несоразмерно большие ноги в матерчатых туфлях, напоминавших поплавки на гидропланах.

Мирт рисовала и разговаривала с ниссе, который, по видимому, давал ей советы.

— Тебе кажется, что рот надо сделать краснее?— Мирт достала из коробки красный карандаш.— Да, ты, конечно, прав. Фрекен Хермансен очень ярко красит губы.

Гуннар быстро прошел в комнату. Ригмур — за ним. На рисунке была изображена дама, раскрашенная всеми цветами радуги.

¹ В норвежском фольклоре ниссе — гном-домовой.

— Ты разговариваешь вслух сама с собой, это нехорошо, — сказал он. — Ведь у тебя болит горло.

Девочка доверчиво посмотрела на отца, глаза у нее были небесно-голубые.

— Но я разговариваю не с собой, а с Пэком. Должна же я ответить ему, если он ко мне обращается...

Пэк — откуда она взяла это имя? Неужели они в первом классе уже читали «Сон в летнюю ночь» Шекспира?

— Пожалуйста, больше не разговаривай! — строго, как и подобает заботливому отцу, сказал Гуннар. — А то мы с мамой испугались, что у тебя поднялась температура и ты бредишь. Ложись и спи!

Он хотел забрать у Мирт альбом для рисования, но Ригмур отстранила его.

— Можешь доверить мне заботу о ее здоровье, — резко сказала она. — Иди в свою контору.

Он оскорбленно хмыкнул и вышел из детской.

В холле перед большим зеркалом накладывала утренний грим четвертая обитательница этого дома. Кухине Ригмур, Бибби Хермансен, было двадцать два года, и она была манекенщицей. О ее прошлом в Саннефьорде было мало что известно, но сейчас она наслаждалась жизнью в Осло, и ее ждало блестящее будущее в Лондоне и Париже.

Бибби обернулась к Гуннару. У нее было бледное, немного широкоскулое, очень красивое лицо с чистой и нежной, как у ребенка, кожей. Большие голубые глаза светились невозмутимой кротостью, маленький прямой носик подчеркивал благородную невинность лица, и если бы нежно улыбающиеся губы не были такими пунцовыми, они тоже вполне могли бы принадлежать святой. Форма подбородка была неповторима целомудренна. Это было лицо мадонны с византийской мозаики.

— Доброе утро, Бибби, доброе утро! Ты, кажется, вчера поздно вернулась? — Гуннар говорил несколько громче, чем требовалось...

— Да, представь себе, я легла в четыре утра! Мое ремесло требует много времени и сил. — Это тоже было сказано так громко, чтобы услышали в соседней комнате, но потом Бибби понизила голос: — Как мило ты меня бранил, Гуннар! Мне за стеной все было слышно. Ах ты, хитрец!

Она подошла к нему, и свет от люстры упал на то, что было ниже подбородка.

Фигура у Бибби была идеальная, но она поразительно контрастировала с лицом. Груды, притаившиеся под платьем словно две звериные мордочки, не вызывали никаких мыслей о целомудрии. Изгиб бедер не имел ничего

общего с полукружием окон в готических храмах, а совершенные как колонны ноги не настраивали на благоговейный лад. Ступни и лодыжки Бибби тоже были созданы не для тропинок монастырских садов.

Такое тело порадовало бы Фидия, но принесло бы много огорчений Святому Антонию. Директор Грам чувствовал себя скорее Антонием, чем Фидием, падшим Антонием, имя которого вычеркнули из святцев.

Бибби обняла его за шею.

— Значит, я плохо воспитана, если поздно выхожу к столу?— Она вдруг заговорила голосом Ригмур:— «Ты не имеешь права делать замечания Бибби за то, что ее не бывает дома! Ведь она отсутствует вместе с тобой!»

— Тс-с!— Он нервно показал рукой на детскую и прошептал:— Ригмур!— Во время оккупации так произносили «гестапо!».

Она потянулась и лизнула ему ухо.

— Встретимся как обычно? Да?

Он быстро надел плащ, шляпу и открыл дверь.

— В час, в кафе!

И выбежал из дому. Времени оставалось в обрез.

— Привет, Мирт! Как твое горлышко?— Бибби зашла в детскую. Она приветливо улыбнулась больной племяннице — деланная улыбка доброй тети.

— Спасибо, хорошо, фрекен Хермансен,— вежливо, но сдержанно ответила Мирт.

Бибби взглянула на рисунок.

— Как ты хорошо рисуешь!

Уперев язык в щеку, Мирт разглядывала свой рисунок. Потом критически покачала головой:

— Нет, вообще-то у меня не получилось...

— Это ты меня нарисовала?— Добрая тетя подняла брови.— Но ведь я совсем не похожа.

— Да, Пэку тоже не нравится,— призналась Мирт.— Он говорит, что ногти у вас гораздо длиннее.— Она нашла красный карандаш и пририсовала к среднему пальцу длинный изогнутый коготь.

— Значит, Пэку не нравится?— Деланная улыбка утратила свою приветливость, но она словно прилипла к губам.— Пэк много знает, да?

Мирт серьезно кивнула:

— Пэк знает все, фрекен Хермансен.

— Не надо называть меня фрекен Хермансен!— Бибби умоляюще вытянула губы трубочкой.— Зови меня просто тетя. Ты ведь знаешь, как меня зовут?

Две пары небесно-голубых глаз внимательно изучали друг друга. Женщина — женщину. Наконец младшая изрекла:

— Вас зовут тетя Бибби, фрекен Хермансен.

И продолжала рисовать. Бибби сделала нетерпеливое движение. Она протянула руку и хотела снять Пэка с головы.

— Ой! — вдруг вскрикнула она и выронила куклу.

Ригмур вбежала в детскую:

— Что случилось, Бибби?

Бибби с возмущением показала на Пэка. Он лежал на спине, ноги-поплавки были задраны в воздух, блестящие черные бусинки смотрели в потолок.

— Он... Он меня уколол! — Она показала кончик пальца, на котором выступила большая красная капля. — Видишь!

Бибби слизнула каплю, но кровь выступила опять. Испуганная, сердитая, не вынимая пальца изо рта, она покинула детскую. Визит вежливости был окончен.

Ригмур осторожно подняла куклу и осмотрела ее.

— Гляди, Мирт! — Она вынула булавку, воткнутую в ветхую одежду Пэка. — Нельзя пользоваться Пэком как подушечкой для иголок. Это опасно, видишь, что получилось!

В голосе Мирт тоже звучал упрек:

— Но у него пиджачок разорвался по шву, и ты до сих пор его не зашила! — Она взяла Пэка из рук матери. — Вы все его не любите! Вы очень плохо с ним обращаетесь!

— Не только пиджачок, скоро сам Пэк разорвется по швам. — Ригмур смутилась от справедливого упрека дочери, она быстро убрала с постели альбом и карандаши. Строго, как и подобает заботливой матери, она сказала:

— Ляг и поспи, скорей поправишься!

Мирт послушно легла, положив рядом с собой Пэка. Ригмур задернула занавески.

В гостиной стояла Бибби, она все еще сосала уколотый палец. В глазах у нее не было обычной кротости.

— Может, мне подарить ей новую куклу, Ригмур? Как ты думаешь?

*

Гуннар Грам сидел в кафе и размышлял о переходном периоде, который переживал уже второй раз в жизни. Каждому мужчине после сорока приходится пережить такой период, и чувствует он себя в это время так, словно его на Страшном Суде объявили вором. На этот раз Гуннара не донимали угри, но неприятностей и огорчений у него было в избытке.

Труднейший период. По сравнению с ним детство — веселая игра, половое созревание — безобидный зуд, а старость — блаженный покой.

Гуннар взглянул на часы — опаздывает, как обычно. Бибби всегда опаздывала на свидание не меньше чем на пятнадцать минут. Ну что ж, у него есть несколько минут, чтобы разобраться в своей душе. Сейчас она переживала смутное время.

Много лет Гуннар вел тихий и пристойный образ жизни, и вот на него обрушилась лавина. Нельзя сказать, что все произошло так уж неожиданно. Духовная связь с Ригмур постепенно исчезла, и супружеская близость между ними давно прекратилась. И все-таки он сохранял верность, потому что был романтиком. Он не хотел расплываться на случайные связи и ждал великой любви. Год за годом он жил как адвентист, ожидающий пришествия Христа. Одна за другой в нем зажигались свечи в преддверии торжественного мига. Но ждал он пришествия не Христа, а Люцифера. Вот именно — Люцифера. Тут-то и явилась Бибби.

Их еще не успели представить друг другу, но он уже знал: вот та, которую я жду! И ее взгляд ответил ему: я тебя хочу! На другой день она поселилась у них в доме и стала его любовницей.

В юности Гуннар смертельно боялся женщин, но его мечты о женщине не знали никаких запретов. И вот наконец они осуществились. Он, всегда такой неловкий, стал пылким любовником, потенция его была неисчерпаема. Он встретил свой идеал — самую красивую, чувственную и темпераментную женщину, о какой мужчина может только мечтать. Ему бы жить да радоваться, но он почему-то пребывал в глубокой депрессии.

Это длилось уже три месяца. Если так будет продолжаться и впредь, он либо отправится на тот свет от инфаркта, либо у них с Бибби появится общее супружеское ложе. И он не знал, какая из перспектив представлялась ему более мрачной.

Но разве Бибби не была бы ему хорошей женой? Ведь она, именно она, открыла ему, что такое настоящий секс. Они пережили вместе неповторимые мгновения, они дарили друг другу высшее блаженство. Это ли не лучшая основа для прочного брака? Гуннар где-то читал, что это так.

Однако все упиралось в то, что нельзя бесконечно заниматься любовью. Иногда следует делать и кое-что другое — например, задуматься над тем, что представляет собой близкий тебе человек, что представляешь собой ты

сам и в чем смысл жизни. Гуннар пытался между объятиями беседовать с Бибби о том, что его занимало, о чем он размышлял, о прочитанных книгах. Но с таким же успехом он мог беседовать об этом с золотой рыбкой, плавающей в аквариуме.

Нет, Бибби была далеко не глупа. У нее был достаточно острый ум, но занимало ее только то, что имело к ней непосредственное отношение. Ее ум не выходил за рамки ее горизонта. А горизонт этот был не шире объема ее бедер.

Господи, куда же она пропала? Гуннар обежал глазами зал, долго смотрел на входную дверь, потом уставился в окно, выходившее на улицу. Бибби не было.

Они обычно встречались в этом кафе. Оно лежало в стороне от центра, и они не рисковали застать тут кого-нибудь из знакомых. В тот день, кстати, в кафе было подозрительно много сорокалетних мужчин, одиноко сидевших за рюмкой портвейна. Все они тоже нетерпеливо поглядывали на часы. В зал вошла хорошенькая девушка и порхнула к пожилому мужчине за угловым столиком. Фу, как некрасиво, ведь он годится ей в отцы! (Сам Гуннар был лишь на двадцать лет старше Бибби.) Оказывается, в этом малоизвестном кафе собирается много мужчин, переживающих вторую молодость. Видно, у него хватало товарищей по несчастью в этой обители позора.

Он допил портвейн и заказал еще. Директор и манекенщица — Господи, как это банально, как удручающе пошло! Сотни тысяч немолодых мужчин переживают сейчас то же, что и он. Страшную правду о жизни рассказывают не писатели, а дамские журналы в разделах писем.

«Милая умница Клара!

Мой муж обманывает меня с одной распутной самкой. Подумай только, она — моя кузина и живет у нас в доме! Он совершенно помешался на ней, но она делает его несчастным. У нас маленькая дочка. Все так беспросветно, так ужасно. Что мне делать? Помоги мне! Я в отчаянии!

Ригмур».

Он вдруг заметил, что сидит и чертит ногтем на скатерти шестиконечную звезду. Что это за символ? Ах да, это звезда Давида, святой знак иудеев. Когда-то Гуннар читал, что она символизирует. Треугольник, вершина которого смотрит вверх, соответствует Богу, другой же, у которого вершина направлена вниз, — человеку. Вместе они выражают единство неба и земли. Гуннар оглядел зал. Где же он, этот глядящий вверх треугольник? Исчез. Звезды больше нет, осталась только ее половина — тре-

угольник, глядящий вниз. Его мы несем в своем теле, только ему и поклоняемся. И ты, Бибби, несешь его, не скрывая от посторонних глаз. Изощренная, ласковая хищница, утонченная невежда! Неповторимая Бибби, ну почему тебя так долго нет?

Именно таким образом дьявол наказывает падшие души: он заставляет их ждать. Яльмар Сёдерберг писал об этом, он, автор «Гертруд», все знал об этом падении. «Я верю в желание плоти и в неизлечимое одиночество души». Хорошо сказано, Яльмар, но хотел-то ты сказать немного иначе: «Я неизлечимо одинок, потому что верю в желание плоти».

Неужели его мучают угрызения совести из-за супружеской неверности? В таком случае он заслуживает того, чтобы попасть на страницы дамского журнала. Хотя почему его должны мучить угрызения совести? Потому что он вырвался из склепа, называемого браком? Разве он не имеет права на жизнь? Разве самые светлые умы Европы не твердили три века подряд о том, что это и есть жизнь? Например, Гуннар Хейберг, великий норвежский драматург, разве он не говорил то же самое? Гордись, Гуннар Грам, начертай черный треугольник на своей двери — мадонна-шлюха посетила твой дом! Гордись, Бибби Хермансен, порнографическая мечта директора акционерного общества «Крафт-картон»!

А ведь неплохой образ! И Гуннар повторил вслух:

— Порнографическая мечта директора «Крафт-картон»!

— Простите, вы что-то сказали? — Официант вежливо задержался у столика Гуннара.

— Да, принесите, пожалуйста, полбутылки портвейна «Коммендадор». Благодарю вас.

Что-что, а быстро находить выход из любого положения — этим искусством, вращаясь в деловом мире, Гуннар овладел в совершенстве.

Да, он предприниматель. Хотя в юности и не помышлял о карьере делового человека, ему хотелось заниматься совсем другим, может быть, стать писателем. Но на него неожиданно свалилось наследство. Теперь-то Гуннар был рад, что выбрал именно этот жизненный путь, ведь он помог ему преодолеть комплекс неполноценности. Подумать только, пока у него не появились деньги, его мучил страх перед импотенцией! Реальность, создаваемая деньгами, — это мир, в котором человек сознает свое значение, сознает, что он должен преумножать материальные ценности.

Однако вне стен своего кабинета Гуннар был не в состоянии думать о кривых роста продукции или о колеба-

ниях на рынке сбыта. Он предпочитал общаться с интеллектуалами и художниками. Может быть, для того, чтобы хоть чуточку приобщиться к тем ценностям, которым изменил? Впрочем, не изменил, но... Искал он истину и в книгах. Он читал очень много — поэтов, прозаиков, философов, святых пророков человечества. Они стали частью его существования, он жил литературой и думал цитатами. И что же он извлек из всего этого чтения? Какую мудрость почерпнул ты из этих источников, Гуннар Грам, если сейчас ты чувствуешь себя мышью между двух кошек?

Каждый попадает в тот ад, который сам себе создал. Кто это сказал? Гуннар Грамм или Жан Поль Сартр? В любом случае это правда. Жизнь дала ему именно то, чего он просил. Ни больше, ни меньше.

Но почему же его мука носит сексуальный характер? Откуда у него это чувство стыда? Или это лишь глупый страх перед старомодными социальными табу, усвоенными в результате авторитарного воспитания? Инфантильная фиксация и невротические торможения? Влияние идиотского старого сверх-Я, которое легко поддается удалению при небольшом промывании мозгов?.. К сожалению, господа психоаналитики ошибаются. Взять хотя бы кошек, этих самых независимых, нежных и свободных животных на свете, и послушать их, когда им приходит пора любить! Наверное, именно кошки на площади Фирензе вдохновили Данте написать «Ад». Их громкие жалобы оглашают крыши домов, лунный свет дрожит от их страстных рыданий, они горестно воют от необходимости умножать род *Felix*. Короче, они выражают истину о половой жизни. И никакой психоанализ животных не в силах помочь им.

Гуннар вздохнул над своим портвейном: а я все-таки неглуп! Господи, Бибби уже давно пора быть здесь!

Собственно, только три человека в мире сознавали весь этот ужас и видели его последствия. Отец церкви Ориген, подвергший себя кастрации. Философ Шопенгауэр, который подвел итог: жизнь — это страдание и с ней следует расстаться. И писатель Лев Толстой, требовавший прекращения всякой половой жизни и, как следствие этого, исчезновения с лица земли рода человеческого. Эти три человека умели постоять за себя! Твое здоровье, Ориген! Твое здоровье, Артур! Твое здоровье, Лев!

За соседним столиком сидели двое мужчин, они вели себя несколько необычно. Глядя друг на друга влажными глазами, они снимали друг с друга воображаемые пылинки, поправляли одежду. Их вид немного утешил Гуннара. Может, кому-то еще хуже, чем ему? Он все-таки нормальный мужчина. Но любить женщину тоже несладко...

Его взгляд скользнул по другим столикам. Ко многим лысым уже пришли их подруги. Вон они все, видны как на ладони — узники в оковах, томящиеся в застенке, имя которому — Секс. Как это говорят нынешние радикалы: сексуальная свобода? Безумные слова! Дай только волю своим наклонностям, и ты станешь рабом самого беспощадного тирана! Самсону было легче вращать жернова у филистимлян, чем трудиться на «мельнице» Далилы.

Нет, больше он не станет ждать Бибби! Есть же какой-то предел! Он докажет, что он не раб на ее «мельнице». Он свободный человек! Официант! Счет!

Тут-то она и появилась. Гордые движения, развевающая юбка — она летела, как на праздник. Высокие каблучки постукивали, словно кастаньеты. Пока Бибби шла к столику, дух Гуннара ослабел, а плоть напряглась.

— Привет! — Она опустилась рядом с ним. Шуршание юбки, благоухание духов. Дух умер, прощай! — Ты давно меня ждешь?

О, этот очаровательный женский вопрос!

— Пора бы тебе приучиться смотреть на часы. Я сижу тут уже целый час... — Он говорил сердито, но был побежден.

— Прости, пожалуйста, у меня были кое-какие дела. А потом в витрине на Карл Юхан я увидела трусики... Золотистые, с серовато-голубоватыми кружевами. Прелесть! — Она коснулась его бедром. — Они уже на мне!

И всегда, когда она говорила о трусиках, вид у нее был такой, словно она говорила о Святом Духе. Как это у нее получается? — думал он. И как у нее хватает смелости быть такой! Должно быть, она точно знает, что у нее нет бессмертной души. Говорят, что именно поэтому магометанские женщины так откровенны в любви. Коран освободил их от души, они не предстанут перед судом Аллаха, они могут позволить себе все.

— Что у тебя с пальцем? — Палец у Бибби был заклеен пластырем.

— Меня уколол Пэк, — объяснила она. — Он меня не любит.

Гуннар с недоумением посмотрел на нее:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хочу сказать, что Мирт не любит меня и пользуется своей дурацкой куклой, чтобы напомнить мне об этом. Сегодня, например, кукла меня уколола. — И она рассказала Гуннару о том, что случилось утром.

Он нахмурился.

— С Мирт творится что-то неладное. Эта глупая кукла... Надо как-то от нее избавиться.

— Мирт заявила, что Пэк знает все. Тебе не кажется, что это звучит подозрительно?

— Все?

Она положила руку ему на колено. Он испуганно покосился на зал. Ко всему прочему он еще и трус. Что может быть ничтожнее обывателя, возомнившего себя фавном?

— Как мы будем развлекаться вечером, Гуннар?

Она просунула палец ему под манжет. Ей ничего не стоит свести его с ума одним мизинчиком. Это у нее получалось гениально. Ее искусство опиралось на солидный опыт. А еще Гёте сказал, что гений — это усердие.

Но после утренней сцены за завтраком Гуннар не осмеливался снова уйти вечером из дому. Ригмур не поверит в деловые встречи два дня подряд.

— Нет, Бибби, сегодня я не могу. У меня деловая встреча... Мое присутствие необходимо, понимаешь...

— Ты боишься Ригмур?

— Глупости! Никого я не боюсь!— В глазах у него мелькнул страх.

— Как ты думаешь, почему она пригласила меня пожить у вас?— Палец под манжетой пощекотал Гуннара.— Или она не предполагала, что ты можешь влюбиться в меня?

Он пожал плечами.

— Она ревнива?— Бибби продолжала щекотать ему руку.

— Ужасно!— вырвалось у Гуннара.— Она ревнует меня к работе, к моим интересам, ко всему, в чем не участвует сама. День и ночь она терзает меня из-за того, что в моей жизни есть что-то, кроме нее.

— И ты никогда ей не изменял?— Палец Бибби снова зашевелился.

В голосе Гуннара послышались нотки благородного негодования — уж в чем в чем, а в этом его не упрекнешь!

Бибби понимающе улыбнулась:

— Но может, именно этого ей и не хватает? Чтобы ты изменил ей?

— То есть как?..— Он перестал понимать ее.

— Ригмур нужна власть над тобой.— Бибби вытащила палец из его манжета и поучительно погрозила им.— Она рассчитала, что получит эту власть, если у тебя будет нечистая совесть. И в качестве наживки использовала меня.

— Ты? Наживка?— Он уставился на нее, дивясь безднам женской души.— Чтобы я...

Бибби согнула палец в виде крючка и поднесла к его губам.

— Наживка любит свою рыбку! Ты попался на мой крючок, а не на ее!

— Будь благоразумна! — Он снова в панике обвел глазами зал и прибавил виновато: — Я люблю, когда ты прикасаешься ко мне, Бибби, обожаю, но на людях нам надо вести себя сдержанно!

Бибби откинулась на спинку дивана и переливчато засмеялась. Грудь у нее заходила ходуном.

Потом она выпрямилась и снова стала серьезной молодой девушкой. Опять это была византийская мадонна с невинным взглядом. Правда, на этой мадонне был французский бюстгальтер с отверстиями на сосках.

— Значит, ты вечером занят? Но у меня есть для тебя кое-что, что при дневном свете выглядит не хуже, чем при вечернем. Давай заедем сейчас в гостиницу?

Он уже собирался ответить: «Очень жаль... Совершенно невозможно... Я должен вернуться на работу... В три часа у меня назначена встреча...» Но произнес совсем другое:

— Поехали!

Он был в аду, который сам себе создал. И, к сожалению, ад этот был прекрасен.

*

Гуннар готовился лечь спать. У них с Ригмур все еще была общая спальня, и его это мучило. Но пока в доме жила Бибби, изменить что-либо было невозможно. Сейчас его предложение разделить спальню вызвало бы подозрения.

Он поспешил раздеться, пока Ригмур принимала ванну. Вся спина и плечи были у него в царапинах. Часто зубки Бибби оставляли свои выразительные следы у него на шее, и прочесть эти письма не составляло труда. Это была древнейшая в мире письменность!

Гуннар торопливо натянул пижаму и обмотал шею шарфом — осенняя простуда бывает так коварна! Когда Ригмур в кимоно вошла в спальню, он уже забаррикадировался и был непреступен.

Он читал своего любимого философа — Шопенгауэра. Шопенгауэр всегда утешал его во всех несчастьях, потому что не оставлял никаких надежд. Гуннар читал главу, которая называлась «Метафизика любви». Слова философа обжигали:

«Всматриваясь в круговерть жизни, мы обнаруживаем, что люди поглощены своими заботами и неприятностями, что они употребляют все силы, дабы удовлетворять беско-

нечные потребности и отвращать бесконечные страдания, не смея надеяться на иную награду, кроме продления своего мучительного существования еще на какое-то время...»

— Гуннар! Ты слышал?

Нет, он ничего не слышал. Он читал правду о своей жизни:

«Однако в суете жизни мы видим, как страстно встречаются друг с другом глаза влюбленных. Но почему так тайно, испуганно, украдкой? Потому что влюбленные — это предатели, которые в глубине души стремятся к тому, чтобы продлить в будущем нужду и страдания. Иначе избавление пришло бы слишком быстро, они же хотят помешать этому, как другие мешали до них...»

— Вот опять! — Ригмур испугалась. — Что это может быть?

Теперь услышал и он. С нижнего этажа донесся долгий скрипучий звук. Гуннар недовольно оторвался от Шопенгауэра.

— Это парадное. Наверное, Бибби вернулась?

— Нет, это из детской, — сказала Ригмур.

— Что? — Гуннар взглянул на часы. — Двенадцать часов, а ребенок еще не спит? Иди и посмотри, что там происходит!

— Гуннар, сходи ты! Я боюсь! — попросила Ригмур.

— Ты мать, — сухо отозвался он. — К тому же ты сама мне сказала, чтобы заботу о ее здоровье я предоставил тебе. — И он снова углубился в муки и чаяния любящих предателей.

Ригмур помедлила, потом затянула пояс на кимоно и вышла из спальни. В коридоре перегорела лампочка, и Ригмур ощупью спустилась по лестнице, держась рукой за стенку. Сердце у нее бешено колотилось. Она всегда боялась темноты.

В гостиной Ригмур остановилась перед дверью в детскую и прислушалась. Там было тихо. Чего она боялась? Проникших в дом воров? Нет, чего-то другого, чему не знала названия. Она чувствовала, что в комнате дочери сейчас происходит нечто недоступное ее пониманию.

Ригмур распахнула дверь.

Комната была освещена лишь слабым светом луны. Но окно было открыто. Наверное, звук, который они слышали, и был скрип открываемого окна. Мирт в цветастой ночной рубашке стояла у окна и смотрела в сад. Она обернулась, когда Ригмур вошла в комнату.

— Мирт! Господи! Что ты делаешь?

Мирт не ответила. Силуэт круглой головки с торчащими косичками замер на фоне окна. Девочка была погло-

цена чем-то, что происходило за окном. Ригмур быстро подошла к ней и выглянула в сад.

Была ясная осенняя ночь, лунный свет тончайшей пеленой окутал деревья. На черной траве серебрилась выложенная ракушечником дорожка. Тени были резко очерчены и неподвижны. Или поодаль у беседки что-то шевелилось? Словно слабое дуновение ветерка в листве?

— Что случилось, Мирт? Почему ты не спишь?

Мирт не отрывала глаз от серебряного диска луны, висящего над Эгебергосеном. Ее личико как будто отражало его слабый мечтательный свет, глаза горели восторгом. Вдруг она показала на небо:

— Смотри, мама! Пэк ходит по лунным лучам!

Опять у Мирт разыгралась фантазия! Она утверждает, например, что Пэк пришел к ней из Царства Эльфов. И бесполезно было объяснять ей, что это просто глупый предрассудок. Мирт было семь лет, и об эльфах она знала все.

— Теперь ты понимаешь, почему у него такие большие ноги? Чтобы он мог ходить по лунным лучам и не проваливаться!

Ригмур оглядела комнату. Она зажгла маленькую настольную лампу, перевернула подушки, перетряхнула постель.

— Мирт, куда ты дела Пэка? Его здесь нет!

— Я же тебе говорю: он гуляет! Смотри, он возвращается! — в восторге крикнула она.

— Немедленно в постель! — тоже крикнула Ригмур, она почему-то вдруг разволновалась. — У тебя болит горло, а ты стоишь босиком на ночном холоде! Так можно разболеться не на шутку! — Не терпящая возражений мама приготовилась закрыть окно.

Потом Ригмур никак не могла объяснить, что же произошло в то мгновение. Шок, полученный ею, был так силен, что все ее чувства как бы подернулись пеленой; очевидно, впоследствии воображение помогало памяти. Самой ей казалось, что у нее на глазах произошло следующее.

Она уже закрывала окно, как вдруг откуда-то из ночи прилетел Пэк — явно издалека — и скользнул в оставшуюся щелку. Хлоп! — он уже сидел на подоконнике, его колпачок как будто еще колыхался от ветра, гулявшего по небесному своду. И Пэк смотрел на нее своими черными бусинками, похожими на глаза белки!

Ригмур плюхнулась на ближайший стул, у нее потемнело в глазах, она чуть не лишилась чувств. Только через несколько секунд к ней вернулось сознание. Она судорожно глотнула воздух:

— Что ты сделала? Как ты могла так напугать меня?

Мирт была невозмутима. Она спокойно закрыла окно, взяла Пэка под мышку и направилась к кровати.

— Теперь мы ляжем спать. Покойной ночи, мама!

Перепуганная Ригмур вернулась в спальню.

— Это правда, Гуннар! Пэка не было в детской, и вдруг он спрыгнул с лунного луча! Прямо в открытое окно!

— Просто Мирт дернула его за нитку,— трезво изрек Гуннар из-за Шопенгауэра.

— Какую нитку? Не было там никакой нитки!

— Ты слишком разволновалась и потому не заметила.— Логика никогда ему не отказывала.

— Может быть...— Наверное, и правда этим все объясняется. Ригмур стало немного легче, но ненадолго.— Нет, Гуннар, мне все-таки страшно. Знаешь, Мирт совсем перестала играть с подружками. Она все больше и больше погружается в себя. И разговаривает только с Пэком.

— Я согласен, надо что-то предпринять.— Гуннар оторвался от книги, и на какое-то мгновение показалось, что его и в самом деле волнуют только проблемы семьи.— Нельзя допускать, чтобы ребенок терроризировал весь дом этой своей дурацкой куклой. Это ненормально!

— Ты думаешь, надо проконсультироваться с психологом? Или лучше с терапевтом?

— Да, поговори завтра с врачом.

— К кому же мне обратиться?

— К Акселю Броку. Он специализируется по трудным детям. Я запишу тебя к нему на прием.

Гуннар снова скрылся за книгой. Деловой человек, директор. Он дал распоряжение, и теперь подчиненный должен был выполнить его. Говорить больше не о чем.

А Ригмур лежала с закрытыми глазами и видела перед собой беличьи глазки, глядящие на нее из-под желтого колпачка. Она никак не могла успокоиться. Через минуту она тихонько проговорила:

— Послушай, Гуннар...

Он не ответил. Он был вне досягаемости. Жена напрасно будет ждать ответа от сорокадвухлетнего мужа, погруженного в «Метафизику любви».

*

Ригмур вошла в дверь с торжественной медной дощечкой, на которой было написано:

*Доктор
Аксель Брок*

*ДЕТСКИЕ НЕВРОЗЫ И ТРУДНЫЕ ДЕТИ.
ВРЕМЯ ПРИЕМА С 13 ДО 15.*

Она долго ждала в приемной, там была очередь. В середине XX века в этом фешенебельном районе Осло, как ни странно, было много трудных детей, и у врачей, занимавшихся этими проблемами, всегда собирались очереди.

Наконец Ригмур попала в кабинет. Доктор Брок оказался приветливым человеком лет шестидесяти, он словно олицетворял собой профессиональную терпимость к человеческим слабостям, а красноватый цвет лица говорил о том, что он и сам подвержен некоторым из них. Сидя за большим письменным столом, он с профессионально-вежливым выражением лица выслушал рассказ Ригмур. Поигрывая золотой ручкой, он время от времени делал какие-то записи и задавал вопросы.

— Нет, доктор,— ответила Ригмур на его последний вопрос.— Нет, мы не дарили ей эту куклу, и, насколько я знаю, никто из наших друзей — тоже. Должно быть, она где-нибудь нашла ее.

— Да, да, такое случается.— Доктор Брок задумчиво потер подбородок.

— Сама Мирт говорит, будто Пэк — эльф и пришел к ней по лунным лучам,— продолжала Ригмур.

— Вот как, по лунным лучам?— Доктор Брок, как бы смакуя, многозначительно повторил эти слова, потом вдруг наклонился вперед и прицелился в Ригмур своей золотой ручкой.— А какие у вас отношения с мужем?

Ригмур потушилась, вопрос застал ее врасплох.

— Это необходимо?...— начала она, ей хотелось избежать этой темы.

— Совершенно необходимо.— В голосе врача слышались властные нотки.— Поведение ребенка всегда отражает конфликты между родителями. У вас с мужем сложные отношения, я так понимаю?

— Да.— Ригмур на мгновение задумалась.— И когда наши отношения особенно ухудшились — это случилось примерно полгода назад,— среди игрушек Мирт вдруг появился Пэк.

— И началась эта игра воображения?

— Да.

Доктор Брок отложил ручку, откинулся на спинку кресла и упер кончики пальцев друг в друга. Причина невроза этого ребенка была установлена. Он заговорил, как будто перед ним находилась большая аудитория:

— Дети часто таким образом реагируют на конфликты между родителями, подобные игры служат им защитой. Их вымышленные друзья появляются как протест против поведения взрослых.

— Боже мой!— Ригмур почтительно слушала научные объяснения доктора, но в глубине души у нее все-таки таилась крупная сомнения.— Неужели все так просто?

— Да!— Кончики пальцев разомкнулись, но тут же сомкнулись вновь.— Опасность заключается в том, что психика ребенка фиксирует эту фантазию, и таким образом игра-протест приводит к неврозу.

Опять это страшное слово — невроз! Ригмур умоляюще взглянула на доктора Брока:

— Что же нам делать, доктор?

— Надо, чтобы эта кукла, разбудившая фантазию вашей дочери, как можно скорее исчезла из дома.— Уверенный тон доктора опирался на его богатый опыт. Было похоже, что он уже много раз давал подобный совет.

— Отнять у нее Пэка? Но это невозможно!

Доктор Брок сделал понимающий жест:

— Вы должны действовать очень осторожно! И само собой разумеется, девочка должна получить взамен более интересную игрушку.

— Она не согласится.— Ригмур не поднимала глаз от пола.

— *Fait accompli*¹, этот подарок должен стать для нее приятным сюрпризом,— заключил специалист по детской психике.

Нет, Ригмур не понравился этот совет. Но она понимала, что ему придется последовать. Наука не особенно обнадеживает. Хотя, к сожалению, она права.

— А что еще можно для нее сделать?

— Надо разговаривать друг с другом!— Доктор Брок встал и с понимающей улыбкой преподнес Ригмур квинт-эссенцию своей жизненной мудрости:— Вы с мужем должны начать разговаривать друг с другом!

Ригмур тоже встала.

— Благодарю вас, доктор Брок,— устало и разочарованно сказала она.

— Все будет в порядке!— Доктор Брок протянул ей свою белую опытную руку.— За визит пятьдесят крон, благодарю вас.

*

После беседы с врачом у Ригмур было тяжело на душе. Ночью ей приснился плохой сон. И он как будто преследовал ее весь день.

Она не первый раз видела этот сон, и всегда он был одинаково и коротким и бесконечным. Странно, во сне она не видела ничего конкретного и тем не менее что-то видела. У нее не было ощущения, что она спит, сознание ее бодрствовало.

Сперва она стояла у окна — а может, то был вход в какую-то пещеру — и смотрела в беззвездную ночь. Во-

¹Бесспорно (*фр.*).

круг нее была абсолютная чернота, какая бывает при полном отсутствии света. И вдруг произошло что-то непостижимое, что-то, чего она не видела, но чувствовала, ощущала всем своим существом, как бывает только во сне. Если раньше ее отделял от ночи какой-то занавес или пелена, то теперь он раздвинулся. И Ригмур ощутила истинную темноту.

Гуннар когда-то говорил, что абсолютно черный цвет можно увидеть в отверстие закрытой коробки, выложенной внутри черным бархатом. Он даже дал ей заглянуть в такую коробку. Но та чернота по сравнению с открывшейся ей во сне была светлой.

Чернота во сне была интенсивной, как солнечный свет, но она не сияла, она затягивала. Она втянула Ригмур в себя, и это была вторая фаза сна: тьма неожиданно поглотила Ригмур. Там внутри не было ни малейшего проблеска света, но вокруг грохотала жизнь. Ригмур казалось, будто ее обволокло страшное живое существо. Нет, она не спала, она бодрствовала! Она позвала Гуннара, но он не откликнулся, она была совершенно одна.

Наверное, это то же самое, что смерть. Теперь Ригмур знала: умирая, человек не гаснет. Его затягивает тьма!

Ей было страшно умирать — она жила не так, чтобы у нее хватило сил выдержать это поглощение тьмой. Она вообще еще не жила. А там, в этой жуткой, бодрствующей тьме, ее поджидала собственная, не использованная ею жизнь. Жизнь потребует Ригмур к ответу за то, что ею пренебрегли. Гуннар, где же ты?

Где Гуннар? Очень скоро Ригмур было суждено это узнать. После разговора с доктором Броком она шла, задумавшись и не замечая, куда идет. Наконец она огляделась: как я сюда попала? Платная стоянка, на которой она оставила машину, находилась совсем в другой стороне. И вдруг Ригмур поняла, что привело ее сюда: на той стороне улицы было кафе.

Ригмур перешла улицу и остановилась перед высоким окном. Осторожно заглянула внутрь: так и есть, вон они сидят там в углу. Бибби как раз положила голову Гуннару на плечо.

Конечно, они сидят в этом кафе! Ведь они днем всегда здесь встречаются. Ригмур знала об этом. Но всякий раз, когда она убеждалась в этом, ей становилось больно.

Ригмур быстро прошла мимо и свернула в первую же поперечную улицу. Почему у них с Гуннаром все разладилось? Может, он так отдалился от нее, потому что она не хотела играть в его эротические игры? Его форма близости бывала порой чересчур вульгарной. Нет, Ригмур была вовсе не ханжа, но она выросла в приличном доме и полагала, что во всем следует соблюдать сдержанность.

Ей хотелось, чтобы и эта сторона жизни была обставлена красиво и привлекательно,— тюлевые занавески, синие фиалки на тумбочке.

А как, интересно, ведет себя с ним Бибби? Разумеется, так, как отказывалась вести себя Ригмур. Это понятно, но как именно? Фантазия Ригмур заработала вовсю, перед ее внутренним взором проходили картины одна вульгарней другой...

Ригмур остановилась и закрыла глаза. До чего отвратительно! Во рту у нее появился кислый привкус, к горлу подкатила тошнота. Но она стиснула кулаки, выпрямилась и несколько раз топнула ногой. Так тебе, Гуннар, и надо! Ведь я знаю, что тебе сейчас несладко!

Она заметила, что за ней наблюдает какой-то мужчина, совершенно незнакомый прохожий. Он не спускал глаз с сердито топнувшей ноги, с возмущенного колена и оскорбленного бедра... В другое время подобный взгляд вызвал бы у Ригмур отвращение, но сегодня ее сердце вдруг застучало.

Этот мужчина даже отдаленно не был похож на лорда Байрона — прыщавый, с грубыми чертами лица. Но он был молод и смотрел на Ригмур горящими глазами. Этот откровенный и жадный взгляд говорил о том, что она привлекательна.

У Ригмур вдруг пронеслась горькая и дикая мысль: если бы этот малосимпатичный мужчина втащил ее в ближайший подъезд, сорвал одежду и изнасиловал, она бы, наверное, закричала, но не от оскорбления, а от страсти. Почему он этого не сделал? Но Осло — спокойный город, чудовище скрылось за углом.

Ригмур нарочно перешла улицу на красный свет, она точно проснулась. И с интересом оглядывала встречаемых молодых людей. К черту тюлевые занавески и фиалки! Вот этот, например, он не знает, каково мне сейчас. Он не подозревает, что мог бы без всякого риска изнасиловать меня тут же на месте! И я бы сказала ему: «Не уходи! Надругайся надо мной еще раз!»

Она дошла до стоянки, но никто не сделал никаких поползновений затащить ее в подъезд. Нет, жизнь неисправима!

Ригмур села за руль. В ней все кипело: сегодня я поеду, не ограничивая скорость! Сегодня я нарушу все правила движения!

Собираясь повернуть ключ зажигания, она почему-то вспомнила, что невольно обманула доктора Брока. Она сказала, что Пэк появился у Мирт полгода назад. Это неправда. Он появился у них три месяца назад, на другой день после приезда Бибби. Конечно, это не играет никакой роли, но как она могла так ошибиться? И почему она сейчас так спокойна, несмотря ни на что?

По Драмменсвейен Ригмур ехала, как положено, со скоростью семьдесят километров, и не больше.

*

Через два дня Мирт поправилась. С ранцем за спиной она возвращалась из школы, напевая смешную песенку, которую они сегодня выучили:

Сбежать от ниссе мужик собрался,
хлестнул кобылу, да зря старался —
уж ниссе с воза вовсю смеется:
нам вместе ехать, видать, придется!

Она взбежала по ступенькам крыльца. У двери она обернулась и с улыбкой помахала кому-то за изгородью.

В гостиной сидели Гуннар, Ригмур и Бибби. Когда Мирт вошла, все трое встали, чего обычно никогда не делали. Они таинственно улыбались ей, как будто сегодня был день ее рождения.

— Что-нибудь случилось?— спросила Мирт.

Гуннар кашлянул. Он чувствовал себя председателем комитета по проведению юбилея. Но голос у него был далеко не так весел, как улыбка.

— Зайди к себе в комнату! Там тебя ждет сюрприз!

— От тети Бибби!— У Ригмур как будто что-то застряло в горле.

— Как интересно!— Мирт скользнула мимо, не спуская с них глаз, поэтому в детскую она вошла задом наперед. Казалось, она не спешит увидеть сюрприз. Только возле кровати она повернула голову и увидела его.

Это была новая небольшая кукла, она сидела на спинке кровати на месте Пэка. У нее были длинные черные нейлоновые волосы, ярко-красное платье и блестящие лакированные туфельки.

Мирт в восторге захлопала в ладоши:

— Ой, какая красивая!

Взрослые тоже вошли в детскую.

— Это вы мне подарили?— спросила Мирт, и Бибби кивнула.— Тогда я назову ее фрекен Хермансен!

Мирт не могла наглядеться на куклу.

— Смотрите, она по-настоящему закрывает глаза!

Она положила куклу на спину, и веки с длинными черными ресницами опустились на голубые пластмассовые глаза. Кукла пропищала: «Мам-ми!»

— Она говорит «мама» по-английски,— объяснила Бибби.

— Значит, теперь у меня одна кукла англичанка, а другая эльф!

Гуннар опять кашлянул:

— Нет, Мирт, это не совсем так. Нам пришлось выбросить Пэка. Он стал уже такой старый, рваный, некрасивый. Эта кукла гораздо лучше, правда?

— Да, фрекен Хермансен очень красивая!

Сообщение о смерти Пэка не произвело на Мирт ни малейшего впечатления. Взрослые вздохнули с облегчением: дело сделано, все прошло гладко.

Мирт наклонилась над кроватью и спрятала куклу под одеяло.

— А что ты сказал про Пэка?— спросила она.

— Боже мой, что это?— воскликнула пораженная Бибби.

Теперь, когда Мирт повернулась к ним спиной, они увидели, что из ранца торчит острый нос и желтый колпачок Пэка.

— Пэк?— Гуннар даже сел от удивления.

— Но ведь я только что...— пробормотала Ригмур.

Мирт подоткнула одеяло вокруг фрекен Хермансен. Потом она снова обернулась и наградила счастливых дарителей серьезным спокойным взглядом.

— Пэк пошел погулять и заблудился,— объяснила она.— А один добрый дядя помог ему вернуться ко мне...

Через минуту они все четверо стояли у большого окна гостиной. На улице за изгородью рабочий только что опрокинул в кузов грузовика бачок для мусора. Мирт помахала ему, держа Пэка в руке. Рабочий махнул ей в ответ.

Трое взрослых против одного ребенка. Многочисленная армия, превосходящая силы Наполеона при Ватерлоо, но побежденная Блюхером, который в последнюю минуту пришел на помощь ее противнику. Побежденная армия стояла у окна и с удивлением смотрела на виновника своего Ватерлоо — друга и союзника ребенка, рабочего муниципалитета, убиравшего мусор.

*

Наступил новый день, он обещал быть не лучше других. Постепенно таких дней становилось все больше и больше.

— И сегодня вечером тоже?

Мирт стояла в холле с ранцем за спиной. Она собиралась уходить, ее рука лежала уже на ручке двери. Но тут из-за стены донесся резкий голос Ригмур.

На лице Мирт мелькнула растерянность, она остановилась и прислушалась. Но не к голосам родителей, а к чему-то, что происходило в ранце. Потом она сняла ранец, открыла его и прошептала:

— Что ты сказал, Пэк?

А за столом над чашками с кофе гремела ежедневная канонада:

— Ты еще не сказала, что я помешал тебе стать архитектором по интерьеру! Давай, говори!

Но Ригмур не позволила отвлечь себя этим обходным маневром. Она продолжала наступление:

— Попробуй только уйди!

Нет, она просто упивается этими сценами! Как она любит трепать ему нервы! Может, это приносит ей не только моральное, но и физическое удовлетворение? Ведь иначе она его получить не может.

Он схватился за грудь:

— Теперь я понимаю, почему мужчины умирают от инфаркта...

— Тебе инфаркт не грозит, у тебя нет сердца! Почему бы тебе не переселиться насовсем туда, где «твое присутствие необходимо»?

До чего она безобразна! Бледное, искаженное лицо, обрамленное черными, неприбранными волосами, похожими на змей Медузы Горгоны. Голова ревнивой Медузы. Поднести бы ей сейчас зеркало, чтобы она окаменела!

— Я спрашиваю: почему бы тебе не переселиться?..

Две женщины. Они как клещами вцепились в него, одна — в его плоть, другая — в его совесть. И какая же из них хуже? Наверное, эта. Хуже ее нет никого на свете!

— Тебя все равно никогда не бывает дома! Никогда!

Он наклонился к ней через стол, в нем кипело оскорбленное мужское достоинство.

— Ты хочешь, чтобы фирма полетела к чертям?— Он погрозил ей пальцем.— Чтобы я весь день сидел с тобой и смотрел на твою кислую рожу?

— Вульгарный портвейн еще кислее!— Ригмур обладала неприятным качеством мгновенно парировать реплики.

— Какой еще вульгарный портвейн?..— Нет, он оказался не на высоте. И она снова нанесла ему удар, хотя он еще не оправился от первого:

— Не забудь прополоскать рот перед уходом!

Гуннар встал. У него перехватило дыхание, Ригмур небрежно махнула ему на дверь:

— Пока, пока!

— Пока, чертова ведьма!

Он был недоволен собой. Сдержанность произвела бы сейчас более сильное впечатление. Но так или иначе, а он покинул поле боя с чувством собственного достоинства — сенатор в тоге, поднявшийся на Римский Форум после скандала в курии.

Дверь в гостиную захлопнулась. И тут же в холле слышался звук падения и вопль боли.

Ригмур распахнула дверь. Гуннар лежал на полу в неудобной позе, он стонал, ухватившись рукой за щиколотку. Ригмур презрительно засмеялась.

На пороге гостиной валялся Пэк, вид у него был жалкий. Мирт выбежала из угла, где она пряталась.

— Папа, ты ушиб Пэка! Его надо перевязать!

— Пэка тебе жалко, а меня нет!— Гуннар с трудом поднялся и прихрамывая пошел к двери. Черт, как больно! Со стоном он повернулся к дочери:— Мирт, я больше не желаю видеть в доме эту куклу! Тебе понятно?..

Но Мирт с Пэком на руках уже скрылась в ванной, где висела аптечка.

Через минуту она в детской накладывала Пэку повязку. И с одобрением смотрела в черные глазки-бусинки. Но вот и они скрылись под бинтом.

*

Директор Гуннар Грам работал. Перед ним на большом письменном столе лежала пачка рисунков, сделанных в рекламном бюро. На верхнем были изображены два человека, державшие картонный плакат. На плакате было написано:

У выбирающих картон,
несомненно, есть резон
выбрать Крафт-картон!

Не может быть, с ужасом думал он. Не может это быть делом моей жизни!

Гуннар взял другой рисунок и застонал, как раненый зверь. Этот был еще хуже, чем первый.

Рисунок изображал семейную идиллию в современной квартире, текст гласил:

Крафт-картон
и только он
принесет гармонию в дом!

Гуннар схватился за голову. Может, у меня сотрясение мозга после утреннего падения в холле? Неужели я действительно пятнадцать лет занимаюсь этим бредом?

Он взял третий рисунок. На нем на фоне пирамиды Хеопса были изображены верблюды и пальмы. Текст был такой:

Крафт-картон не знает износа,
подобно пирамиде Хеопса!

Ладно, видно, судьбе угодно, чтобы я сегодня сошел с ума. Ну-ка, посмотрим, в какой день директора Гуннара

Грама поразил душевный недуг? Он бросил взгляд на настольный календарь. 29 сентября. День архангела Михаила. Та-ак...

Гуннар выкинул рисунки в корзину для бумаг. Архангел Михаил? Кажется, это он в свое время пробудит людей от земного сна? Здесь дышать нечем! Я сейчас задохнусь!

Он открыл окно, и прохладный сентябрьский воздух наполнил его легкие. Это помогло. Глаза Гуннара отдыхали на красной листве. Осень так успокаивает. Мгновение в его душе почти царил мир. Но только мгновение.

По тротуару в желтом осеннем пальто от Диора приближалась Война. Она шла, стуча острыми каблукками. Шла к нему, вот она уже открыла парадную дверь.

Что еще ей взбрело на ум? Гуннар в отчаянии опустил-ся на стул. Хорошо хоть, что сегодня она не в шубке!

Шубка... Он с ужасом вспомнил ее недавний, первый приход к нему в контору. Это было две недели назад. За несколько коротких минут Гуннар снова пережил тот визит Бибби, который показался ему кошмаром.

Она впорхнула к нему в кабинет без доклада, когда секретарша куда-то отлучилась. На ней была норковая шубка. Шок, вызванный ее появлением, был так велик, что он не обратил внимания на ее наряд, не совсем обычный для этого времени года, хотя сентябрь в Норвегии бывает иногда достаточно холодный.

— Привет, Гуннар! Я тебе помешала?— Целомудреннейшая улыбка святой.

Он вскочил. Ведь он строго-настрого запретил ей приходить сюда, кабинет директора — табу для любовницы. Но он не успел вымолвить ни слова.

Шубка скользнула на пол — так умеют снимать норку только манекенщицы. Под шубкой на Бибби оказался вполне летний туалет: перламутровые чулки, красные серьги, остроносые туфельки на высоком каблуке и духи «Mon amour». И больше ничего!

Он отступил на шаг и поднял руку, словно желая избавиться от наваждения. Она с удивлением посмотрела на него:

— Что с тобой, дорогой?

Наконец Бибби поняла причину его смятения. Она глянула на себя и сказала по-детски смущенно и простодушно:

— Кажется, я забыла надеть платье? Господи, какая я стала рассеянная!

— Бибби! Ты совсем?..— Эти слова вырвались у него, как пузыри изо рта утопающего.

— Да, — невозмутимо ответила она. — Я совсем...

Мягким кошачьим движением Бибби села на край стола и раздвинула колени.

— Иди ко мне, — шепнула она.

Настольный календарь упал на пол, письмо фирмы «Эбсен-Эбсен» закружилось в воздухе.

Желтый, зеленый, синий, фиолетовый, пурпурный, оранжевый. У Гуннара перед глазами плыли все цвета радуги. Кажется, никогда в жизни он не испытывал такого бешенства: так унижить его! И где — в святая святых каждого директора — в его собственном кабинете! Там, где Мужчина правит своим Царством, доступным только мужчинам; в том единственном месте, где Женщина не может одурачить его. Закон этого Царства гласит: Женщинам вход воспрещен!

Бешенство обернулось неудержимой страстью: я тебе покажу, сейчас тебе станет жарко! Ведьма, я тебе устрою Иванову ночь!

И они понеслись! Лысая гора приближалась. Смотри, Бибби, Князь Тьмы сидит на вершине и ждет своих подданных, неутомимый козел!.. От земного костра под ними взвились искры... В это время на письменном столе зазвонил телефон.

Он звонил долго и настойчиво. Как сторожевой пес, который зашелся лаем. Бибби потянулась и сбросила трубку с рычага.

Она лежала на столе, и трубка оказалась у самого ее рта. А Бибби была не из тех, кто любит молча. Употребив последние остатки воли, Гуннар вырвался из пут экстаза и положил трубку на место.

Наконец они вернулись в Норвегию. Накинув шубку, Бибби пудрилась перед зеркалом. Гуннар апатично наблюдал за ней. Он совершенно обессилел, лишь в голове билась одна мысль: Венера в мехах — каталог публичного дома, фотография № 14.

Она обернулась к нему и улыбнулась улыбкой Святой Агнес:

— Давай сейчас поедем и купим мне красивое платье. Не могу же я вернуться домой в таком виде. Ригмур Бог знает что о нас подумает...

Проходя мимо фрекен Йёргенсен, Гуннар отдал ей несколько деловых распоряжений. Она быстро их записала. У нее был слуховой аппарат и очки в роговой оправе. Глухота фрекен Йёргенсен сомнений не вызывала, но Гуннару не понравилось, как блеснули ее очки. Как будто на него взглянула сама Норвегия — большая, серьезная северная страна. На леднике Юстедалсбре засверкала шестая заповедь. Гуннару это не понравилось. Нет, нелегко скрыть

пепел от костра на Лысой горе. Тем более скрыть его от пожилой норвежской секретарши.

Когда Гуннар спускался по лестнице, его охватил страх: кто же это ему звонил? Кто слышал, как Бибби стонала на Лысой горе? Управляющий фирмы «Норвежская тара»? Или Ригмур? О Господи!..

Он стиснул зубы. Ну что ж, Ригмур это заслужила. Каждый попадает в тот ад, который он сам для себя со-здал. И ты, Ригмур, можешь попасть только в свой ад...

В динамике раздался резкий звук. Гуннар нажал кнопку. Металлический голос фрекен Йёргенсен произнес в диктофон:

— Тут пришла молодая дама, она хочет поговорить с вами. Это ваша...

— Моя?..— Да как она смеет инсинуировать!

— Это кухня вашей жены,— произнес металлический голос.

— А... Пропустите ее.

Бибби впорхнула в кабинет. Она была и оставалась несравненной — как на ней сидело это желтое пальто! Он видел ее на подиуме в каракуле и нутрии, в каракульче и ондатре, в сибирском волке и оцелоте. Он видел, как она изящно кружилась в красноватой шотландской шерсти и зеленом шевиоте, в мохере и шелковом крепе, в верблюжьей шерсти и лайке. Он видел ее парящей над землей в итальянском крепе с крупным жемчугом и в розовом дюшесе с боа, в белом шифоне и парче цвета корицы, кэрри и золота. И все на ней выглядело так же естественно, как листья на дереве, как картина в руках художника. Как она выглядела в этом пальто? Да сам Ван Гог не смог бы лучше обыграть желтый цвет!

Увидев Бибби, Гуннар устыдился за все слова, которыми он мысленно наградил ее. Они обернулись против него самого и задели лишь его животную, трусливую, мешчанскую суть. Он был слишком труслив, чтобы обладать красотой, находящейся по ту сторону добра и зла. Был недостоин расстегнуть даже один крючок на ее платье.

Но красота, находящаяся по ту сторону добра и зла, улыбалась ему:

— Давай сегодня вечером пойдем куда-нибудь потанцуем?

— Я не могу, Бибби!— На этот раз его огорчение было искренно.— Я вывихнул ногу. Споткнулся в прихожей об эту проклятую куклу, она валялась там на полу... Тебе очень хочется танцевать?

— Конечно.— Она сделала несколько па вальса и отвернулась от него.— Тебе не кажется, что ты рискуешь, позволяя этой кукле мешать нам?

— Я? Позволяю? Ну знаешь ли!..— Разве не возмутительно: в кои веки человек сказал правду и ему не верят!

Желтое пальто провальсировало к дверям. Оно рвалось на свободу. Ему нечего было делать с этими вывихнутыми ногами.

— Не можешь танцевать, не надо! А я могу! И сегодня мне хочется танцевать!

У двери она остановилась, подняла юбку и перестегнула чулок. Среди кружева мелькнула белая полоска бедра. Белая, как лунный свет, но более теплого тона. Бибби только хотела напомнить ему об этом. Она ушла.

— Бибби!— Он вскочил, чтобы остановить ее, забыв о больной ноге, и острая боль пронзила его. Охнув, он упал обратно на стул.

— Проклятый Пэк!

Через несколько минут Гуннар собрался покинуть контору.

— На сегодня вы можете быть свободны, фрекен Йёргенсен.

— Свободна?— Это слово было для секретарши новым. Она повернулась к Гуннару тем ухом, к которому тянулся проводок.

— Да, свободны. Как-никак сегодня Михайлов день. День архангела Михаила. Давайте пойдем домой и постараемся пробудиться от земного сна.

И он, прихрамывая, вышел из конторы. Фрекен Йёргенсен смотрела ему вслед. Она не верила своему слуховому аппарату.

*

Наступил вечер. Гуннар был дома один. Он сидел в гостиной перед камином и смотрел на огонь.

Его занимало одно выражение. Он где-то его вычитал, но уже не помнил, где именно. Наместник Бога на земле. Женщина хочет, чтобы мужчина был для нее наместником Бога на земле.

И разве он, Гуннар, не наместник Божий?

Мы, мужчины, наделены страшной силой. Мы господствуем над миром, и так было всегда. Равноправие женщины — всего лишь иллюзия, в которую, к счастью, не верит даже она сама. Ей никогда не сравняться с нами в нашей привычной сфере деятельности, она может стать лишь нашей плохой копией, дилетантским подражанием. И духом и телом мы гораздо сильнее, и в шахматах, и на

ледовой дорожке ей далеко до нас. Мы могущественны. Мы непобедимы. Мы сильны. И что же, восхищается она нами? Нет.

Мы, мужчины, создали атомный век. Взрыв в Хиросиме — эпоха в мировой истории. Он положил начало новой эре XX века. И честь эта принадлежит нам, мужчинам! Почему же женщина не хочет восхищаться нами, ведь мы такие могучие, мы устроили такой страшный взрыв?

Атомный век? Век игрушек, вот имя, которое больше всего подходит ему! Что такое водородная бомба и ракета, запущенная на Луну? Фейерверк и детский конструктор. Химические и механические игрушки для бледных заучившихся школьников с угрями и комплексом неполноценности! Разнести на части земной шар считается у нас великой доблестью. Мы превратили Землю и Космос в комнату для детских игр, позор нам, позор! Женщина лучше все понимает, она презирает тебя, мальчишка! Неужели ты никогда не повзрослеешь и не выбросишь на помойку свои отвратительные игрушки? Неужели ты никогда не станешь тем сильным мужчиной, которого она сможет уважать и любить? Неужели ты никогда не станешь править Землей как наместник Бога?

...Бог? Но ведь он не верит в Бога. Один радикально настроенный одноклассник выбил из него в шестнадцать лет все эти глупости в течение одной прогулки по школьному двору. Эта короткая прогулка оказалась роковой для гимназиста Гуннара Грама. Подумать только, Господь Бог позволил низвергнуть себя всего за одну школьную перемену! Ну, значит, тогда он просто не существует! Хоть это и досадно, как сказал Ханс Йегер.

Итак, в Бога он не верит. И теперь с безжалостной последовательностью ему следует задать себе вопрос: был ли ты, Гуннар Грам, наместником Бога на земле? Был ли ты им для Ригмур?

Нет, не был. Для Ригмур он был всего лишь равнодушным сожителем, обманщиком и бессердечным эгоистом.

Ну а для Бибби? Мог ли он быть им для Бибби?

Нет, не мог. Для Бибби он был всего лишь племенным козлом, безумцем и удобным денежным мешком.

Это была убийственная, унижительная мысль. Господу Богу не следовало создавать его мужчиной... Впрочем!.. Есть одно существо женского пола, которое верит в него. Все, что папа делает, все правильно. Для Мирт он еще наместник Бога на земле!

А значит, он должен доказать, что он ее Провидение. И доказать это немедленно! Наконец-то у него есть возможность совершить настоящий мужской поступок.

Гуннар встал и, хромая, подошел к окну. Мирт в одиночестве играла в саду с мячом. Она бросала его в большое дерево, ловила, бросала на землю, ловко прыгала через него и снова бросала в дерево. Бросок, мяч в руках, прыжок, бросок, мяч в руках, прыжок. Если бы мы так же красиво играли с нашим земным шариком!

Мирт такая хорошенькая! Слово из стихотворения. Впрочем, так оно и есть, во всяком случае, ее имя. Мирт, Мирт... Когда ей выбирали имя, проявилась его любовь к литературе. Девочку называли по одному трогательному стихотворению Хермана Вильденвея:

Мирт, ты подарок Божий Земле,
и матери, и отцу.
Ты ходишь и думаешь о своем,
цветок средь цветов, и помнишь о том,
что лето идет к концу.

«Ты ходишь и думаешь о своем» — все верно, Мирт размышляет о своем. Как, интересно, она понимает, что происходит в темном мире взрослых? Неужели она действительно заболела оттого, что понимает слишком много? Доктор Брок намекал на что-то в этом роде. И даже выписал ей какое-то лекарство.

По совету доктора Ригмур выбросила Пэка в мусорный бачок, но Пэку удалось избежать гибели. Женщины все делают тяп-ляп. После этого Ригмур уже ничего не предпринимала. Ну что ж, значит, тут необходим мужчина. Он сам позаботится о благе ребенка! Сейчас дома никого нет, момент самый подходящий. Надо действовать, и действовать решительно!

Через минуту Гуннар был уже в детской. Пэк лежал в кукольной коляске, забинтованный после утреннего происшествия в передней. Можно ли ненавидеть неодушевленный предмет? Гуннар, во всяком случае, испытывал нечто похожее на ненависть. Ты подставил мне ножку, из-за тебя я чуть не стал инвалидом. Ты внушаешь моему ребенку всякие вздорные фантазии. Но на этот раз ты не избежишь своей участи!

Одним рывком он выхватил Пэка из коляски. Почему у него вдруг по спине побежали мурашки? Гуннару показалось, что он держит в руках живое существо. Пора кончать! Быстро, насколько позволяла больная нога, он вернулся в гостиную и подошел к камину.

На мгновение он заколебался. Правильно ли он поступает? Да, несомненно. Все, что папа делает, все правильно. Он — заместитель Бога на земле.

И Гуннар бросил Пэка в камин.

Прямо на большое полено, чуть в стороне от огня, чтобы его еще можно было выхватить, если он передумает. И отошел от камина. Нет, он не передумал. Огонь уже лизнул повязку. Прощай, маленькое отвратительное чудовище...

— Папа, ты хочешь сжечь фрекен Хермансен?

Гуннар быстро обернулся. Первое, что ему бросилось в глаза,— это Пэк, который сидел на низком столике у двери в холл и смотрел на него своими глазками-бусинками. Рядом с ним в открытых дверях стояла Мирт. Она тоже смотрела на Гуннара серьезно и проницательно.

— Фре... фре... Какую фрекен?— заикаясь и ничего не понимая, пролепетал Гуннар.

Он обернулся к камину. Под языками пламени марлевая повязка превратилась в пепел. И теперь огонь лизал уже то, что было скрыто бинтом.

Это была новая кукла с закрывающимися глазами.

Мирт взяла со стола Пэка и нежно прижала к себе. Держа его в объятиях, она медленно подошла к Гуннару.

— Ты хотел сжечь Пэка, да, папа?— В детском голосе звучали инквизиторские нотки.

— Да, должен признаться...— Гуннар был очень смущен, ведь его поймали на месте преступления. И он сказал, призвав на помощь весь свой родительский авторитет:— Понимаешь, Мирт, доктор считает, что тебе вредно играть с этой куклой...

Ясные большие глаза светились неземным покоем. Никакие житейские мелочи не могли замутить этот взгляд. Мирт потрянула головой, и косички взметнулись в воздух.

— Доктора ничего не понимают, папа!— Она погладила грязный желтый колпачок Пэка.— Они не знают, что эльфы бессмертны.

Это было сказано деловито и трезво, именно так, наверное, и следует говорить о потусторонних явлениях. Но Гуннар еще не оправился от неожиданности, он переводил взгляд с камина на Пэка и обратно.

— Ничего не понимаю, ведь утром ты забинтовала Пэка?

Мирт кивнула:

— Да, но эльфы не болеют подолгу. Несколько минут и все.

Опять эта невозмутимая деловитость. Должно быть, все ангелы деловиты. Это полезно знать, если вдруг встретишься с ангелом.

— Вот как?— Гуннар был благодарен за урок.

— Да. А тем временем фрекен Хермансен заболела корью, и ей потребовалась повязка Пэка...

Вот оно что, теперь понятно. Все очень просто и никакой мистики.

При свете камина отец и дочь наблюдали друг за другом. Нет, девочка совершенно здорова, думал Гуннар. Она здраво мыслит. Она — единственный здоровый человек в этом доме. А мы все смертельно больны.

Мирт твердо посмотрела отцу в глаза и взяла его за руку:

— Папа, обещай, что ты больше никогда не будешь пытаться сжечь Пэка, а то он на тебя рассердится!

— Обещаю!

— Честное слово?

— Честное слово! Клянусь! — И Гуннар торжественно перекрестился.

Они заключили нерушимый пакт. Теперь они стояли держась за руки и смотрели на крематорий, в котором догорала кукла. Она уже совсем обуглилась. Исчезли черные нейлоновые волосы, исчезли мечтательные голубые пластмассовые глаза, исчезли закрывающиеся веки с длинными ресницами. Она уже больше никогда не скажет: «Мам-ми!» Было что-то трогательное в кончине этой куклы с закрывающимися глазами. Из пластика ты вышла и в пепел обратишься...

Мирт крепко сжала руку отца.

— Бедная фрекен Хермансен! — сказала она, и в ее голосе звучало искреннее сочувствие.

*

Гуннар стоял, склонившись над камином, и шевелил золу щипцами для углей, он хотел замести следы своего преступления. Мирт ушла в детскую. И снова он пережил шок, услышав голос из прихожей. На этот раз в дверях стояла Ригмур и принюхивалась к запаху гари.

— Какой странный запах? Ты что-то сжег? Пэка, да?

Нет, для одного дня это было уже слишком! Такого никто не выдержит. Сперва его обозвали любителем вульгарного портвейна, потом он вывихнул ногу, обнаружил, что потерял интерес к своей работе, был высмеян любовницей, пойман дочерью на месте преступления как убийца куклы, и вот теперь жена... Нет, поистине сегодня был Судный день. Огненный меч коснулся Гуннара.

Ригмур подошла к камину. У Гуннара не было причин чувствовать себя виноватым, ведь и Ригмур была согласна, что опасную куклу следует удалить из дома, она даже сама пыталась ее выбросить. И все-таки он чувствовал себя виноватым и смущенным.

— Ты сжег Пэка? — повторила она свой вопрос.

— Не Пэка, а твою кухню!

В голове у него как будто произошло короткое замыкание. В этот день, 29 сентября, Гуннар Грам окончательно сошел с ума.

— Что? Ты сжег Бибби?— мягко спросила Ригмур.

— Не Бибби, а фрекен Хермансен! Понимаешь, она заболела корью!

— Корью?

— Да. Пришлось повязать ей повязку Пэка, ведь эльфы никогда не болеют подолгу. Ясно?

Ригмур с удивлением уставилась на него. Потом начала смеяться. Он тоже засмеялся, весело, с облегчением. Целую минуту они стояли друг перед другом и хохотали. Такого сердечного смеха в этом доме уже давно не было слышно.

Но вот Гуннар взял себя в руки. Он опомнился и опустил железный занавес — как-никак, а они находились в состоянии войны. Даже больше — он ее ненавидел. Она была Ксантишкой, фурией, Медузой Горгоной. Она мешала всему, что могло принести ему радость. А нынче утром дошла до того, что велела ему выполоскать рот перед уходом!

И вот уже серьезный директор укрылся за вечерним выпуском «Афтенпостен» и стал читать статью о Берлинском кризисе.

Ригмур ушла. В дверях она обернулась, чтобы еще раз взглянуть на своего непостижимого спутника жизни. И в глазах у нее мелькнуло давно забытое выражение.

*

На другой день пришла очередь Ригмур сердиться на несносного Пэка.

Она зашла в спальню и нашла Пэка перед зеркалом на своем туалетном столике. Его как будто швырнули туда, уронив при этом одну из баночек с кремом. Ригмур подняла баночку и увидела, что она покрыта пылью.

— Мирт!— позвала она дочь.

Мирт взбежала по лестнице.

— Ты меня звала, мама?

— Почему тут валяется твоя кукла? Что она здесь делает?— Ригмур показала на туалетный столик.

— У Пэка нет своего дома, и ему негде приткнуться, вот он и бродит всюду как неприкаянный.— Мирт всегда очень обстоятельно отвечала на вопросы.— Мама, сделай ему домик, ведь ты умеешь, ты архитектор!

Ригмур тяжело вздохнула:

— Да, когда-то умела, и даже неплохо.

На туалетном столике в рамке под стеклом стояла ее фотография, сделанная еще в девичестве. Мирт взяла ее в руки и стала с интересом разглядывать.

— Мама, какая ты была красивая!

Ригмур почувствовала себя задетой. У детей бывает неприятная манера говорить все, что они думают. И они умеют выбрать слова, которые обжигают как огонь.

— А сейчас я уже некрасивая?

— И сейчас красивая! Но уже не такая.

— Забери отсюда свою куклу!— Ригмур раздраженно показала на Пэка. Это по его вине ее женскому тщеславию было нанесено оскорбление.

Через открытую дверь Ригмур слышала, как Мирт разговаривала с Пэком, спускаясь по лестнице:

— Не ходи туда, где тебе нечего делать!

Очевидно, Пэк что-то ответил Мирт, потому что она с удивлением сказала:

— У тебя там были дела?.. Ну, тогда понятно!

Ригмур долго смотрелась в зеркало. Мирт права: когда-то она была очень красивая, но это было давно. Теперь на нее из зеркала смотрела бесцветная, кислая физиономия. Она вспомнила сцену за завтраком. Да, она всегда кислая, как уксус. Но ведь у нее есть на это причины!

Отражение в зеркале скорчило ей гримасу: можешь собой гордиться, Ригмур! Карать его ты умеешь. Скоро он уже рухнет под ударами твоего хлыста и завоюет как собака. Тебе хочется этого?

Но разве я не права?

Права, конечно. Мораль на твоей стороне, гордись. А какой красоткой ты стала от этой своей правоты!

Но ведь всякому терпению приходит конец! Я порядочная женщина. Из хорошего дома.

Нет, Ригмур, твой дом был несчастным, и ты это прекрасно знаешь.

Я? Знаю?

Да! И таким же несчастным ты сделала свой новый дом! Неправда!

Твои родители постоянно ссорились, и ты, единственный ребенок в семье, была свидетелем родительских баталий. А теперь ты так же караешь и свою дочь. Ты заставляешь ребенка расплачиваться за ошибки своих родителей, уже второе поколение расплачивается за них.

Неправда, я желаю Мирт только добра!

Конечно, но причиняешь зло. Ведь ты знаешь, что лучше выдрать ребенка розгами, чем делать его свидетелем родительских ссор. Какая же ты после этого мать!

Это не я, а он сломал нашу супружескую жизнь!

Да, но ведь все разыгрывалось по твоему сценарию. Я не виновата!

Виновата. Ты прекрасно знала, чем все кончится, когда све-ла их вместе. Ты хотела воспользоваться Бибби, чтобы нака-зать Гуннара. Ведь Бибби сама по себе уже наказание, правда?

За что же мне было его наказывать?

За равнодушие к тебе. Он охладел от общения со снеж-ной королевой.

Никакая я не снежная королева! И никогда не была ею, скорей уж я была застенчивой, глупой, неопытной и...

И злой. Во всяком случае, не называй себя после этого порядочной женщиной.

Ох, зеркальце, будь же немного добрее ко мне! Чем еще я могла бы пронять его?

Его? Этим ты проймешь только себя!

Да, да, да! Но мне так тяжело видеть его с этой рас-путной самкой!

Как ты можешь называть ее распутной самкой, если сама по нему тоскуешь? Ведь он не прикасался к тебе уже целую вечность!

Фу, как грубо!

Ведь тебе хочется одного, хочется, чтобы он связал те-бе руки и проделал с тобой все то, что здоровый мужик проделывает с обычной бабой. И ты со своими тюлевыми занавесками и фиалками смеешь называть кого-то распут-ной самкой!

Замолчи! Я люблю его!

Вот и хорошо. Значит, еще не все потеряно...

Разговор с собственным отражением оказался не на-прасным. Ригмур взяла баночку с кремом — этими мор-щинками в уголках рта надо заняться.

*

Гуннар сидел в гостиной в пальто и шляпе и нервно поглядывал на часы. Няне уже давно следовало быть здесь, но уйти, не дождавшись ее, он не мог. Ригмур была на встрече в женском клубе. А у него было назначено сви-дание с Бибби. Она хотела поговорить с ним о чем-то важ-ном, очень важном. Он догадывался, о чем пойдет речь, у него были основания нервничать.

Любит ли он Бибби? Этого он не знал. Но сегодня ему придется решить это раз и навсегда.

В последнее время он чувствовал себя как человек в спа-сательной лодке, у которого кончилась пресная вода. В кон-це концов он поддался панике и начал пить морскую воду. И с каждым глотком его жажда усиливалась все больше.

Ты море, Бибби. Ты наполняешь меня солью. Может ли человек, страдающий от жажды, любить соленую воду?

— Может, Ригмур права, назвав его бессердечным? Может, именно поэтому современные люди так несчастны? Мозг работает великолепно, половая потенция не вызывает сомнений. Но нас ничто ни к чему не обязывает. Мы чужие друг другу, мы мертвы изнутри. «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею,— нет мне в *том* никакой пользы».

Оба правы, и Ригмур, и апостол Павел, думал Гуннар. Я— медь звенящая, или кимвал звучащий. Мне надо найти свое сердце. Я где-то оставил его.

Сердце? Глупости! Сердце — это полая мышца, которая, ритмично сокращаясь, гонит по жилам кровь. Оно состоит из поперечных мускулов и имеет две половины и клапаны, оно стучит тук-тук, тук-тук и работает как автомобильный мотор. Это не подставка для чувств... Но почему же тогда мы ощущаем страх левой половиной груди? Именно с этой стороны у Гуннара и сдавило сейчас грудь. Ему было страшно, и слава Богу, значит, сердце у него еще живое!

Он снова взглянул на часы: о, женщина! Как жена, она была беспощадна, как любовница — ведьма. Домом занималась мало, она не желала быть бесплатной работницей, а теперь и ребенка на нее уже не оставишь, она отсутствует!

Гуннар больше не мог сидеть в бездействии и пошел в детскую. Ему было приятно увидеть спящую в темноте Мирт. Круглое личико на подушке дышало безмятежным покоем. Чистый лобик был как будто устремлен к звездам, а маленький носик с удовольствием вдыхал аромат цветов, растущих вдоль Млечного Пути. Бедный ребенок, и его когда-нибудь тоже раздавит это колесо. Но пока что Пэк еще охранял Мирт, сидя на спинке кровати.

В холле зазвонил телефон, и Гуннар быстро вышел из детской.

— Куда ты пропал?— Терпение не относилось к числу главных добродетелей Бибби, она не выносила ждать. Его она могла заставить прождать целый час, но это уже другое дело. В этом вопросе женщины никогда не требовали одинаковых прав с мужчинами.

Он объяснил, что не может уйти, пока не придет няня. К счастью, звонок в дверь раздался прежде, чем Бибби успела швырнуть трубку.

— Вот она пришла! Я буду через четыре минуты!

Пожилая няня очень нервничала, что пропустила нужный автобус. У Гуннара не было времени даже на то, чтобы извинить ее. Он выбежал из дома.

Они сидели в кафе уже целый час, а Бибби все еще не решалась заговорить о главном. Но их разговор кружил вокруг того, что ее волновало. Наконец настал удобный момент:

— Между прочим, мне надоело быть твоей нечистой совестью! Если хочешь и дальше иметь со мной дело, тебе это будет стоить золотого колечка.— Она подняла правую руку и показала ему свой безымянный палец.— Принимаешь? Гладкого золотого колечка!

Ну вот, наконец слово сказано. И он понимал: она говорит серьезно. Она может шутить с любовью, но не с золотом.

— Ты хочешь...— заикаясь, начал он.

— ...стать твоей женой. Стать женой директора Грама!

Нет, Бибби не была членом движения Морального перевооружения, но она строго следовала его четвертому требованию: быть честным.

— Моя скучная кузина не в состоянии даже оценить жизнь, которую ты ей обеспечил. А я буду в состоянии!.. Ну, что ты мне на это ответишь?

Он ничего не ответил, но зачарованно смотрел ей в глаза.

Ледяная синева. Этот цвет редко встречается в природе. Его можно увидеть в расселине ледника. На крыльях зимородка. Он может возникнуть на небе у самого горизонта. Ледяной синевы были и глаза у Бибби.

— Так что же ты мне ответишь?— повторила она.

Он плыл в спасательной лодке посреди моря. Без пресной воды и без весел. Его несло течением и ветром. Он был в руках судьбы.

Нельзя ли хоть на минуту отсрочить ответ? Он лихорадочно шарил в карманах брюк и пиджака.

— Что я отвечу?.. Я отвечу... Послушай, у тебя нет сигареты?

— Посмотри у себя в кармане пальто.— Она кивнула на его пальто, висевшее на спинке стула.

— Правильно, в кармане пальто...— Он сунул руку в карман. Глубокий, удобный карман. Что это там лежит? Гуннар вытащил какой-то предмет и бросил на стол. Но это были не сигареты.

Это был Пэк.

Ригмур открыла входную дверь и прислушалась. Кто-то плачет?

Няня вышла в прихожую.

— Мирт проснулась и говорит, что пропала ее кукла. Она в отчаянии.

Да, Мирт сидела в кровати и горько рыдала. Ригмур погладила ее по голове:

— Ну, ну, перестань! Пэк, наверное, как обычно, ушел гулять по лунным лучам. И опять заблудился.

— Нет, его забрал папа!— вскрикнула Мирт.— А сам дал мне честное слово, что больше не будет трогать Пэка!

— Я уверена, что папа тут ни при чем. Тем более если он дал тебе честное слово. Это на него не похоже.

— Но Пэк не гуляет по лунным лучам! Ты же видишь, окно закрыто!— И из глаз у Мирт снова хлынули слезы.

Ригмур поцеловала ее в соленый от слез носик.

— Мы его найдем. Кажется, я знаю, где он.

— Правда?— Мирт подняла на мать полные слез глаза, в которых появился проблеск надежды.

— Да. И я обещаю сделать для него домик, чтобы он не уходил так часто неизвестно куда.

— Честное слово?

— Честное слово!

Няня еще не ушла, и ей пришлось задержаться.

*

— Зачем ты его принес сюда?— резко спросила Бибби.

Гуннар не мог понять, как это случилось. Он вошел в детскую уже в пальто, потом зазвонил телефон. Неужели Мирт украдкой?.. Нет, она же спала...

Как бы там ни было, Пэк в туфлях-поплавках сидел на столе собственной персоной. От пребывания в кармане пальто его колпачок помялся и жидкая бородака растрепалась еще больше. Круглые, как у белочки, глазки нежно смотрели на Бибби.

— Ты что, не слышал моего вопроса? Зачем ты принес его сюда?

— Я его не брал...— Протест Гуннара звучал неубедительно.— Он сидел у Мирт на спинке кровати, когда я перед уходом заглянул к ней.

Длинный ярко-красный ноготь Бибби нервно царапал скатерть.

— И ты бессознательно сунул его в карман, да?

Вряд ли Бибби читала Фрейда. Но она безошибочно пользовалась им на практике. Это была глава «Бессознательные реакции» из книги «Психопатология обыденной жизни».

— Я не понимаю...— пробормотал он.

— Зато я понимаю!— отрезала она.— Ты взял с собой эту куклу, чтобы она защитила тебя от меня. «Куколка

моей дочери, ах!» Скажешь, не так? Я вас, примерных супругов, вижу насквозь!

— Тогда зачем же ты хочешь выйти за меня замуж?— спросил он.

Пэк не умел улыбаться, его прямой рот был прошит раз и навсегда. Но сейчас казалось, что неуловимая улыбка тронула его прошитые губы. Насмешка нездешнего мира? Пэк, откуда ты пришел к нам?

Бибби изо всей силы хлопнула ладонью по столу. В кафе словно грянул выстрел.

— Тебе придется выбрать между мной и этой куклой! Ясно?

Ледяная синева метала искры. Взгляд Бибби скользнул по столу, и она вскочила как ужаленная.

— Смотри, он сам подвинулся ко мне!

Действительно, Пэк сидел уже на другом месте. Теперь он сидел у самого края стола рядом с Бибби, лицо его было обращено к ней.

Пэк, ты доказываешь существование Господа Бога! Его пути не только неисповедимы, они иногда бывают забавны. По Его воле самые неожиданные, незначительные предметы оказывают нам в жизни поддержку. Он поражает нас своим космическим юмором.

— В самом деле, Пэк пересел поближе к тебе,— констатировал Гуннар.— Должно быть, он перепрыгнул с места на место. Ничего удивительного, ты так стукнула по столу...

Боялась ли чего-нибудь Бибби на этой земле? Оказывается, боялась. Она не отрывала глаз от Пэка.

— Смотри!.. Смотри, он шевелится!

Подумать только, значит, Бибби — самая обыкновенная женщина, она боится смерти. Как это Мирт сказала, глядя, как горит кукла с закрывающимися глазами: «Бедная фрекен Хермансен!» Впервые Гуннар почувствовал к Бибби сострадание и даже уважение.

Бибби, ты и жалка и прекрасна. Ты была и жалкой и прекрасной в тот раз в кабинете, когда сбросила с себя шубку. А ведь когда-нибудь ты сбросишь свои одежды, но уже не перед похотливым директором, а перед Смертью. Смерть — великий любовник, Бибби. Никто не желает твоего тела сильнее, чем он. Ты и жалка и прекрасна, потому что ничем не отличаешься от любого смертного.

Бибби не на шутку испугалась. В панике она прижалась к спинке дивана.

— Убери его!.. Он... Он хочет уколоть меня!

Бибби ничего не стоило превратить сильного мужчину в тряпичную куклу. Но теперь она сама потерпела поражение от крохотного тряпичного ниссе.

В Гуннаре все клокотало и бурлило, он с трудом сдерживался, чтобы переполнявшие его чувства не вырвались наружу. Но шампанское невозможно удержать в бутылке, из которой вынули пробку. Пробка выстрелила в потолок, и из бутылки вырвалась струя лучшего из вин — громкий смех облегчения.

Гуннар смеялся, он смеялся не истерично, не злобно, не презрительно, а просто в эту минуту жизнь казалась ему удивительно смешной.

Бибби не сводила с него глаз, скулы у нее побелели. Конечно, она думала, что он смеется над ней. Ошибаешься, Бибби, я смеюсь не над тобой, а над Господом Богом! Мы пребываем в аду, который сами себе устроили, и даже не подозреваем, что небеса обладают чувством юмора. А они обладают чувством юмора. Почему ни один пастор не сказал мне об этом? Почему это мне должна была объяснить тряпичная кукла?

Бибби встала и схватила сумку.

— Я вижу, ты уже сделал выбор, — сказала она. — Я сейчас же поеду и заберу от вас свои вещи. Сегодня я переночую в отеле, а завтра утром улечу в Лондон.

В последний раз он увидел ледяную синеву ее глаз. Расселина в леднике. Небо на кромке горизонта. Крылья зимородка.

— Прощай... Картонный идиот!

Высокие каблуки зацокали к выходу. Это были уже не кастаньеты, а автоматная очередь. Хлоп! — дверь за ней закрылась. Бибби исчезла.

Вот так же уходят женщины в великих норвежских драмах, подумал Гуннар. Нора — Хенрика Ибсена, Карен — Гуннара Хейберга, Вибекке — Хельге Крога и Бибби — Гуннара Грама. Уходят, хлопнув дверью, потому что мужчина не оправдал их надежд. А мужчина радуется...

Картонный идиот? Она заслужила право на эту прощальную реплику. Поделом ему!

Официант остановился у столика. Он смахнул салфеткой крошки со скатерти, осторожно приподнял Пэка и вопросительно посмотрел на Гуннара.

— Этот господин — мой гость, — объяснил Гуннар. — Мы с ним только что подружились. И хотели бы отметить это событие рюмкой хорошего портвейна.

— Две рюмки?

— Да, пожалуйста. — Гуннар махнул рукой кому-то только что вошедшему в зал. Пэк, конечно, был трезвенник, но тем не менее Гуннару требовалось две рюмки.

К столику медленно и нерешительно подошла Ригмур. Увидев Пэка, она вздохнула с облегчением.

— Слава Богу, он здесь!

— Как видишь. И в полной безопасности.— Гуннар гостеприимно повел рукой.— Может, присоединишься к нам? Мы как раз заказали портвейн.

Пэк был с Гуннаром, и потому Ригмур не потребовалось никаких объяснений. К тому же она видела, как из кафе выбежала Бибби, но не хотела говорить об этом.

— Я обещала Мирт устроить ему домик,— все еще неуверенно сказала она,— чтобы он больше времени проводил дома. А то он вечно где-то пропадает.

— Ты хочешь сказать, что он пропадает со мной?

— Да, ты тоже достаточно часто прогуливался... по лунным лучам.

Как деликатно Ригмур назвала его неверность! Он даже смутился. К счастью, в это время официант принес портвейн.

Гуннар поднял рюмку:

— Хорошо, что у нас есть Пэк, который не спускает с нас глаз. Выпьем за нашего друга из Царства Эльфов.

Они выпили за Пэка, и Гуннар вдруг обратил внимание на сидящую перед ним женщину — такой он Ригмур не знал. Ее взгляд стал как будто теплее, губы — мягче, фигура — пышнее.

На ней был костюм апельсинового цвета, туго облегавший высокую грудь и стройные бедра,— это был бокал, наполненный неведомым соком. Гуннар, Гуннар, и ты норовил красть яблоки в чужом саду, когда в твоём собственном полно спелых плодов!

— Для кого ты это так разукрасилась? У тебя есть любовник?— спросил он.

Ригмур с трудом сдерживала свои чувства. В ее мимолетной горячей улыбке выплеснулась вся влюбленность, которую она так долго подавляла, травила и убивала. И которая каждое утро просыпалась в ней, свежей и неистребимой, без единой царапинки.

— Пока нет. Но кто знает...— сказала она.

С того утра, когда Пэк уколол Бибби палец, прошло шесть дней. И сколько всего случилось за это время!

«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый».

*

«...и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал».

На другой вечер в гостиной на полу стоял красивый кукольный дом. Гуннар сам смастерил его на своем вер-

стаке в подвале, и даже довольно быстро. Это было по его части.

Ригмур сидела на полу и обставляла дом изнутри, чтобы хозяин мог в него перебраться. Вокруг валялись ножицы, нитки, иголки, разноцветные лоскутки, кусочки обоев, провода, игрушечные лампочки и мебель. Не зря же она была архитектором по интерьеру!

Гуннар стоял над ней и давал советы. На самом деле сама Ригмур занимала его гораздо больше, чем дом. Конечно, интересно смотреть, как кукольный дом приобретает жилой вид. Но еще интересней смотреть, как душа заполняет тело.

Тело жены. Откуда он взял эти слова? Наверное, из какой-нибудь книги. Какие прекрасные слова!

Он смотрел на ее густые темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, и думал: странные у женщин волосы. Они всегда свидетельствуют о настроении женщины. Их блеск надежнее, чем стрелка барометра. Сколько лет волосы Ригмур были лишены блеска, точно нечищенная медная печь. И ни один парикмахер был не в силах помочь ей — внутренний блеск нельзя воссоздать внешними средствами. А теперь ей не скрывать своего состояния: его выдают волосы!

И Гуннар, этот неисправимый эгоцентрик, тут же подумал: наверное, во мне все-таки что-то есть, если я могу заставить женские волосы вспыхнуть таким блеском!

— Гуннар, тебе нравится цвет обоев?

Он не успел ответить — дом утонул в грохоте самолета. У Гуннара сжалось сердце, он поднял голову. Может, на этом самолете летит Бибби?

Одна секунда, но Ригмур этого было достаточно. Она наблюдала за Гуннаром и поняла выражение, мелькнувшее у него в глазах.

Одна секунда может перевернуть жизнь... Ригмур пережила лучшие сутки в своей жизни. Всю ночь она чувствовала себя землей, молящей о дожде после долгой засухи. А Гуннар был отверзшимися небесами, и земля напиталась дождем и сладко заснула у него в объятиях. И всю ее заполнило дитя, и ей снилось, что звали его Добро, потому что он был зачат в таком блаженстве... Весь день они играли как дети. Мирт они отправили к бабушке, сейчас настала их очередь быть детьми. Они бродили по дорожкам и собирали красивые камешки. Они разыскали на чердаке старые карнавальные костюмы и ели приготовленные Ригмур китайские блюда в китайских костюмах. Они пили вино в беседке, и снова земля взывала к небесам о дожде, и небеса отвечали ей. А вечером он показывал ей звезды и говорил, как они называются, и даже

подарил одну из них по имени Альдебаран. Потом он смастерил в подвале кукольный дом, и она обставила его — жизнь наконец стала прекрасной... Но одна секунда может перевернуть жизнь.

С тех пор, как они накануне вечером встретились в кафе, имя Бибби не было произнесено вслух. Но теперь оно прозвучало в грохоте самолета, обрушившегося на них с небес, и у Гуннара в глазах мелькнула тоска.

Прекрасный день был испорчен, все вернулось на круги своя. Ревность, затаившаяся в Ригмуре подобно ядовитой змее, подняла голову и изготовилась для нападения. И ядом этой змеи было то небывалое блаженство, которое Ригмур испытала ночью: он прошел школу у этой шлюхи! Это она сделала его таким превосходным любовником!

Ригмур выпрямилась, лицо у нее вдруг окостенело, голос резал как бритва:

— Да, она летит сейчас в Англию...

Гуннар сделал неловкую попытку загладить свой промах:

— Не думай об этом... Это все...

Что все? Правда, он не закончил фразу, но Ригмур уже стала прежней. Неумолимой. Судьбой, держащей в руках его совесть.

— Как ты мог, Гуннар?

— Что ты имеешь в виду?

Нет, дорогой, тебе не удастся вывернуться. Ты у меня получишь сполна!

— Не притворяйся! Ты все понимаешь! Мы говорим о Бибби!

Ну что ж, лучшая защита — это нападение. И он бросился в атаку:

— И как ты только могла подсунуть мне эту наживку! — Голос его дрожал.

Гуннар и не предполагал, что попадет прямо в цель. Все-таки он не совсем поверил Бибби, смотревшей на людей точь-в-точь как Шопенгауэр. Теперь же он был поражен явной неискренностью Ригмур:

— Я? Значит, виновата во всем я? Подлец!

Все было как прежде. Человек человеку — волк. И изменить свою природу человек не может. Жизнь — это заколдованный круг. Все было как прежде.

Агрессивность Ригмур объяснялась нечистой совестью. Значит, его удар попал в цель? Но тогда право на его стороне! Тогда он сильнее ее! Сейчас он ей все выложит!

— Сказать тебе, кто ты? Сказать?..

В комнате раздался громкий стон. Страшный, режущий слух диссонанс. Гуннар так и не успел ничего сказать Ригмур.

Стон исходил от рояля. Он был открыт — сегодня они даже играли на рояле. На басах сидел Пэк. Глаза у него были чернее ночи, борода всклокочена. Уши и нос торчали в разные стороны, желтый колпачок взвился вверх, словно пламя адской серы. Гуннар и Ригмур никогда не видели его таким сердитым.

Они со страхом уставились на эту роковую куклу. Им стало жутко.

Неожиданно они увидели в гостиной Мирт. Она только что явилась из детской. В цветастой ночной рубашке Мирт стояла возле рояля и, мигая, смотрела на них сонными глазами.

— Теперь мне все понятно! — воскликнул Гуннар. — Ты у нас настоящая фокусница, Мирт! Как это у тебя получилось?

Мирт протерла глаза.

— Что случилось? — Она зевнула. — Что тут было?

Гуннар хотел взять куклу с рояля, но Ригмур остановила его. И голос ее снова звучал очень мягко.

— Бесплезно, Гуннар. Здесь в доме все решает Пэк!

Он уловил новые нотки в ее голосе и понял, что она права. Иначе и быть не могло.

— Пэк, — машинально повторил он, потом повернулся к кукле и отвесил ей низкий поклон: — Прошу прощения!

У Пэка был такой вид, будто он принял извинение Гуннара.

— Ложись спать, Мирт, — сказала Ригмур.

Гуннар встретился глазами с дочкой. Это был спокойный, нежный и совершенно невинный взгляд. Взгляд мадонны. Потом она послушно повернулась и ушла в детскую. Ее упрямый затылок с торчащими косичками скрылся в темноте.

Ригмур уже была снова поглощена кукольным домом. Она вешала занавески на одно из окон. Взглянув на Гуннара, она улыбнулась ему из непостижимых глубин своего существа.

— Приди ко мне, мой господин, мой властелин, мой повелитель, и помоги мне повесить эти занавески!

Гости, сидевшие вокруг камина, прослушали сказку. Они как будто сидели в пещере, залитой красным светом, лица их еще были полны внимания. В наступившей тишине слышалось лишь, как потрескивают в огне поленья. Одно полено, странно пискнув, рассыпалось на части. В комнате шевельнулись тени. На стене возник силуэт маленького рогатого коня.

Директор Бёмер рассказывал долго, но его ни разу не прервали ни вопросом, ни замечанием. Он говорил неторопливо и сухо, однако некоторые образы выдавали его

любовь к художественной литературе. Слушатели, разумеется, догадались, что он сам и есть Гуннар Грам, поэтому и рассказывал эту историю от третьего лица, но тактично удержались от комментариев.

— Ты должен написать об этом!— Так Нордберг выразил рассказчику свое одобрение.

— Как интересно!— Элисабет еще не покинула Царства Эльфов, и Пэк стоял у нее перед глазами.— Мне бы хотелось сыграть на сцене одну из этих женщин... Пожалуй, Бибби, она у тебя получилась более яркой. Интересно почему?— И Элисабет взглянула на директора Бёмера невинными, как у Мирт, глазами.

В неярком свете камина никто не заметил, что он покраснел.

— Я просто описал несколько фактов,— сухо сказал он, словно читал годовой отчет фирмы.— Одни факты производят более сильное впечатление, другие — менее. Вы согласны?

Элисабет наморщила носик:

— Фу, оставь этот деловой тон, только что ты говорил как художник! И Пэк, и Мирт... Между прочим, а где именно на Карл Юхан можно купить такие трусики?

— Элисабет!— загремел Нордберг.— Не сбивай наш симпозиум с заданного курса!

— Прошу прощения...— Она повернулась к доктору Карсу.— А каково ваше мнение об этой истории, доктор Карс? Вы верите в эльфов?

— Увы, нет, сударыня.— Он покачал головой.— Эта история весьма романтична. И поучительна, но...

В устах доктора Карса эти слова звучали похвалой. Точно так же он сказал бы о новеллах со счастливым концом, какие публикуются в бульварных журналах.

— В ней не говорилось ни о чем сверхъестественном. Я не увидел тут единорога.— Он поднял глаза на полку над камином, но взгляд его демонстративно скользнул мимо статуэтки.

— Почему? Ведь там определенно действовали некоторые силы...— начал оправдываться директор Бёмер.

— Силы ребенка, согласен,— прервал его доктор Карс.— Вы рассказали нам об очень одаренной и сообразительной девочке, которая защищала свои интересы от взрослых.

— Это, конечно, так, но все-таки...— Лицо директора Бёмера свидетельствовало о том, что он уже не считает доктора Карса своим партнером в этой игре.

Доктор Карс продолжал:

— Девочка очень тонко рассчитала, как можно играть на присутствии взрослых... «страхе темноты», скажем так.

Смышленность ребенка еще не означает нарушения естественных законов.

— Но ведь эта кукла проделывала такие странные вещи,— заметила Элисабет, которая не всегда доверяла естественным законам.

— Марионетки в кукольном театре тоже проделывают весьма странные вещи, фру Нордберг.— Доктор Карс нашел понятный Элисабет образ.— Но нити дергает человеческая рука, рука из плоти и крови. И рассказ господина Бёмера позволил нам увидеть если не сами нити, то, во всяком случае, руку, которая их дергала. Ловкую маленькую детскую ручку...

— Не так уж все это просто!— Директор Бёмер никак не мог раскурить сигару, он раздраженно затягивался и крутил головой.— Я сам видел эту куклу. И я почти уверен, что Пэк обладает душой, так же, как и вы, доктор Карс!

— Но наукой еще не доказано, что доктор Карс имеет душу!— Нордберг играл в детстве в футбол и теперь, оказавшись перед воротами, послал мяч в сетку.— Вспомните главную заповедь науки: все можно отрицать.

— Не все!— вырвалось у Странда.

До сих пор он не принимал участия в разговоре, хотя обычно, как всякий журналист, задавал много вопросов. С отсутствующим видом он смотрел на рюмку с коньяком.

— Кукла, гулявшая по лунным лучам,— медленно произнес он.— Это напомнило мне одну странную историю... о луне.

— О самой луне?— с интересом спросила Элисабет.

Странд кивнул:

— Да, луна играла в ней главную роль.

На полке рядом с Элисабет лежала газета с крупными заголовками об искусственном спутнике земли. Она отодвинула газету в сторону.

— Надеюсь, о настоящей, старомодной луне, а не об этих дурацких ракетах?

— Да, о самой настоящей луне.— Странд изобразил в воздухе круг. На лице у него снова появилось задумчивое выражение.— История Нордберга — это история, которую пережил писатель. История директора Бёмера — это история предпринимателя. А я хочу рассказать вам нечто, так сказать, из жизни журналиста.

— И вы, господин Странд, туда же?— Доктор Карс устремил на него внимательный взгляд психиатра.

— Вы не обращали внимания, что некоторые дни проходят как бы по заранее заданному, не зависящему от человека плану?— Странд провел пальцем по изгибам рюмки.— Все, что человек переживает в такой день, оказывается непости-

жимым образом связанным друг с другом, словно мебель одного стиля. Хотя объяснить это с точки зрения здравого смысла было бы трудно.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — вставил Нордберг.

— Тебя как будто все время что-то тянет за рукав и подталкивает в определенном направлении. И ты сам не понимаешь, что тебя тянет и почему ты идешь именно туда. Это становится ясно только потом. — Странд осторожно отодвинул рюмку. — Моя история началась именно в такой день.

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТА

Внешние сны

Я достаточно много езжу по свету, но тем не менее не могу похвастаться, что пережил больше, нежели любой другой человек. Напротив, мой жизненный опыт весьма скромнен.

Из ряда вон выходящее событие — редкая птица. Она не попадает в силки, и ее не подстрелишь влет, как бы метко ты ни стрелял. Можешь гоняться за ней по всему свету, искать в самых экзотических местах, но ты не услышишь ударов ее крыльев на базаре в Карачи, не найдешь ее перышка в сомнительных забегаловках Веракруса, не увидишь ее тени на снегах Сьерры-Невады. Можешь искать ее в первобытных лесах Бразилии, можешь добраться на каноэ в самые таинственные уголки Мату-Гросу, но так и не услышишь над своим каноэ ее песни.

Зато, клюя носом над газетой в столичном трамвае, ты вдруг увидишь ее. Вон она, присела на фуражку кондуктора и чистит перышки. И подмигивает тебе.

Мой опыт говорит о том, что с необыкновенными событиями сталкиваешься, как правило, неожиданно, когда к этому совершенно не готов. Во всяком случае, начинаются они всегда неожиданно. Например, когда тебе бывает особенно скучно.

Вот так я скучал осенним утром два года назад на открытии выставки в музее Мореплавания. По заданию газеты я должен был написать репортаж об этой выставке. Будучи сотрудником «Шёфартсбладет», я был обязан предоставлять газете любой материал, имеющий отношение к мореходству. И часто это бывало довольно скучно.

Я очень люблю море и всевозможные суда, но эта выставка только испортила мне настроение. Тому, кто любит бабочек, тяжело видеть их наколотыми на булавки.

От старых шхун, изображенных на холстах, даже не пахло морем, стены музея украшали отутюженные паруса в рамах и застывшие под стеклом волны.

Директор музея сам проводил меня по выставке, это был веселый, приветливый человек, и он изо всех сил старался, чтобы его суда ожили передо мной. Я произносил: «Да, да!» или «Разумеется!», делал по обязанности какие-то записи, а сам украдкой поглядывал на часы. Взгляд мой ту-по скользил с картины на картину — вот еще одна бабочка норвежского пароходства, насаженная на булавку.

И вдруг неожиданно в стене музея как будто пробили брешь.

Я замер на месте и уставился на картину, захваченный до глубины души.

На ней было изображено разбившееся о скалу судно в лунном свете. Это был небольшой пароходик, наскочивший на отвесную морскую скалу. По-видимому, то были норвежские шхеры. Сквозь бегущие облака просвечивала круглая луна.

Я сказал, что было изображено на картине, но это ничего не объясняет. На меня подействовал не сюжет, но что-то скрытое в нем, что-то невидимое. Магнитное силовое поле тоже невидимо, но кучка железных опилок, насыпанных на бумагу, располагается в определенном порядке, который свидетельствует о его присутствии. Здесь было другое силовое поле, создаваемое и цветом и композицией. За холстом угадывался магнит. Я попробую описать эту картину, описав три другие, которые она мне напомнила. Ни одна из них прямо не похожа на нее, но каждая, по-своему, раскрывает одну из ее сторон.

Первая — это «Маяк Вардё» Педера Балке, яркий образец романтизма, вы все, конечно, видели ее в Национальной галерее. Колорит ее строг: белый цвет чередуется с сепией, переходящей в черноту. Сюжет: прибор у пустынного берега под низким, сулящим непогоду небом. Вдали, на заднем плане, — маяк, — одинокое творение человеческих рук, маленький и беспомощный против непобедимой стихии. Это образ самой Норвегии, форпоста Земли, выставленного против Космоса.

Другая картина — «Остров мертвых» Арнольда Бёклина. Скалистый островок с крутыми берегами и высокими кипарисами. В скалы врублено здание, большие ворота ведут внутрь горы. На берегу залива стоит белая скульптура какого-то животного. Нет никаких признаков жизни, вода неподвижна. Медленно скользит лодка, управляемая одним веслом, гребец сидит к нам спиной. На носу лодки стоит гроб, рядом — фигура человека в белом. Она тоже

обращена лицом к берегу, а к нам — спиной. Душа подшпивает к Острову мертвых.

Третья картина принадлежит кисти Джорджио Де Кирико, самого удивительного из всех сюрреалистов. Представьте себе широкую улицу, разделенную на семь полос, которые уходят в перспективе к дворцу на заднем плане картины. На самой улице и вдоль нее стоят или сидят на пьедесталах и ящиках какие-то гротескные человекообразные фигуры, мраморные чудовища. В ярком солнечном свете геометрические предметы отбрасывают резкие тени. Сюжет этой картины не имеет ни малейшего сходства с картиной кораблекрушения, но у них есть нечто общее в технике письма, она производит то же впечатление гибели и безжизненности. Контуры предметов резко очерчены, все детали как будто схвачены сверхчувствительным объективом. И устремленная вдаль перспектива притягивает взгляд к какой-то точке, скрытой за холстом, имя которой — Смерть. Картина Де Кирико называется «Тревожащие музы».

Директор продолжал что-то мне объяснять, но я ничего не понимал. Когда я немного опомнился, он хотел вести меня дальше.

— Мы приобрели еще одного Кристиана Крога. Вы непременно должны его посмотреть...

— Кто написал эту картину? — Я старался говорить небрежно и безразлично.

Он с удивлением взглянул на меня — ведь только что он назвал мне имя художника.

— Като Зауберманн. Довольно известный мастер.

Да, я слышал это имя и раньше, но оно не ассоциировалось у меня ни с какими картинами.

— Он норвежец?

Директор опустил глаза.

— Да. Он умер вскоре после того, как написал эту картину.

Я подошел поближе. Да, вот его подпись. Зауберманн, 1946. Кроме того, я прочитал надпись на обломке штевня — «Арго». Чей это корабль так назывался? Ах да, на «Арго» Язон плавал в Колхиду за золотым руном.

Мы прошли к «Лощману» Кристиана Крога, но у меня в памяти не осталось даже зюйдвестки этого лощмана.

Что-то потянуло меня за рукав и направило мое внимание в другую сторону. К судну «Арго», потерпевшему кораблекрушение у скалистого острова на побережье Норвегии.

*

В тот же день, только немного позже, я получил в редакции другое задание, которое пришлось мне по душе

больше, чем посещение музея. Мне предстояло взять интервью у моряков, спасенных с шхуны, потерпевшей крушение во время шторма в Северном море.

Мы сидели в кают-компании судна, спасшего моряков. Только что спасенные моряки — хороший объект для интервью. Они радовались жизни, и их светлые волосы еще дыбились от соленой воды. Шторм, разбивший их шхуну, еще стоял у них перед глазами. Они рассказывали о случившемся наперебой, и только один не произнес ни слова.

Они везли зерно, которое намокло от воды, попавшей в пробоину. Зерно в мешках забродило, и огромные мешки начали ходить ходуном по всему трюму — самое плохое, что может случиться с грузовым судном во время шторма. Моряки не теряют наблюдательности, даже когда их жизнь висит на волоске, — на меня хлынул поток подробностей, на мой блокнот буквально летели брызги. Но я не спускал глаз с моряка, не принимавшего участия в разговоре.

Узнав все, что требовалось для газетного репортажа, я поднял голову.

— Кто-нибудь из вас раньше уже попадал в кораблекрушения?

Все замолчали и только поглядывали друг на друга. Может, об этом не полагается спрашивать? Кто-то махнул рукой в угол кают-компании, где сидел моряк, который до сих пор не проронил ни слова.

— Вот, Атле Скотдланд был на «Арго», когда тот разбился.

Я вздрогнул. Второй раз за этот день меня потянули за рукав.

— «Арго»? Сразу после войны, да? — Я вспомнил дату на картине и дружески кивнул Скотдланду.

Он не ответил на мое приветствие. По-прежнему молчал и жевал спичку. Моряк, помянувший «Арго», поспешил мне на помощь:

— Верно, в сорок шестом. На Западном побережье.

Я сделал еще одну попытку втянуть в разговор этого любителя жевать спички:

— Как это произошло, а, Скотдланд?

Наконец он выплюнул спичку:

— Ничего особенного там не случилось. Да и дело прошлое, — мрачно изрек он.

Я понял, что здесь, в кают-компании, он мне больше ничего не скажет. Ему явно не хотелось говорить об этом в присутствии своих товарищей. Значит, надо изловчиться и побеседовать с ним наедине. Я не из тех охотников, кто быстро сдается, а тут в море ходил настоящий кит. Что-то во мне забило тревогу, загудел набатный колокол — то

было великое любопытство, преследующее всех журналистов на свете.

Через полчаса мы со Скоттландом уже сидели за чашкой кофе в одном из портовых кафе. Разговорить его оказалось непросто. Вначале он держался настороженно, может быть, из-за того, что я был журналистом. Мне показалось, что у него есть горький опыт общения с прессой. Но потом он сказал, что слышал по радио некоторые мои программы для моряков, и лед был сломан. Как-никак, а ведь я не отношусь к обычным любопытствующим газетным писакам.

У него было круглое, широкоскулое, как у финнов, лицо. Поймать его взгляд я не мог, он все время смотрел на стол или на свои большие, сильные руки. Во время разговора у него по верхней губе иногда пробегала судорога, и казалось, будто он над чем-то подсмеивается. Это было лицо ранимого, но не слабого человека. Ему явно не хотелось возвращаться к этой истории.

— Да... я был тогда на борту «Арго»... — неохотно сказал он. — Я был учеником лоцмана. В ту ночь, когда мы потерпели кораблекрушение, я был там с лоцманом.

Его глаза подозрительно поискали мой блокнот. Я хлопал себя по карману, чтобы показать, что блокнот убран.

— Не бойтесь, в газеты это не попадет... В каком месте Западного побережья это случилось?

— Возле Холмевога. Лоцманом был мой отец. Он прибыл на «Арго», чтобы провести его в гавань через полосу тумана. Я был с ним.

Он достал спичечный коробок. В зубах у него появилась новая спичка.

— Значит, в ту ночь был туман?

— Да, очень сильный.

— И вы сели на мель? — Мне по-прежнему приходилось вытягивать из него слова.

— Мы наскочили на отвесную скалу. И от шхуны остались одни щепки. — Он поднял на меня глаза, и они оказались неожиданно большие и синие.

Я никогда не разделял мнения, что в людях, которые избегают смотреть собеседнику в глаза, есть что-то подозрительное. Это может происходить из боязни выдать себя или нежелания застать чужую душу врасплох. Застенчивость не всегда притворна, даже лев в клетке начинает рычать, если смотреть ему прямо в глаза. Я понял, почему этот моряк так осторожно ограничивает поле своего зренья, он знал, что взгляд человека — сильнодействующее средство. Мне он положительно нравился.

— Что же случилось после кораблекрушения? — спросил я.

Он потерял свои сильные пальцы, словно хотел стереть с них какую-то грязь.

— Отца обвинили в преступной халатности на службе.

— И лишили лоцманских прав?

— Да! — Верхняя губа у него дернулась. — Он утверждал, что вел судно точно в соответствии с огнями Холмевогского маяка. Но ему никто не поверил. — Скоддланд глубоко вздохнул и глянул в окно. — Это его убило. Через год он умер.

Вот оно что! Вот почему сын так замкнулся. Замок я обнаружил, но ключа к нему у меня пока не было.

— Вы считаете, что с вашим отцом поступили несправедливо?

— Я в этом уверен, — твердо сказал он. — Ведь я стоял рядом с ним на капитанском мостике и тоже видел сквозь туман огни маяка — маяк был от нас на севере. Отец приказал рулевому взять тридцать градусов на запад, это был верный приказ.

Скоддланд машинально немного повернул чашку с кофе. Но видел он перед собой не чашку, а что-то другое... Компас? Штурвал?

— Неужели больше никто из команды не видел огней маяка?

— В том-то и дело, что нет! — Он сунул в рот кусок сахара и отхлебнул кофе, сахар захрустел на зубах — видно, у него была потребность все время что-то жевать. — В ту ночь, кроме нас с отцом, на палубе было еще три человека: капитан, рулевой и впередсмотрящий на баке. Когда дело разбиралось в морском суде, все они дали показания против отца — они утверждали, что не видели огней маяка. А мои показания никто во внимание не принял.

Вот она, жизнь!

— Значит, вас сочли некомпетентным?

— Да. Они думали, что я лгу, чтобы выгородить отца. Он встал. Лицо у него снова замкнулось.

— Теперь вы понимаете, почему мне не хотелось ворошить эту историю? Тяжело...

Расставаясь, я спросил, как мне позвонить ему в Осло. Он мгновенно насторожился. Разве он не достаточно рассказал мне? Что еще от него требуется? Или я все-таки самый обычный любопытный писака?

Но номер телефона он мне все-таки дал.

*

Перед сном я читал в кровати газету. Моя жена уже приготовилась заснуть и демонстративно уткнулась ли-

цом в подушку — это означало, что мне следует погасить лампу на тумбочке. Что я и собирался сделать, так как очень устал. Но тут меня в третий раз потянули за рукав.

— Господи Боже мой! — Я уставился в газету.

Лайла оторвала сонное лицо от подушки:

— Что еще случилось?

— Смотри! — В сильном волнении я показал ей заголовок статьи:

КАТО ЗАУБЕРМАНН —

ЯСНОВИДЕЦ МОРЯ

— Ну и что тут такого? — Лайла зевнула. — Искусствоведы всегда так пишут о художниках.

— Нет, дело не в этом... Но как-то странно. Понимаешь, я сегодня уже третий раз сталкиваюсь с этой историей.

— Что за история? — Лайла снова уткнулась в подушку.

Я объяснил:

— Утром в музее Мореплавания я видел картину, написанную этим самым Зауберманном. На ней были изображены обломки судна... Через несколько часов я брал интервью у моряков, и среди них оказался человек, который во время кораблекрушения был на том судне. И вот сейчас читаю статью об этом художнике, о котором раньше никогда не слышал.

Никакое чудо не может произвести впечатление на женщину, если она хочет спать. Лайла пробормотала в подушку:

— Ты слишком много общаешься с моряками, Эгиль. Вот и стал таким же суеверным, как они.

— А ты заговорила как все сухопутные крабы, — парировал я. — Впрочем, автор этой статьи тоже недалеко от них ушел.

Чтобы сделать такой вывод, было достаточно прочесть одну фразу: «...супрематический световой эффект дает его композициям новую пластическую объемность...» Искусствовед явно не был ясновидцем моря!

— Больше ничего любопытного об этом Зауберманне не написано. Смотри, какое у него интересное лицо!

— Хватит, давай спать! — Это был приказ.

— Сейчас...

Глаза у меня слипались. Но мне хотелось еще раз взглянуть на эту газетную фотографию... Ну и физиономия! В ней было что-то тяжелое, бычье, нижняя челюсть сильно выдавалась вперед. Зауберманн пристально смотрел на что-то прямо перед собой. Концы бровей подняты вверх, как у сатира. Глаза раскрыты так широко, что пол-

ностью обнажен белок, окружающий ирис глаза. Это были не глаза — это были две пасти, распахнувшиеся, чтобы заглотнуть свет, две изголодавшиеся по радуге глотки... Зауберманн. Колдун. Фокусник... А что там за птица летит над ним? Ведь она действительно летит... Подумать только, вечерняя газета начала печатать «живые» фотографии, вот еще одна птица...

В небе надо мной кричала чайка. Запахло водорослями. Я стоял на скале под ослепительными лучами солнца. У моих ног плескалось море.

Но здесь был кто-то еще. Кто-то шевельнулся совсем рядом. Я повернул голову и увидел его. Он стоял за мольбертом у самой воды. Зауберманн.

На нем был длинный до пят халат и островерхая шапка с какими-то странными знаками. В его взгляде, устремленном на шхеры, была магнетическая сила. Как будто он глазами раскалывал пейзаж на части.

Вот он набрал кистью краску и положил ее на холст. Снова закричала чайка. На этот раз она кричала уже с холста.

Я подошел поближе. Интересно, что за краски у него на палитре? Кобальт, индиго, сепия, умбра, слоновая кость... Но все они были более темных тонов, чем требовал пейзаж. Что же он пишет? Во всяком случае, не игру солнечных бликов на воде. На холсте был ночной пейзаж.

Он писал обломки корабля, залитые лунным светом. Маленькое судно разбилось о морскую скалу. Над обломками светила круглая луна, бежали облака.

Я сказал или, может, только подумал:

«Разве можно писать лунный пейзаж при солнечном свете?»

«Где солнечный свет?» — Он обернулся ко мне.

Выступающая вперед нижняя губа изогнулась в улыбке, концы бровей еще больше поднялись вверх. Неожиданно он показал кистью на небо:

«Смотрите!»

Я поднял глаза — темное ночное небо, яркая луна.

Я сказал или, может, только подумал:

«Но ведь только что было солнце?»

Зауберманн повел кистью в воздухе, как будто писал белый диск луны:

«У луны, молодой человек, множество тайн. Не забывайте об этом!»

Я рывком сел в кровати, газета, над которой я уснул, с шелестом упала на пол.

— Луна! — воскликнул я.

— Что у тебя там? — Лайла зашевелилась, не открывая глаз.

Я сидел глядя в пространство, сон еще стоял у меня перед глазами.

— Интересно, можно ли писать при лунном свете?

Лайла осторожно прикоснулась к моему плечу:

— Тебе что-то приснилось, Эгиль? Ложись. Надо выспаться. Ты слишком переутомляешься.

Бедная Лайла! Она считает, что я готов угробить себя на работе, и даже не подозревает, до чего я ленив на самом деле. Она видит только, что я всегда спешу, и не понимает, что я просто «людырничая быстрее», чем остальные.

Сна у меня как не бывало.

— Пожалуйста, собери мне утром вещи. Я еду в Вестланн. В Холмевог.

Она погладила меня по щеке.

— В Вестланн?— Лайла всегда знала, что я ненормальный, привыкла к этому и смирилась. — И что же ты там будешь делать?

— Хочу кое-что выяснить.

— А что именно?

Я снова лег и на этот раз погасил свет.

Она склонилась надо мной в темноте. Наконец-то в ней проявилось любопытство:

— Что ты собираешься там выяснять?

— Тайны луны... — пробормотал я и провалился в тот мир, откуда бодрствующие не получают ответа.

Наверное, это звучит дико, но иногда сон подсказывает человеку, что ему делать. Сны могут изменять действительность, и даже довольно часто, это факт. Между прочим, история Норвегии началась со сна, приснившегося королеве Рагнхильд, — она оторвала колпачку от своего платья¹. И сон этот определил мировую культуру.

Александр Великий несколько месяцев безуспешно осаждал город Тир, он совсем пал духом и уже хотел отказаться от своих намерений. Но тут ему приснился сатир, который танцевал на его щите. Александр призвал к себе толкователя снов Аристандра. И Аристандр растолковал его сон, разделив слово «сатир» на две части — Са и Тир, что по-гречески означало Твой Тир. Александр не снял осаду, он завоевал город, продолжил свой поход и основал эллинскую империю.

Таких амбиций после моего сна у меня не возникло, но он не давал мне покоя. Я все время думал о художнике и о солнечном свете, вдруг превратившемся в лунный. И хоть Лайла без конца сокрушенно качала головой, но ра-

¹См.: Снорри Стурлусон. «Круг земной». М., 1980, с. 40—41.

но утром мои вещи были уже собраны. Я не отказался от своего решения, хотя истолковать свой сон был не в состоянии. А может, именно поэтому? У меня был свой Тир, и мне предстояло его взять.

Утром в редакции я, чувствуя себя целеустремленным Александром Малым, составил план похода. С главным редактором я договорился очень быстро. Конечно, он нашел мой план бредовым, но раньше уже случалось, что мои сумасбродные идеи давали неплохой журналистский результат. Покачав головой, шеф уступил любопытству и одобрил мою поездку.

В дверь постучали, это был Атле Скотдланд. Утром я позвонил ему и попросил прийти в редакцию с вещами — возможно, нам придется совершить небольшое путешествие. И тем не менее я удивился, увидев его с чемоданом.

Я сказал ему, что хочу поехать в Холмевог, чтобы раскрыть тайну кораблекрушения «Арго». Моя газета тоже заинтересовалась этим делом. Не составит ли он мне компанию?

Мне пришлось его уговаривать. Он долго ерзал на стуле. Ему больше улыбалось вернуться домой и распаковать вещи. Он не бывал в Холмевоге с тех пор, как там довели до смерти его отца.

— Но ведь, раскрыв это дело, мы реабилитируем вашего отца.

— Каким образом?— Он оторвал глаза от пола.

— Снимем с него обвинение в некомпетентности. Помогите мне. Ведь вы там все знаете, и окрестности, и людей.

Его широкоскулое лицо все еще выражало недоверие: какой мне резон добиваться оправдания человека, которого я не знал, лодмана, отстраненного от работы и уже давно умершего? Что мною движет?

Я выложил карты на стол. Рассказал, что пережил вчера и какой мне приснился сон. Объяснил, что обладаю одним даром — умением задавать вопросы. Потому и стал журналистом. В Холмевоге я намерен задавать вопросы, пока не получу ответа. За одни сутки эта загадка трижды коснулась меня при дневном свете и один раз во сне. И не дает мне покоя.

В каждом моряке живет Одиссей. И он охотно поддержит любого, если поймет, что тем движет не рассудочный практицизм, а честная и безумная любовь к приключениям.

Глаза у Скотдланда широко раскрылись и наконец встретились с моими. На замкнутом лице появилось подобие улыбки.

— Я еду с вами!

— Прекрасно! Поезд идет через сорок пять минут.

Я заказал срочный разговор с пансионом в Холмевоге. Потом встал и протянул ему руку.

— Давай перейдем на «ты». Меня зовут Эгиль.

— Атле.— Он протянул мне огромную ладонь — я как будто пожал лапу белому медведю.

*

Целый день мы ехали в поезде и любовались в окно суровым прибрежным ландшафтом Вестланна. До Холмевога было уже близко.

Я заставил Скоддланда рассказать о себе, о Холмевоге и его жителях. В этом романе было много мрачных глав. Рассказ Скоддланда объяснил мне то, что сперва вызвало мое удивление: он совершенно избавился от своего вестланнского диалекта. Ему было неприятно говорить на языке, на котором говорят в аду.

Я долго не переводил разговор на гибель «Арго». Мне хотелось, чтобы мы сначала получше узнали друг друга, тогда он более откровенно и доверительно рассказал бы мне о своих самых тяжелых переживаниях. Мы были уже почти у цели своей поездки, когда я наконец попросил его объяснить мне, что же случилось в ту роковую ночь.

Он начал рисовать карту. Она лежала на столике между нами, он показывал, где что находилось, и по мере своего рассказа пририсовывал некоторые детали.

— К юго-востоку от Холмевога есть опасная мертвая зона, туда свет маяка не попадает, его заслоняет вот этот остров.— Он заштриховал мертвую зону на своей карте.— Мы с отцом поднялись на борт вот здесь, за полосой тумана.— Карандаш переместился в точку ниже волнистой линии.— Полоса тумана тянулась до самого берега севернее маяка.

— Мертвая зона?— перебил я.— Неужели в нашей морской державе они еще встречаются?

— Нет, теперь их почти не осталось... Даже в Холмевоге. Но тогда, в сорок шестом, там был еще старый маяк. Я внимательно изучал нарисованную им карту.

— Корабельный компас показывал курс прямо на север? Ты так сказал?

— Да. С запада шла большая волна, и отец понимал, что нас будет сносить на восток. Через некоторое время он увидел огни маяка прямо по курсу, то есть на севере, и определил, что судно находится примерно здесь.— Скоддланд обозначил точку А к югу от маяка.— Отец отдал рулевому приказ изменить курс на 30 градусов на запад, чтобы миновать вот эти подводные скалы.— Каран-

даш показал на рисунке несколько наклонных штришков западнее острова Хёгхолмен.— А в действительности судно находилось в мертвой зоне, примерно вот здесь.— Он обозначил точку Б в заштрихованном поле и провел две пунктирные линии к точкам А и Б.— Из-за огня маяка, которые мы видели на севере, отец считал, что мы прошли путь, который соответствует левой пунктирной линии. А оказалось, мы шли по правой.

Я представил себе трагедию, о которой говорили эти пунктиры, линии и углы, трагедию, выраженную сухим языком геометрии.

— И взяв 30 градусов на запад, вы пошли прямо на...

— Да, на Хёгхолмен.

Я снова глянул на чертеж. Он был такой понятный. Но в нем таилась загадка, уже пятнадцать лет остававшаяся нерешенной. Должно же быть какое-то решение этой геометрической задачи.

— А рулевой мог не заметить огня маяка?— спросил я.

— Вполне возможно. Его дело следить за компасом.

— А впередсмотрящий на баке? Он-то должен был их видеть?

Скоддланд помедлил с ответом. Покосился на угловое место у двери. Там сидел наш единственный попутчик, пожилой человек, севший в поезд полчаса назад. Он, по-видимому, дремал, сложив руки на животе. Но я перехватил его взгляд, который он бросил на наш чертеж, лежавший на столике. У него были тяжелые, грубые черты лица и большие, оттопыренные уши.

Скоддланд продолжал, заметно понизив голос:

— Впередсмотрящий... Кволе... У него-то, во всяком случае, была причина свидетельствовать в морском суде против отца. После этого кораблекрушения он остался инвалидом.

— Но он видел огни маяка?— спросил я.— Он должен был три раза ударить в сигнальный колокол.

Скоддланд пожал плечами.

— Нет, этого он не сделал,— сказал он и прибавил шепотом:— Отец считал, что против него был заговор.

Наш попутчик взял свой чемодан и нетвердым шагом вышел в коридор. Скоддланд внимательно поглядел ему вслед.

— Что-то он мне знаком... Ага, это из молельного дома!— Он горько усмехнулся.— Подслушал, о чем мы говорили. Теперь все их змеиное гнездо будет знать, зачем мы сюда приехали!

В купе заглянул кондуктор:

— Следующая Холмевог!

Городок лежал на северной стороне широкой горловины фьорда, прижавшись спиной к горе, чтобы укрыться хотя бы от самого злого из всех четырех ветров.

Он лежал на границе, где природа западной части Сёрланна уступает место суровой природе Вестланна. Скалистые островки на юге выглядели еще относительно дружелюбно. Но на севере грозно вставали неприступные горные стены. А характер города часто определяется не тем, на что он смотрит, но тем, что находится у него за спиной.

Пансион расположился высоко на склоне. Пыхтя, мы поднимались к нему со своими чемоданами. Брусчатка ходила ходуном у нас под ногами, склон был очень крутой.

Я никогда не был в Холмевоге, и с первой минуты он поразил меня своим негостеприимством. Здесь не было хороших веселых домиков, прячущихся за палисадниками, как в прибрежных городках Сёрланна. Дома выстроились на склоне строгими рядами, однообразные, как гробы. У стены дома на веревке качалась одинокая белая рубашка. Почему-то она напомнила мне о похоронах.

Было только десять вечера, но почти во всех окнах, выходящих на улицу, свет был уже погашен, здесь ложились рано. В дверях какого-то дома появилась женщина и внимательно оглядела нас: что еще за ночные гости? Круглое, бледное лицо ее медленно поворачивалось за нами по мере того, как мы проходили мимо. Словно за нами следил луч прожектора.

Мне пришлось поставить чемодан на землю и перевести дух:

— Далеко еще? Эта улица...

— ...задумана как испытание.— Скоддланд недобро усмехнулся.— Жизненный путь и не должен быть легким! — Чем они все тут занимаются?

— Сельдью, религией и политикой.— Он сплюнул.— И время от времени экспортируют того или другого пророка...

Пансион занимал большой желтый дом с множеством окон. Но и здесь тоже почти все они были темные. Свет горел лишь на первом этаже. Было похоже, что в пансионе сейчас никто не жил, мы приехали в мертвый сезон. Впрочем, еще неизвестно, приезжают ли в Холмевог люди в разгар сезона. Разве что судьба занесет какого-нибудь коммивояжера.

Хозяйка встретила нас в прихожей, мы представились. Ее звали Фрекен Фюре.

— Добро пожаловать! Ваши комнаты готовы,— сказала она, но в ее голосе не слышалось гостеприимства, он звучал холодно и сдержанно. Создавалось впечатление, что постояльцы ее тяготят. Я заметил, что при виде Скотдланда в ее глазах мелькнула настороженность. Может, она его узнала? Почему же, когда мы с ней познакомились, она сделала вид, что видит его впервые? Обменявшись с нами рукопожатием, она спросила, долго ли мы намерены прожить у нее — пансион закрывался на зиму. Я ответил, что не больше недели.

Фрекен Фюре было сорок лет, в молодости она, должно быть, была очень красива. Но теперь весь ее облик носил черты ранней старости и увядания. В уголках рта лежали горькие складки, плечи и шея были напряжены, как будто прямая и гордая осанка давалась ей с трудом. Она куталась в большую шерстяную шаль, которая, очевидно, плохо грела ее, — она стояла, обхватив плечи руками, и ей явно было холодно.

— Сюда, пожалуйста,— она взяла оба мои чемодана и пошла по коридору впереди нас.

Комнаты наши были рядом, они соединялись дверью. Безликие, стерильно чистые, казалось, что даже мебель и лампы пахнут мылом.

Хозяйка ушла, Скотдланд смотрел на закрывшуюся за ней дверь. Лицо его выражало сострадание — редкое для него выражение.

— Бедняжка, какой она стала солидной!

— Ты ее знал?

— Не близко.— Он сунул руки в карманы и подошел к окну.— Она была видная девушка. О ней ходили всякие сплетни, красота и веселый нрав не могут остаться безнаказанными... Вот она и стала теперь солидной.

— А что про нее сплетничали?

Нет, видно, я все-таки плохо умел задавать вопросы. Скотдланд скривил лицо и снова замкнулся.

— Не помню, я тогда был мальчишкой. А отец всегда говорил, что лучше слушать ветер и чайк, чем сплетни...

Я подошел к окну. Отсюда хорошо был виден и город и море. Но длинный, спускавшийся к воде склон без всех этих крыш был бы гораздо красивее. Между островками серебрилась вода. Луна уже взошла, до полнолуния оставалось два дня.

— Как тебе свидание с родным городом, Атле?

— Как был дерьмом, так и остался!— сказал он от души, не поворачиваясь ко мне.

Я присел на стол рядом с ним.

— Что это был за заговор против твоего отца, о котором ты сказал в поезде?..

— Компания хотела получить страховку.— Мысленно он был далеко отсюда. Глаза его, не отрываясь, смотрели куда-то в море.

— Вот как?.. Понятно. И как же они хотели это сделать?

— Отец считал, что огни, которые мы видели, были посланы ложным маяком. Что его устроили на одном из островков нарочно для этой цели.

— Чтобы ввести в заблуждение лощмана?

— Да. И разбить судно.— Скоддланд неожиданно отвернулся от окна, словно силой заставил себя оторваться от этого зрелища.

— «Арго» был застрахован на большую сумму?

Он кивнул.

— Говорили, что на большую. Отец был убежден, что капитан Хогне, во всяком случае, был посвящен в это дело...

Послышался какой-то шорох. В коридоре возле нашей двери скрипнула половица.

— Тсс!— Я приложил палец к губам, осторожно подкрался к двери и распахнул ее.

За дверью стояла фрекен Фюре. Нимало не изменившись в лице, она решительно вошла в комнату.

— Я хотела только поменять полотенца,— сказала она.

Она сняла два полотенца, висевшие возле умывальника, которые, кстати, были совершенно чистые, и выплыла из комнаты, еще выше подняв голову над своей шалью.

Мы со Скоддландом переглянулись. Он шумно втянул в себя воздух.

— Холмевог!— произнес он так, что я не понял, то ли он горько вздохнул, то ли крепко выругался.

*

Не помню, что мне приснилось той ночью, забыл, как только проснулся. Но весь день что-то смутно теплилось во мне. И без конца всплывал в памяти один образ, бессмысленный и раздражающий. Луна.

Полдень уже миновал. Наша моторка подпрыгивала на волнах. Несколько часов мы кружили по морю, теперь мы следовали тем же курсом, которым в ту ночь шел «Арго». У нас за спиной на руле сидел владелец лодки, местный

рыбак. Разговаривать с ним было все равно что говорить с морскими камнями.

В нескольких километрах к северо-западу на одном из островков виднелась какая-то башня.

— Холмевогский маяк, — показал мне Скоддланд.

С восточной стороны и гораздо ближе к нам из воды торчал скалистый островок. Указательный палец Скоддланда повернулся в его сторону.

— А это Хёгхолмен.

— Значит, мы сейчас войдем в мертвую зону? — спросил я.

— Вот-вот. Только теперь это уже не мертвая зона — маяк сделали выше... Вон смотри!

Маяк скрылся за гористыми очертаниями островка, но его свет был виден и над вершинами скал.

Скоддланд крикнул рулевому, чтобы он взял курс на Хёгхолмен. Рыбак повернул руль. Переместив табачную жвачку за другую щеку, он наблюдал за нами загадочным, как морское дно, взглядом.

Островок представлял собой удивительную горную формацию — геологический каприз Норвегии. Мы приблизились к гладкой вертикальной стене поразительно правильных очертаний. Она была похожа на колоссальный гранитный орган.

— Давай послушаем прибор! — И Скоддланд крикнул, обернувшись к рулевому: — Выключи на минутку мотор!

Над нами кричали крачки, их крики предупреждали об опасности — они боялись за свои гнезда. Грохот прибора звучал злоеще. Волна за волной обрушивались на отполированный водой камень и втягивались обратно, как будто пела огромная флейта. Скала служила мощным резонатором. В море играл орган.

— Вот здесь мы и разбились! — Скоддланд был весь мокрый от брызг, его снова обдало волной. — Ближе лучше не подходить!

Мы отошли от Хёгхолмена и взяли курс на маяк. Вечерело, на небе появилась бледная луна. Она напомнила мне, почему я оказался в этих местах. Толчком к моей поездке послужил сон.

— Послушай, Атле, — я наклонился к нему, я проверил по календарю, в ту ночь тоже было полнолуние. Может, то, что вы приняли за огни маяка, была просто луна? Ведь сквозь туман она могла показаться красной?

Скоддланд надменно улыбнулся:

— Чтобы лоцман спутал луну с маяком? К тому же луна не мигает!

— Ты прав!— Мне стало стыдно. Я задал глупый вопрос, недостойный журналиста, считавшего себя знатоком морского дела.

И тем не менее... Обычно я всегда склоняюсь перед логичными и разумными аргументами. А ответ Скоддланда был и разумный и логичный. Но, как ни странно, он меня не убедил.

Мотор смолк, и лодка подошла к причалу. Мы пристали по моей просьбе, мне хотелось поговорить со смотрителем маяка.

Сразу Скоддланд никак не прореагировал на мою просьбу, но тут он коротко бросил:

— Я подожду тебя в лодке.

— Почему? Тебе не интересно поговорить с ним?

— Нет.— Верхняя губа у него горько дернулась.— Свонес недолюбливал отца. И в суде давал показания против него. Я тебя подожду.

Он сидел на корме, а рыбак, стоя на носу, придерживал лодку. Я уперся рукой в столбик причала, готовясь спрыгнуть на берег. И вдруг мне захотелось вытянуть хоть слово из этого морского волка.

Я тихо спросил:

— Вы что-нибудь знаете о Сиверте Скоддланде, он когда-то был лоцманом в этих краях?

Рыбак бросил взгляд на корму — конечно, он узнал сына лоцмана. Жвачка переместилась за другую щеку, он сплонул в воду коричневую слюну. И наконец откуда-то из глубины поднялся его голос. Глухой, но зловещий, как шум прибоя:

— Пьяница!

*

Смотритель маяка Свонес принял меня гостеприимно. Он читал мои статьи в «Шёфартсбладет», слушал мои программы по радио и, конечно, решил, что я приехал, чтобы написать о его маяке. Он не имел ничего против.

Это был сухонький шестидесятилетний старичок, весьма жизнерадостный и самонадеянный, однако я быстро понял, что за этой самонадеянностью прячется неуверенность в себе.

Мы стояли на башне маяка возле проблесковой лампы. Смотритель только что подробно объяснил мне, как действует механизм.

— Я вижу, у вас современное оборудование!— воскликнул я.— Старый маяк был, наверное, более примитивный?

— Как сказать...— Он пожал плечами.— Да нет, не думаю. Маяк был снабжен хорошей проблесковой лампой, скорость вращения четырнадцать секунд. Ртутные поплавки...

— Ртутные поплавки Бурделя, те, что сменили старые вращающиеся катки?— уточнил я. Всегда полезно показать, что ты разбираешься в предмете разговора.

— Вот-вот.— Он кивком подтвердил мои слова.— Я вижу, вы все знаете... Конечно, старый маяк был маловат.— Смотритель бросил взгляд на берег, и в этом взгляде была укоризна, адресованная местным властям.— Впрочем, маяк был вполне надежен,— значительно прибавил он.

— Если не считать, что у него была мертвая зона?— невинно заметил я.

Он сразу насторожился. Глаза у него сузились. Что этот приезжий хочет тут разнюхать? Я продолжал:

— А скажите, можно допустить, что в ту ночь, когда разбился «Арго», на одном из островков был оборудован ложный маяк?

От его гостеприимства не осталось и следа.

— Конечно нет! Ни один опытный моряк ни с чем не спутает огней маяка. Тем более лоцман!— Смотритель защищался, словно его в чем-то обвиняли.

— Значит, огни маяка нельзя спутать, например... с лунной?— невольно вырвалось у меня, я сам не ожидал этого и был готов откусить себе язык.

— С лунной?— Смотритель даже глаза закатил от такой наивности.— Сиверт Скоддланд утверждал, что видел огни на севере. А как вам известно, в северном полушарии луну на севере не увидишь!

Я несомненно упал в его глазах. С высоты маяка — прямо в воду.

— Да, верно.— Я по-настоящему смутился.— Простите меня за такой глупый вопрос.

— Вот если бы вы сказали «звезды», другое дело,— он злобно усмехнулся.— Звездочки Сиверт Скоддланд видел сквозь любой туман. И одну звездочку, и целых три!

Почему смотритель вдруг сделался таким агрессивным? А ведь он что-то скрывает! Что-то не дает ему покоя! Неужели его мучит совесть?

— За что и потерял свои лоцманские права? Вы хотите сказать, что он пил даже на службе?— без обиняков спросил я.

— Если человек пьяница, то он пьет везде!— огрызнулся смотритель.

Мы спустились по крутой винтовой лестнице. Смотритель проводил меня до мостков.

— За год перед тем у нас тут было точно такое же кораблекрушение,— сказал он.— В тысяча девятьсот сорок пятом. Шхуна «Геба», три тысячи тонн, разбилась почти в том же месте, что и «Арго»

— И тоже был туман?

— Да. И «Геба» шла через полосу тумана без лоцмана. Потому что Скоддланд не явился на судно, хотя и был предупрежден.

— Почему же он не явился?

— Гулял на свадьбе. Вино да танцы!— Казалось, смотритель видит перед собой эту картину. И она возмущала его до глубины души.— Правда, говорили, будто он уехал со свадьбы в повозке, дабы выполнить свой долг, и, мол, только несчастный случай помешал ему вовремя попасть на «Гебу». Но у этого несчастного случая одно имя— пьянство!

— Неправда! Отец никогда не пил во время службы!— Голос Скоддланда перекрыл шум мотора. Рыбак перестал жевать табак и замер с жвачкой во рту, прислушиваясь к нашему разговору.

— Просто наши трезвенники и ханжи не могли ему простить, что он не желал иметь с ними дела.— Скоддланд в ярости ударил ногой о днище лодки.

Я хорошо понял его движение.

— И они объявили его неисправимым пьяницей?

— Лишив работы, им удалось сделать из него пьяницу. Вот тогда-то он и начал пить...

Морская прогулка закончилась, она оказалась весьма интересной. Мы со Скоддландом поднимались от пристани в город. С правой стороны улицы выделялось большое серое здание с островерхим порталом в центре фасада. Над порталом висела вывеска, сделанная высокими строгими буквами: ИОСАФАТ.

На крыльце дома стояли два человека в широких черных пальто. Они проводили нас глазами, и я еще долго чувствовал спиной их взгляды.

Впрочем, из молельного дома нас провожали не только взгляды. К осенним вестланнским небесам летел пса-

лом. Грех говорить, но мне он напомнил скрежет пилы в дровяном сарае. И пила эта с завидным упорством пилила необъятное бревно земных грехов:

Грех и горе — близкие слова,
ходят вместе, не тая родства.
Грех нас отделяет от Творца,
оттого болят у нас сердца,
и в груди родится тяжкий вздох,
если терпит поражение Бог.

— Слушай, я забыл, что там в Библии говорится про Иосафат?— спросил я.

— Неужели не помнишь?— Скоддланд не напрасно провел детство в Холмевоге.— Иосафат — это долина, в которой Господь должен покарать язычников. За грехи против избранного им народа. Иосафат означает — Бог судит.

До нас донесся второй куплет псалма.

— А знаешь, кто там поет?— спросил он.— Правление коммуны.

— Неужели?— Это для меня было неожиданностью.

— Здесь вся власть в руках молельного дома. Как-то раз в правление нашей коммуны случайно попал один эстланец. Но его очень быстро вытурили оттуда!— Скоддланд поддал ногой камешек, чтобы показать, с какой быстротой эстланец вылетел из правления.

— Эстланн для них олицетворяет Грех, понимаешь? Это шлюхи, танцы, карты, вино, пьянство и риксмол. Нельзя допускать Эстланн в правление коммуной Иосафата!

Внизу, у нас за спиной, звучал уже четвертый куплет псалма:

Грешник я и сознаю вполне,
что недаром горе близко мне;
гнев и радость спорят меж собой,
радость часто смешана с тоской...

И два язычника на каменистом склоне невольно потупили головы.

*

Тем же вечером я сидел и беседовал с нашей хозяйкой в ее гостиной. Просто-напросто постучал и вошел к ней. Мне хотелось обратить ее внимание на то, что не худо бы получше топить в наших комнатах — постояльцам неприятно сознавать, что их удобства совершенно не интересу-

ют хозяев. Но, главное, я надеялся выудить из нее какие-нибудь дополнительные сведения.

Мы немного поболтали о всякой всячине, и сдержанность фрекен Фюре постепенно растаяла. Однако стоило мне осторожно коснуться темы «Арго», как она нервно вскочила со своего места:

— Нет! Я не хочу впутываться в эту историю! К тому же я ничего не помню, прошло столько времени...

Гостиной были присущи те же пуританские черты беспрестанного мытья и уборки, что и комнатам для гостей. Обстановка была самая обычная. И вдруг я увидел один предмет, который странно выделялся среди традиционных плюшевых кресел, вышитых подушечек и семейных фотографий в рамках красного дерева. Это была картина. Я не сразу заметил ее, потому что она висела в дальнем углу и была частично загорожена ширмой, закрывавшей печь. Я подошел поближе, чтобы разглядеть ее.

В раме под стеклом висел рисунок тушью, изображавший умирающую морскую птицу, судя по узору на крыле и темным полоскам на горле и зобе, это была гагара чернозобая. Она качалась на волнах, раскинув крылья, одно уже скрылось под водой, клюв был задран вверх, в глазах бился страх смерти. Из огнестрельной раны на плече в воду стекала кровь.

Это было нечто большее, чем просто натуралистический рисунок художника-анималиста,— он был сделан в манере старинных японских рисунков тушью, которые на языке образов, почерпнутых у природы, говорили о тайнах бытия. Картина изображала неотвратимую гибель грешной души и сопровождалась названием, сделанным также тушью с сильным наклоном влево: «Море возьмет ее». Кто нарисовал эту картину, я догадался раньше, чем увидел подпись художника: Зауберманн, 1946.

Мой явный интерес к картине встревожил фрекен Фюре. Она нервно ходила по комнате у меня за спиной.

— Это мне подарил сам художник,— объяснила она.

— Вы были знакомы с Зауберманном?— Я повернулся к ней.

Она помолчала. И повторила тот жест, который я заметил у нее по приезде: обхватила себя за плечи, как будто ей было холодно.

— Да... Я некоторое время работала у него... Была экономкой,— сухо сказала она, я видел, что она говорит через силу.

— Он жил в Холмевеге?

Лицо у нее дрогнуло, она подошла к окну и открыла его. Я последовал за ней. Она показала на островок среди шхер.

— Вон там... Его у нас называют Художников остров. Видите, там еще стоит дом.

В лунном свете я различил очертания дома. И вдруг с удивлением подумал, что Скотдланд ни разу не упомянул о Зауберманне, хотя рассказывал мне о многих жителях Холмевога. А ведь такой художник в маленьком городке не мог не быть экзотической фигурой.

— А сейчас там кто-нибудь живет?

Она передернула плечами и вернулась в глубь комнаты, я — тоже.

— Нет. С тех пор как он умер, дом стоит пустой.

— С сорок шестого года? Столько лет?.. Разве у него не было наследников?

Теперь она стояла уже в противоположном конце комнаты, мне показалось, что она старается держаться от меня как можно дальше. Она взяла в руки метелочку из перьев для смахивания пыли.

— Наследники приехали вскоре после похорон и увезли все, что представляло собой какую-то ценность. — Фрекен Фюре озабоченно провела метелочкой по статуэткам — сколько пыли в этом грешном мире!

Она выразительно посмотрела на меня, продолжая смахивать пыль.

— А потом уже никто не хотел там жить.

Я вспомнил эпизод, случившийся вечером, когда мы возвращались с пристани. Нам перебежала дорогу черная кошка, и Скотдланд быстро трижды плюнул ей вслед. Моя жена не ошиблась, говоря, что моряки суеверны. Уж не из суеверия ли он не показал мне Художников остров, когда мы кружили по морю на моторке? И ни разу не упомянул о Зауберманне? Если дом покойника стоит пустой, на то есть причины.

Я спросил как бы между прочим:

— От чего умер Зауберманн?

Метелка прошла по стеклу рисунка, изображавшего морскую птицу.

— Он утонул. — Фрекен Фюре кивнула в сторону окна. — Там, возле острова.

— Это случилось вскоре после того, как разбился «Арго»?

— Да, кажется. — Ее глаза выискивали новую пыль — какой умысел в моих вопросах? — А вообще-то не помню. Прошло уже столько лет.

Хватит ее мучить. Я пошел было к двери, но остановился. У меня перед глазами возникла абсурдная картина.

- Он писал при лунном свете?
— Что?— Метелочка опустила, фрекен Фюре наморщила лоб.— Как это? Я не понимаю...
— Нет, нет, неважно... Спасибо за кофе, фрекен Фюре!

*

Ночью мне опять приснился сон. Очень короткий, и я его хорошо запомнил. Может, из-за того, что он так странно оборвался.

Я стоял в большой темной комнате, освещенной лишь лунным светом, падавшим из окна. Мне было очень важно увидеть, что происходит за окном. Но для этого нужно было открыть окно, через стекло я не мог разобрать, что это там прыгает, это было что-то светлое. Но что именно? Я уже хотел отодвинуть задвижку, но тут у меня за спиной послышался шорох.

Я быстро обернулся. Из угла вдоль стены что-то метнулось, как может метнуться только крыса. Но это было похоже на плащ или на какую-то другую черную одежду, которая вдруг ожила. Оно кинулось на меня, и я почувствовал сильный удар в лоб. Я тут же проснулся.

Мне было не столько страшно, сколько досадно, потому что во сне я так и не успел открыть окно. Надо было разглядеть, что же там прыгало, чтобы понять, почему это имело для меня такое большое значение... Однако через минуту мне стало страшно, и не на шутку.

Я лежал в темноте и вспоминал этот сон. Он казался таким живым, таким реальным, что у меня даже болел лоб после этого удара. Я невольно провел рукой по лбу. Тут же я зажег свет и с испугом уставился на свою руку.

Она была в крови.

Я спрыгнул с кровати и кинулся к зеркалу в ванной. Слева на лбу у меня была свежая ссадина, она еще кровоточила. Сердце бешено заколотилось. Меня охватил страх.

Увидев на полу какой-то белый предмет, я поднял его. Это был камень величиной с яйцо, завернутый в бумагу. Должно быть, он и угодил мне в лоб.

Я развернул бумагу. На ней большими печатными буквами было написано:

УЕЗЖАЙ ДОМОЙ!

А внизу мелкими буквами была сделана приписка:

«Ты не узнаешь, в который час найду на тебя».

Окно у меня было открыто. Комната находилась на первом этаже. Я вынул из чемодана карманный фонарик и подошел к окну. От земли до окна было не более полтора метров. Бросивший камень целился мне в голову и не промахнулся. Я направил лучи фонарика на землю под окном. Но на твердом гравии не осталось никаких следов.

Я разбудил Скоддланда. Его ночью никто не навестил — он имел обыкновение спать с закрытым окном. В двух словах я рассказал ему, что случилось, и показал камень с запиской.

— Я ждал чего-нибудь в этом роде. — Он сидел на кровати и разглядывал смятую записку. — Нас хотят напугать, чтобы мы уехали.

— Не рановато ли они начали, как по-твоему? — Виски, булькающая, полилось в стаканы для зубных щеток. После случившегося мне захотелось выпить.

— Слухи в Холмевоге распространяются со скоростью звука, весь город уже знает, для чего мы сюда приехали. И кто-то заинтересован в том, чтобы наше расследование не удалось.

Он откинул голову, вылил в себя виски и протянул стакан за новой порцией. Мой камешек произвел впечатление и на него.

— Нет никаких сомнений, что пятнадцать лет назад здесь произошло преступление. — У Скоддланда на скулах задвигались желваки. — И срок действия закона еще не истек, закон будет в силе еще пять лет.

Я взял записку.

— Каким странным стилем написана эта угроза. Похоже на цитату откуда-то: «Ты не узнаешь, в который час найду на тебя»...

— Типичный эстланец! — Скоддланд засмеялся над моим врожденным язычеством. — Совсем не знаешь Писания! Ведь это из Откровения!

Меня это мало утешило. Сейчас мне было не до Писания.

Вскоре я снова лежал в постели и вспоминал свой сон. Это нечто, бросившееся ко мне и ударившее меня по лбу, было, несомненно, вызвано чем-то реальным... Известно, что человек во сне мгновенно реагирует на любое физическое воздействие. Это даже удивительно. Помню, в учебнике психологии я читал о человеке, который проснулся от удара по шее — что-то упало ему на шею со спинки кровати. За это время он успел увидеть во сне целый роман из эпохи Французской революции — его от-

правили на гильотину и на шею ему опустился топор, отчего он и проснулся.

Чем-то подобным был вызван и мой сон, но этим он не ограничивался. Я должен был увидеть что-то за окном. Что-то светлое, прыгающее.

В ту ночь мне было уже не до снов. Я спал плохо. С зажженной лампой и закрытым окном.

*

Мы завтракали в столовой. Я обратил внимание, что завтрак сегодня был более обильный, чем накануне,— мой вчерашний визит к хозяйке сыграл свою роль. Во всяком случае, фрекен Фюре стала намного приветливей. Она то и дело подходила к нам, предлагая то кофе, то сливки.

Мы не заслужили такой чрезмерной любезности. Скоддланд наблюдал за ней с затаенной усмешкой, я знал, что он думает. Я и сам думал примерно то же: любопытство, имя твое Холмевог!

Но мы не могли оправдать ее надежд. Нас самих мучило любопытство.

— Ты мне еще ничего не рассказал о Зауберманне,— заметил я.— Что ты о нем знаешь?

— Ничего.— Скоддланд раздавил в рюмке яичную скорлупу.— Жил уединенно на своем острове, и все.

— Уединенно? Но он все-таки держал экономку, фрекен Фюре?

Скоддланд бросил на меня удивленный взгляд:

— Значит, она рассказала тебе об этом? Да, верно. Но вообще-то он не имел никаких дел с местными жителями.

Фрекен Фюре снова подошла к нам: не хотим ли мы съесть еще по яйцу. Мы не отказались. Я сказал Скоддланду:

— Можешь достать на вечер моторку, но только без водителя? Мне хочется вечером сплавать на Художников остров.

— Почему обязательно вечером?— Это явно пришлось ему не по душе.

— Потому что сегодня полнолуние,— объяснил я.

Он не нашел в этом логики. Я, впрочем, тоже.

— Полнолуние? Что ты имеешь в виду?

Я не имел в виду ничего определенного и переменял тему разговора:

— Кого мне посетить здесь, чтобы расспросить об «Арго»?

Он ненадолго задумался.

— Двое из тех, кто в ту ночь был на палубе, живут в Холмевоге. Это капитан Хогне и впередсмотрящий Кволе.— Скоддланд не пытался скрыть свою к ним неприязнь.

— А еще кого?

Нам принесли яйца. Скоддланд не ответил, пока не убедился, что фрекен Фюре находится за пределами слышимости.

— Отец не признавал никого в этом змеином гнезде. Он общался только с фру Хьос, вдовой штурмана, мы все звали ее тетей Моллой. У нее найдется что рассказать.

— Прекрасно!— Я допил кофе.— Пожалуй, я начну с Кволе и обойду всех по порядку. Объясни только, как их найти. А сам ты тем временем позаботься о лодке.

Он как будто хотел возразить мне, но промолчал.

— Все будет в порядке.

*

В сарае стоял приятный запах. Морской воздух беспрепятственно проникал в открытую дверь и смешивался здесь с запахом дерева, инструментов, смолы и лака. На козлах вверх дном лежала небольшая плоскодонка. Кволе ее ремонтировал. Он продолжал работать во время нашего разговора и только два раза поднял на меня глаза. Как и смотритель маяка, он говорил на звонком местном диалекте, но я даже не буду пытаться передать его вам.

Кволе показал на свое бедро:

— После того кораблекрушения мне больше нечего было делать в море. Вот и утешаюсь починкой лодок на берегу.

Он сильно приволакивал ногу, и я отметил в голосе у него горькие нотки. Но в остальном он был невозмутим и равнодушен.

— Может, вам неприятно, что я говорю об этой истории?— спросил я.

— Да нет, отчего ж.— Его внимание было поглощено планкой, которую он подгонял на место сгнившей. Очевидно, судьба лодки интересовала его больше, чем собственная.

Я вытащил чертеж, который мне сделал Скоддланд в двух проекциях, и положил его на выпуклое дно лодки.

— Простите, что я вам мешаю... Этот чертеж показывает, в каком месте палубы вы находились в ту минуту, когда лоцман видел огни маяка.— Я показал на чертеж.— Вот вид сверху. Рулевой и лоцман с учеником стояли в

центре мостика в точке С. Капитан стоял у правого борта в точке В, а вы — впереди на баке в точке А. Правильно?

Он бросил беглый взгляд на чертеж и кивнул:

— Все так.

— И вы не видели никаких огней?

— Нет! — Он подкрепил свои слова ударом топора по планке.

— Кажется, есть такое явление, которое называется «дыра в тумане»?

Подгоняя планку, он встал на одно колено.

— Да, такое случается.

— Можно ли этим явлением объяснить, что лоцман с учеником видели то, чего не видели вы с капитаном?

— Как же это так? — Лодка по-прежнему занимала его больше, чем все остальное.

— Пожалуйста, посмотрите сюда. — Я опять показал на чертеж. — Капитан, как уже говорилось, стоял у правого борта. Чертеж справа — это вид сбоку. Вы находились на баке, впереди, на три или четыре метра ниже капитанского мостика...

Он сразу понял мою мысль и покачал головой.

— Нет, таких маленьких «дыр в тумане» не бывает. Если бы впереди были видны огни, я бы их заметил. И рулевой тоже...

— В тумане рулевой ведет корабль только по компасу, — перебил я его.

— Нет! — Он отщипнул от планки щепку. — Нет, так быть не может.

Я убрал чертеж в карман.

— Какой он был, старый Скотдланд?

— Сиверт был очень гордый. — Топор в последний раз прошелся по планке. Кволе огляделся в поисках наждачной бумаги, нашел ее и сказал глухим голосом: — А у нас в Холмевоге лучше не быть слишком гордым.

— Гордым? А в чем это выражалось?

— Ну, например, в ту ночь, когда мы потерпели кораблекрушение, входить в полосу тумана было чистым безумием. Но Сиверт заупрямился...

Наждачная бумага снимала с планки небольшие неровности. Кволе сдувал пыль и тер дальше. Планка должна была быть совершенно гладкой.

— Он был очень упрямый... А после того случая с «Гейбой»... — Кволе на мгновение поднял глаза. — Вы, небось, слышали?

— Кое-что. — Я кивнул.

— То кораблекрушение сильно подействовало на Скотдланда, и теперь он хотел показать всем свое искус-

ство.— Новое облачко пыли поднялось в воздух.— Это было безумие, чистое безумие...

— Кволе!— Я еще раз заставил его оторвать глаза от работы.— Сами-то вы верите, что он был пьян?

— От тщеславия, но не от алкоголя!— Он произнес это не раздумывая.— В той катастрофе виновато только его профессиональное тщеславие.

И наждачная бумага вновь заходила по дереву. Я собрался было уйти, но тут вспомнил еще об одной вещи.

— А вы не помните, была ли в ту ночь луна?

— Луна?— Он задумался.— Конечно, ведь было полнолуние. Мы видели луну до того, как вошли в полосу тумана.

— А потом она скрылась?

— Естественно. А почему вы о ней спрашиваете?

— Потому что меня вообще интересует лунный свет,— ответил я.— Не стану вам больше мешать.

*

Я бывал у многих капитанов, живущих в прибрежных городах, и не знаю ничего лучше настоящей капитанской гостиной, стены которой украшены раритетами, собранными за всю жизнь на море. Но гостиная капитана Хогне была совсем не такая. Там не было ни кораблей в бутылках, ни кожаных барабанов из Аргентины, не было больших раковин или чучела спрута, подзорной трубы или старого секстанта. Стены у него были украшены выгоревшими репродукциями из религиозных рождественских журналов. Кроме того, там была толстая Библия, напечатанная еще готическим шрифтом, и в рамке под стеклом висела вышивка, сделанная золотом: «Господь — мой пастырь».

Капитан был уже на пенсии, он держался с большим достоинством, волосы у него были седые, облик и походка еще носили следы его старой благородной профессии. Он сохранил остатки прежней выправки — выправки человека, который властно и уверенно идет по шаткой палубе жизни. Но, к сожалению, он многое утратил, сойдя на берег, на этот берег. Его показная набожность производила отталкивающее впечатление.

— Я предупреждал Сиверта Скоттланда, чтобы он не входил в полосу тумана, но ему хотелось рискнуть, он проявил высокомерие!— Хогне с удовольствием смаковал эти слова, блаженно потирая пальцы.— А кто ожесточает сердце свое, тот попадает в беду, сказано в Писании.

Мне было трудно скрывать свою неприязнь, но у меня была непреодолимая потребность пробиться через его собственную полосу тумана.

— Капитан Хогне, на следствии вы заявили, что Сиверт Скоддланд находился под воздействием алкоголя, это правда?

— Я только намекнул о такой возможности, — мягко поправил он.

— Но как же вы могли доверить вести свое судно человеку, внушающему, пусть даже самое пустяковое, подозрение, что он нетрезвый?

— У меня не было таких подозрений. — Капитан улыбнулся апостольской улыбкой. — Я всегда думаю только самое лучшее о своих собратях.

Человек с таким лицом не бросил бы первого камня. Ну, а второй?

Мне не хотелось отступить:

— У вас были какие-то основания предполагать, что он находился под воздействием алкоголя? Он что, нетвердо держался на ногах?

Улыбка не сошла с лица капитана, но теперь она стала более надменной:

— При сильной волне это можно сказать о любом.

Я не позволил сбить себя с толку:

— А как Скоддланд выглядел, когда поднялся на борт?

— Должен вам сказать, что было очень темно. — Хогне прищурился, словно вглядывался в свои воспоминания. — Да, очень темно.

— Значит, по его виду вы ничего не заметили?

Вместо ответа капитан встал, подошел к шкафу и достал оттуда пустую бутылку из-под можжевелевой водки. Этикетка выглядела старой, водка была хорошей голландской марки. Эта бутылка была ответом на мой вопрос, он держал ее передо мной с многозначительной миной.

— Видите эту бутылку? — Капитан дал мне проникнуться зрелищем Левиафана, потом показал на окно. — Однажды ночью Сиверт Скоддланд швырнул мне в окно эту бутылку во время одной из своих попок! Этот человек был безнадежный язычник. Спаси, Господи, его душу!

Я тоже поднялся.

— Но ведь он это сделал уже после того, как его лишили лоцманских прав. Верно?

Капитан был поглощен разглядыванием затейливой этикетки, на ней было написано — Скидам. Что-то в его руке, державшей бутылку, подсказало мне, что для нее это привычный предмет.

— Вам не кажется, что Скоддланд был несправедливо осужден из-за ваших показаний, капитан Хогне?

В ответ капитан постучал по этикетке:

— Он спился и умер, и виновата в этом голландская можжевельовка,— в голосе капитана вдруг зазвучали кремневые нотки.— Так ему и надо!

Вот оно — самое непростительное. Смертный грех Сиверта Скотдланда перед небесами и Холмевом. Не то, что он спился, а что употреблял столь оригинальный напиток.

Капитан патетически поднял бутылку:

— Но Бог сокрушит голову врагов своих, волосатое темя закоснелого в своих беззакониях!

Я невольно провел рукой по голове, волосы у меня всегда были густые. И тут же понял, почему я это сделал. По ассоциации со словом «темя». Лысый череп мы обычно называем «луной».

— Кажется, вы сказали, что было темно, когда лоцман поднялся к вам на борт, капитан Хогне?

— Совершенно верно, была кромешная тьма.— Бутылка вернулась в шкаф, она исполнила свою роль вещественного доказательства.

— Но ведь за пределами полосы тумана стояла ясная погода и было полнолуние?

Наконец я прижал его! Набожная маска слетела с него в одну минуту, глаза забегали:

— Я... я... Этого я не помню...

Бегающие глазки обнаружили спасительную соломинку в кармане жилета. Он извлек массивные золотые часы.

— Молодой человек, вам пора. А я должен идти на собрание в «Иосафат».— И он утешил меня улыбкой.— Так называется наш молебельный дом. Добро пожаловать на наши вечерние собрания...

*

Фру Хьос, вдова штурмана, оказалась приятным исключением в этом городе. Но она была не из местных. Мягкие согласные в ее речи выдали уроженку одного из маленьких городков Сёрланна с игривыми домиками в уютных палисадниках. Такой же садик был у нее и в Холмеве, единственный, который я пока здесь видел.

Мы сидели в беседке, скрывавшей нас от полуденного солнца. Разговор, мягко говоря, был оживленный — фру Хьос строчила как из пулемета. Эта милая старая дама обнаружила почти циничное отношение к действительности и была не лишена чувства юмора. Она могла говорить

о чем угодно с таким лицом, словно речь шла о фруктовых деревьях.

Свободомыслие фру Хьос подкреплялось колодой карт, которую она держала в руках, а ведь греховность карт могла соперничать в этом городе только с можжевельной водкой. Пока мы беседовали, она «заглянула» в мою судьбу, раскинув карты тут же на садовом столике. Потому что, как она сказала, незнакомого человека она всегда проверяет по картам.

Она положила трефы на бубны.

— Это правда, капитан и лоцман ненавидели друг друга.— В ее устах эти слова прозвучали даже весело.

— И отношения между смотрителем маяка и лоцманом тоже были далеко не дружеские?— спросил я, но ответа так и не дождался — ее внимание привлекли карты.

— Я вижу, вы женаты...

— Не скрою.— Я с улыбкой показал обручальное кольцо.

Волосы у нее были седые, но вились энергичными локонами. Она тряхнула головой.

— Сиверт был веселый. А веселый человек в Холмевоге может вызвать только гнев.

Звезда из карт понемногу росла. В просвет между листьями я видел шхеры.

— Вы хорошо знали Сиверта Скоддланда, фру Хьос?

— Зовите меня тетей Моллой!.. Да, он дружил с можжевельной водкой и со мной.— Что-то было не в порядке с бубновой дамой.— Ваша жена светловолосая и полная?

— Нет, она стройная и темноволосая.

— Правильно, теперь вижу... у вас будет ребенок.

— Совершенно верно... Скоддланд говорил вам что-нибудь о своих подозрениях относительно мошенничества со страховкой?

Она показала картой на шхеры.

— В последнее время Сиверт часто плавал на острова. Сходил там на берег.

— Искал следы ложного маяка?

— Да.— Она кивнула на устье фьорда.— Говорят, он до сих пор ходит там по ночам... Но его призрак является только людям с нечистой совестью.

— Вы суеверны, тетя Молла?

— Нет, но мне было бы страшно оказаться на Художниковом острове после заката.

Она даже вздрогнула, чтобы показать, как ей было бы страшно.

— Вы знали Зауберманна?

— Художника? Он был сумасшедший.

Это было сказано твердо, она просто констатировала факт, точно так же она сказала бы: «Он был из Флеккефьорда».

— Абсолютно сумасшедший.— И она весело подкрепила свою мысль таким аргументом:— Понимаете, ему очень хотелось написать себя в виде плавающего утопленника. Ради этого сюжета он и утонул. Представляете себе? Но писать в этом состоянии оказалось невозможно!— Тетя Молла таинственно улыбнулась.— Он немного не рассчитал, понимаете?

— Он покончил с собой?— спросил я, не совсем полагаясь на «достоверность свидетельских показаний», как говорят на языке юриспруденции.

— Нет, его просто убили.— Она как будто хотела успокоить меня и тут же радостно показала на карты.— Ваш ребенок родится в феврале!

— А разве не в марте?— Я вытаращил глаза.

Седые локоны энергично затряслись.

— Я думаю, вы тоже просчитались!

— Так вы говорите, его убили?— Поистине наш разговор принимал самые неожиданные обороты!

— Да, именно так.— Она почесала нос валиетом.— Сиверт считал, что художника убили, потому что ему было известно о «заговоре». Должно быть, он знал, что произошло той ночью, когда разбился «Арго».

От всех этих сведений и неожиданных оборотов, которые вдруг принимал наш разговор, у меня голова пошла кругом. Мне было трудно соединить все нити — не интересно, а какой-то запутанный клубок.

— Скажите, а фрекен Фюре, что держит пансион, кажется, она была экономкой Зауберманна?

— Экономкой?— воскликнула тетя Молла, подняв глаза к небесам,— она апеллировала к чувству юмора Господа Бога.— Да, кое-кто так это называет.— Король пик был твердо положен на даму червей.— Она бегала по острову нагишом, как кошка, взбесившаяся в полнолуние.

— Взбесившаяся в полнолуние?— Напоминание о луне заставило меня вздрогнуть.

— Вот-вот! Прости, Господи, мой язык!

— Напрасно, тетя Молла, благослови, Господи, ваш язык! Спасибо за беседу!

Я встал совершенно очарованный ею, хотя и изрядно сбитый с толку. Она пожала мне руку:

— Поздравляю вас, молодой человек!..

Уже у калитки я узнал, с чем именно она меня поздравляла. Она крикнула мне вслед:

— У вас будет мальчик!

И она не ошиблась.

*

Все эти дни я почти непрерывно задавал вопросы. Что же я выяснил, беседуя со всеми этими людьми? С точки зрения журналиста результат был весьма жалкий — я набрал достаточно материала для статьи, его не хватило бы даже на короткую заметку. Правда, я приехал в Холмевог не по служебным делам. Однако любой журналист предпочитает, чтобы собранные им материалы можно было использовать, даже если он собирает их не из профессиональных побуждений.

Какую-то подоплеку в этом деле я все-таки уловил. Подоплеку, которую можно объяснить трагедией норвежских будней. Старая, грустная история столкновения одиночки с толпой. Но сама тайна произошедшего казалась мне еще более загадочной, чем раньше. Я уже не знал, какие еще можно задать вопросы — рациональные средства были исчерпаны. Может, прибегнуть к иррациональным? Ведь отправила меня сюда не газета, а мой собственный сон?

Оставались еще двое, с кем мне хотелось бы потолковать. Один — гористый великан, другой — покойный художник.

Сначала я решил навестить великана, который, высаясь над местными жителями, повелевал ими. Может, он поможет мне понять, что тут случилось, ведь это он сделал Холмевог таким.

Я поднялся на гору, к которой город притулился спиной. На это ушло три часа, и по дороге у меня не раз кружилась голова. Но я не жалел о затеянной прогулке, потому что там, наверху, встретился с этим великаном. На своих синих плечах он нес сотни седых голов, самые дальние терялись в небесах. Я никогда не думал, что он так величествен.

Да, я люблю эту землю, но не слишком ли здесь много простора ветрам?¹

Я смотрел на север и думал: норвежцы в своей стране — все равно что вши в шевелюре великана. По воскресеньям этот народ морализирует, а по пятницам пьет. Это

¹Парафраза начальной строки норвежского национального гимна.

народ жалобщиков и юродивых, хвастунов и лодырей. Он подмигивает вечности, а собственная жизнь уходит у него между пальцами. Он ловит звезды, но его не хватает даже на то, чтобы собирать бруснику.

О Норвегия, что ты сделала с нами? Мы не в состоянии ничего совершить. Мы начали с «Эдды», а кончили «Трангвикспостен»¹. Мы высекали руны на островах в море, но в конце концов так запутались в собственном языке, что теперь не можем правильно написать даже свою фамилию. В воскресенье мы открыли Америку, а в понедельник уже забыли об этом. Что такое Винланд, Маркланд и Хеллуланд?² Верно, какая-нибудь мелочь, вроде старых подошв, которые нашел Аскеладден, но даже не потрудился взять с собой в королевский дворец... Что ты сделала с нами, Норвегия?

Нет, ты не виновата, что мы не можем равняться с тобой. Ты не виновата, запугав нас до того, что мы превратились в карликов. Испепелив нас. Солнце не виновато, что мы не можем смотреть на него.

Далеко-далеко на севере синева скрывала Гейрангер-фьорд. Я был там один раз. Миля за милей тянется этот фьорд между отвесными, уходящими в небо горными стенами. В том краю фьорд — это улица. Один раз я был там. Неожиданно Бог дохнул между ущельями, и над бездной повисли две радуги, сразу две, одна в другой! Гейрангер-фьорд — самая норвежская часть Норвегии, непостижимо прекрасная и непостижимо пустынная.

Одна мысль о Гейрангер-фьорде может заставить норвежца в ужасе закрыть глаза и вскрикнуть. И он тут же сядет на теплоход и уйдет, безумец, куда-нибудь к черту на кулички.

Я обратил свой взгляд на запад, к Атлантическому океану. Да, это единственное, на что мы способны: уйти в море. Прочь, прочь от этих страшных каменных нагромождений! Достаточно пять минут полюбоваться норвежской природой, чтобы понять, почему наш торговый флот насчитывает тринадцать миллионов тонн водоизмещения и занимает по величине третье место в мире. Норвежец хорошо чувствует себя в море, потому что оно — нечто противоположное Норвегии, то есть самое плоское место, какое имеется на земле!

¹ «Старшая Эдда» — древнеисландский сборник мифологических и героических песен. «Трангвикспостен» — газетная пародия на провинциальную журналистику, издавал И. Хильдич в 1900—1907 гг.

² Древнескандинавские названия открытых викингами в X—XI вв. Америки, восточного побережья Лабрадора и, по-видимому, Баффиновой земли.

Среди каменных глыб послышался крик птицы, протяжный и безутешный. Ты права, ржанка, нет ничего прекраснее и страшнее, чем наш Вестланн.

Потому-то здесь, в Вестланне, и началась наша морская сага — началась с массового бегства. Отсюда уплыл Флоки Вильгердарсон, давший имя Исландии. За ним последовали все исландские первопоселенцы — Ингольв Арнарсон со товарищи. Здесь, в Вестланне, сели они на свои корабли, обуреваемые тягой к скитаниям, их гнали отсюда горные обвалы и преследовали радуги, висящие над ущельями...

Хёвдинги уплыли. А простые люди остались, те, что были достаточно мелки, чтобы жить в шевелюре великана. И в тени гор они творили неписаную конституцию Норвегии — кто на голову выше нас, должен расстаться с головой!

Я повернулся на юг: Холмевог. Скопище точек у подножия великана. Кое-кто тогда все-таки остался. Их потомки построили «Иосафат» и убили Сиверта Скоддланда...

Да, я люблю эту землю, иначе я бы на нее не сердился. К тому же меня заразила ненависть, которую мой новый друг, моряк с нелегким детством, испытывал к своему родному городу. А главное, здесь, наверху, мной овладело самодовольство, свойственное только норвежцам. Теперь мне хотелось поскорее спуститься, поесть и завалиться спать.

*

Лодка на хорошей скорости шла к Художникову острову, энергично тарыхтел мотор. Скоддланд сидел на руле и внимательно смотрел вперед, видимость была не очень хорошая. Погода стояла ясная, светила луна, но над самой водой лежала пелена тумана, и с каждой минутой она становилась все плотней.

Я взглянул на часы — половина одиннадцатого. Мы выехали поздно, прошло всего полтора часа, как я вернулся после моего похода в горы. Скоддланд хотел отложить поездку на завтра, считая, что я устал после такой прогулки. Да, устал, но именно поэтому я настоял на своем. Я был как пьяный от усталости и от того, что плохо спал ночью. Тело у меня ныло после карабканья по скалам, голову покалывало от накатывающей волнами сонливости. Но я как будто сам искал этого состояния. Поэтому и настоял на выполнении нашего плана: мне непременно нужно было сегодня ночью попасть на Художников остров!

Над пеленой тумана высокой, вытянутой дугой встал остров, вверху виднелся серый фронтон дома. Вскоре мы обошли остров с юга, и дом повернулся к нам боком. В лунном свете обозначилось большое, темное, как морская бездна, окно. Стены словно покосились от ветра, водостоки кое-где оторвались и висели вдоль стен. Мне редко случалось видеть столь заброшенное жилище.

С тех пор как мы сели в лодку, Скоддланд не произнес почти ни слова, но его молчание было выразительней всяких слов — он тяжело сторбился от отвращения к моему мероприятию. При виде пустынного дома он вздрогнул. Так же вздрогнула и тетя Молла: «Мне было бы страшно оказаться на Художниковом острове после заката!» Я поднял глаза на мертвый дом и понял их обоих. Однако самого себя я понимал все меньше и меньше.

Мы обогнули мыс и вошли в небольшой заливчик, где некогда был причал. Там мы пришвартовали лодку к гнилой свае, я спрыгнул на берег и достал из лодки два рюкзака со спальными принадлежностями. Скоддланд наконец позволил себе выразить свое неудовольствие:

— Не понимаю, зачем тебе понадобилось ночевать здесь?

— Хочу отдохнуть от пансиона. С тех пор как в меня стали бросать по ночам камни, у меня началась бессонница.

Ничего разумного в моем объяснении не было. Просто мне очень захотелось переночевать здесь.

Мы поднялись на пригорок и вышли на узкую, заросшую тропинку. Дверь оказалась упрямой и открылась с трудом, скрип ржавых петель был похож на предостерегающий крик крачек. Я зажег карманный фонарик.

Мы прошли через прихожую и оказались в большой комнате, которая, по-видимому, служила художнику ателье, за дверью стояли остатки мольберта. Внутри было относительно светло, в большое окно, выходявшее на юг, было видно море, небо и безупречный диск луны. Мне показалось, что я уловил даже слабый запах масляных красок и скипидара. Но вообще-то воздух здесь был сырой, как в пещере. Стены и потолок были покрыты большими пятнами плесени, обои от сырости вздулись и висели клочьями.

Скоддланд посветил вокруг карманным фонариком и сказал:

— Ну и мерзость!

За полчаса мы осмотрели весь дом. Все было в удручающем состоянии. Лучи наших фонариков скользили по заплесневелым стенам и гнилым половицам. Наследники Зауберманна действительно увезли отсюда все, имевшее хоть малейшую ценность, мы обнаружили лишь обломки старой мебели. В одной комнате стоял колченогий стол и два стула. В другой — остатки шкафа, затянутые паутиной, и старый диван с проржавевшими пружинами, выглядывавшими из-под рваной обивки. Конечно, здесь никто не хотел жить.

Мы приготовились ночевать в ателье. Скоддланд набрал веток и расчленил один из стульев. Открытый чугунный камин проржавел насквозь, но тяга была хорошая, и вскоре ножки стула уже весело пылали. Мы зажгли привезенную с собой керосиновую лампу. Потом прикрыли сгнивший пол сухим мхом и разложили свои спальные мешки. Особого уюта не получилось, но стало все-таки терпимо.

Я стер пыль с большого окна. Туман над водой стал гуще, но над его пеленой отчетливо виднелись многочисленные островки. Один из них отличался своей необычной формой. Каменный орган, вставший из моря.

— Отсюда хорошо виден Хёгхолмен, — заметил я.

— Да, — буркнул Скоддланд из своего темного угла. Моего попутчика явно больше интересовал огонь в камине, чем вид из окна.

— Если Зауберманн стоял у этого окна в ночь кораблекрушения, как думаешь, что он видел?

— Думаю, что немного, в таком-то тумане.

Я подумал, что глаза у всех разные.

— Зауберманна называли ясновидцем моря, — сказал я.

— А вот слышать-то он, конечно, слышал. — Скоддланд встал и подошел ко мне. — Слышимость в тумане гораздо лучше.

Я поднял глаза на небо:

— И все-таки главную роль в этой истории сыграла луна!

Нынче ночью луна была совершенно круглая. Там, наверху, воздух был такой прозрачный, что на белом диске были видны все линии. Я увидел даже лучи, исходящие из кратера Тихо, происхождение которых астрономы так и не могут объяснить.

Отставшая половица тревожно скрипнула у Скоддланда под ногой.

— Почему тебя так занимает луна?

— Не знаю. Но я чувствую, что ответ на эту загадку связан с ней.

Как это сказал мне художник в моем первом сне? «У луны много тайн». Я приблизился к одной из них.

— Эгиль, давай ложиться!— Скотдланд напомнил мне, что я сегодня устал.

Конечно, устал, безумно устал. Прогулка к великану отняла у меня много сил. И наверное, помutilа разум. У меня действительно все плыло перед глазами. Но состояние было даже приятное.

— Как думаешь, Атле, на луне можно помешаться?

— Да, если пялиться на нее, как ты!— Он взял меня за плечо.

— Ты знаешь, как «помешательство» по-английски?

Моряки хорошо знают английский, и он ответил без запинки:

— Lunacy.

— Оно происходит от имени богини ночного света Луны,— объяснил я.

— Хватит нагонять на меня жуть!— Он топнул ногой, и гнилая половица с треском сломалась.

Это вернуло меня к действительности. Я взглянул на него и не мог удержаться от смеха. У него было то же выражение лица, с каким он плюнул вслед черной кошке.

Нельзя безнаказанно смеяться над страхом своих собратьев. Кара последовала незамедлительно. Дом издал громкий, человеческий вопль, и смех застрял у меня в горле.

Несколько секунд мы вслушивались в тишину. Теперь был его черед смеяться:

— Ты что, никогда не слышал, как кричит сова?

— Но мне показалось, что кричали в доме,— смущенно пробормотал я.

— Значит, совы проникли сюда через трубу.— Скотдланд взял свой фонарик.— Здесь есть еще один камин и несколько отдушин. Давай посмотрим?

Мы снова обошли весь дом. Сову мы не нашли, должно быть, она сидела на крыше. Зато мы нашли нечто другое, чего не искали. Этого не обнаружили и наследники, пятнадцать лет назад забравшие из дома только вещи.

В первый раз мы невнимательно осмотрели платяной шкаф, во всяком случае, нам не пришлось в голову посмотреть, что лежит на нем сверху. Совершенно случайно я направил на шкаф луч фонарика и увидел там что-то покрытое толстым слоем пыли. Я поднялся на цыпочки и стянул со шкафа рулон бумаги. В комнате поднялась настоящая пыльная буря. Я развернул рулон, а Скотдланд осветил его фонариком.

Это был карандашный набросок судна, разбившегося о высокую скалистую стену в шхерах.

— Смотри!— Ручища Скоддланда показала на буквы, написанные на обломке штевня.— Видишь, тут написано «Геба»! Так называлось судно, на которое отец не успел приехать за год до гибели «Арго»!

Меня привлекло не столько название судна, сколько сам сюжет.

— Странно, Атле. Я видел уже три картины этого Зауберманна. И на всех он изображал то, что вот-вот будет поглощено морем...

И опять послышался какой-то звук. На сей раз это была уже не сова.

Сперва что-то громко и протяжно скрипнуло, словно неохотно поддалась упрямая дверь. Потом раздалось несколько глухих ударов, будто кто-то постучал кулаком в стену.

Лучи наших фонариков перекрестились в дверном проеме.

— Это в ателье!— крикнул я.

Мы побежали обратно. В ателье никого не было. В прихожей— тоже.

Я осветил фонариком входную дверь.

— Что же это могло быть?

— Тсс!

Что-то показалось Скоддланду подозрительным. Мы затихли и прислушались. Но не услышали ничего, кроме потрескивания огня в камине.

И вдруг тишина взорвалась оглушительным звоном.

Он был такой громкий и такой короткий, что мы не поверили собственным ушам. Мы стояли ошеломленные и смотрели друг на друга: был звон или нет? Но очевидно, все-таки был, потому что весь пол был усеян осколками стекла.

Сперва мы со Скоддландом стояли спиной к окну. Теперь повернулись, точно по команде, и увидели, что оно разбито. Сквозь большое звездообразное отверстие на нас смотрело осеннее небо. По полу еще прыгали осколки.

Лучи наших фонариков заплясали по пригорку. Там все было неподвижно. Лишь на западе равномерно мигал маяк.

Наконец мы увидели предмет, которым было разбито окно. Он валялся посреди комнаты. Он тоже был из стекла, но более крепкого, чем оконное, и выдержал этот удар. На полу лежала бутылка из-под можжевелевой водки.

Я поднял ее и сразу узнал этикетку — Скидам, точно такую же бутылку мне показывал капитан Хогне. Так назывался благородный, немного горьковатый напиток, убивший отца Атле. Бутылка была пустая.

Белый как мел Скоддланд смотрел на бутылку. Кулаки у него сжались.

— Скорей! — Он скинул оцепенение. — Этот подлец не уйдет от меня!

Он бросился к двери, я — за ним. Дверь не открывалась. С наружной стороны в скобу был вставлен железный болт.

Мы разбежались, чтобы общими усилиями высадить дверь. Но она была дубовая, а болт и скоба — железные. Сломать дверь нам не удалось. Дом был построен на совесть, он противостоял морю и был еще способен противостоять людям.

Сперва мы растерялись, но тут же бросились в ателье к окну. И снова остановились: пролезть в дыру было невозможно, она была обрамлена острыми стеклянными пиками. Как открывается окно, мы понять не могли. Скоддланд бросился в соседнюю комнату, там на окне была обычная задвижка.

По тропинке мы помчались к причалу. Я, ни о чем не думая, бежал за Скоддландом и старался не отставать от него. В нем не осталось ничего от провинциальной норвежской неторопливости. Он сбросил ее с себя, точно одежду. Ярость преобразила его. Он несся вниз с ловкостью хищного зверя.

Задыхаясь, мы стояли на берегу заливчика и глядели в густой туман.

— Слышишь? — Его пальцы клещами впились в мое плечо.

В тумане слышались удары весел.

Скоддланд весь подобрался, готовый к борьбе. Спина у него выгнулась, как перед прыжком, руки повисли вдоль туловища, кулаки-кувалды сжимались и разжимались. И в глазах появился блеск, свойственный самым отважным жителям Вестланна — мореходам Исландии. Взгляд его горел жадной кровной мести.

Там, в тумане, греб его враг. Тот, который убил его отца и разбил его жизнь, сам Холмевог поднимал и опускал там весла. Наконец-то это невидимое зло будет достигнуто — мотор быстрее любых весел! Наконец-то враг получит возмездие!

Скоддланд перемахнул через перила мостков и схватился за пусковую ручку.

— Атле! — крикнул я. — Остановись! В таком тумане...

— Ничего! — Он повернул ручку, но не раздалось ни звука. Мотор был мертв.

Скоддланд поднял крышку ящика, в котором стоял мотор, и осветил туда фонариком. И взвыл от ярости. Это был настоящий волчий вой.

— Что случилось?

— Этот мерзавец уже побывал здесь и обрезал провода зажигания!— Скотдланд сразу смекнул, в чем дело.

— Это можно починить?

Он снова взглянул на мотор:

— Да, но на это уйдет несколько минут.

Я светил фонариком, пока он ножом зачищал медные проводки и соединял концы. Они были перерезаны во многих местах.

До сих пор я был заражен его охотничьим азартом, но теперь почувствовал, как меня одолевает усталость. Спасительная усталость. К чему спешить?

Мотор завелся только через четверть часа. К тому времени удары весел уже давно затихли вдали. Скотдланд выключил мотор и поглядел на меня. Теперь передо мной был уже не хищник и не мрачный Скарпхедин¹, а просто усталый лодочный мастер.

— Нет, уже не догнать...— Он с мольбой посмотрел на меня.— Может, вернемся ночевать в пансион?

Я уже поднялся из лодки на причал.

— Поезжай один, а утром вернешься за мной... Я останусь. Мне хочется увидеть здесь рассвет.

— Теперь тебе понадобится и солнце?— съязвил он.

Но он уже успокоился и пошел за мной по тропинке к дому.

Мы справедливо рассудили, что из-за дыры в стекле ночью в ателье будет холодно. Мой спутник отправился по дому в поисках топлива. Доломал остатки стула и дивана. Я видел, что эта работа действовала на него благотворно.

Наконец он остановился, злобно глядя на притаившийся в углу мольберт. Потом стал решительно ломать его о колено и бросать в огонь.

— Варвар!— заметил я, но тепло доставило удовольствие нам обоим.

Я лежал в спальном мешке и думал: даже когда талант художника погас, он еще может согреть людей своим мольбертом. Забавная мысль!

Я расположился так, чтобы лежать лицом к окну. Тело покалывало от усталости. Но мне хотелось еще раз поглядеть на это звездообразное отверстие, пробитое в стекле бутылкой... Глупо делать окна из стекла. Если бы оно было из воды, от такого удара осталось бы всего несколько кругов... Но ведь оно и было сделано из воды, я ясно видел, как по подоконнику расходятся круги... Прекрасная

¹ Герой одной из исландских саг— «Саги о Ньяле».

мысль, господин стекольщик! Или правильнее сказать «водящик»?..

В небе надо мной кричала чайка. Я стоял на скале, залитой лунным светом, и смотрел, как по воде от брошенного камня расходятся круги. Вот упал еще один камень, потом еще, круги росли и сливались с предыдущими.

Неподалеку от меня, почти у кромки воды, стоял за мольбертом Зауберманн. На нем была островерхая шапка с какими-то знаками. Эти знаки были сложены из камней. Той же рукой, в которой он держал кисть, художник отрывал камень за камнем. Отрывал и бросал в море. И когда камень, булькнув, уходил в воду, художник делал очередной мазок.

Он писал круги на воде.

Вот он оторвал и бросил очередной камень. Потом обернулся ко мне:

«Море возьмет их!»

Я сказал или, может, только подумал:

«Как красиво лунный свет блестит на волнах!»

Брови сатира поднялись вверх, нижняя челюсть выпятилась еще больше:

«Лунный свет? Молодой человек, лунного света в природе не существует!»

Я сказал или, может, только подумал:

«Как же не существует?»

Он показал кистью на небо:

«Смотрите!— И протер рукой лунный диск, словно хотел очистить его.— Луна — это зеркало!»

Я изо всех сил пытался освободиться. Кто-то связал меня. Мне нужно было срочно освободиться!

Проклятый спальный мешок! Я так и не выбрался из него, встал прямо в нем и запрыгал к окну, словно состязался в беге в мешках.

Скоддланд испуганно сел в своем углу у камина.

— Господи, это еще что?

— Луна — это зеркало!— крикнул я.

Он быстро вылез из мешка и подошел ко мне:

— Что ты сказал?

— Я говорю, что луна — это зеркало! Невероятно, правда?— Он не возражал.— Мне это только что приснилось... А вчера во сне кто-то не давал мне открыть окно, чтобы я не разглядел, что там на земле прыгает!..

Взгляд Скоддланда красноречиво объяснил мне, что он не сомневается в моем помешательстве.

Он заговорил со мной тихо, спокойно и даже с уважением к моему безумию, совсем как Санчо Панса с Дон Кихотом:

— Ложись спать, Эгиль! Ты просто очень устал!

Но сон с меня как рукой сняло:

— Эврика! Вот где разгадка!.. Атле, видишь это углубление?

Я показал ему на косое углубление, как будто пропарпанное ножом поперек подоконника.

— Конечно, вижу. И что с того?

— Знаешь, как открывается это окно?

Окно открывалось, поворачиваясь на вертикальной оси, проходящей посередине. Я откинул крючок с левой стороны, толкнул окно наружу, и оно повернулось. Я оставил его в том положении, которое было отмечено углублением в подоконнике, и выглянул.

Сверху на меня лился лунный свет, лучи кратера Тихо. Астрономы не знают, что это такое.

Да, я победил. Вернее, за меня победил сон. Са-Тир, Александр, город твой!

Я закрыл окно и сказал:

— Можем ехать обратно.

— Прямо сейчас?— Кажется, он начал понимать меня.

— Да, сейчас.

— Но ты, по-моему, хотел увидеть здесь рассвет?

— Я уже видел его,— сказал я.

Набросок разбившейся «Гебы» я взял с собой. И я не чувствовал никаких угрызений совести. Это был ничейный дом, вещи здесь стали опять частицей природы, вроде гранита и камнеломки. Это было все равно что унести с берега ракушку.

*

В пансион мы вернулись уже в третьем часу. На первом этаже светились два окна.

— Наша хозяйка еще не спит.— Я показал на окна.— Зайдем, поговорим с ней?

Скоддланд с удивлением уставился на меня:

— Так поздно?— В Холмевоге это явно было не принято.— О чем ты хочешь поговорить с ней в такое время?

Я скинул рюкзак на пол.

— Хочу пожаловаться, что в этом городе плохо обращаются с приезжими.

Я постучал в дверь гостиной. Мне пришлось постучать еще раз, прежде чем она открылась. Щелка была узкая, но тем не менее я увидел, что хозяйка одета.

— Простите, фрекен Фюре. Я знаю, уже очень поздно, но не разрешите ли вы на минутку заглянуть к вам?

Скорбное лицо стало еще более скорбным, а дверная щель — еще уже.

— В чем дело?

— Речь идет о жизни и смерти, — сказал я.

Мой ответ так смутил ее, что она без долгих слов впустила нас в гостиную. Я сел в кресло. Скоддланд остался стоять у дверей, намереваясь улизнуть при первой возможности.

На столе лежала раскрытая книга, это была Библия. Измученное, грустное лицо фрекен Фюре свидетельствовало о том, что в этот поздний час она нуждается в утешении. Она стояла посреди гостиной, обхватив себя руками за плечи, и зябко вздрагивала. Она явно нервничала, так как я медлил и не объяснял, что мне понадобилось от нее в столь поздний час. Она сказала, словно ее ночное бдение требовало оправдания:

— Я тут читала. У меня бессонница.

Я смахнул с плеча соринку.

— Разве морская прогулка на веслах не помогает против бессонницы?

Она вздрогнула, глаза у нее округлились:

— Я... Я вас не понимаю.

Да, пятнадцать лет назад она была настоящей красавицей. Скоддланд сказал, что когда-то она была «видной девушкой». И теперь, от страха, она снова стала почти красивой. Страх способен оживить любое лицо.

Я показал на раскрытую Библию:

— Ну и как, вы нашли новое изречение, которым могли бы бросить в меня, когда я лягу спать... Впрочем, в этом нет необходимости, утром мы уезжаем.

Скоддланд не спускал с нее глаз. Сперва он смотрел на нее с нескрываемым удивлением. Потом на скулах у него заходили опасные желваки. Но они тут же пропали.

Фрекен Фюре покрылась смертельной бледностью. Я был беспощаден.

— Если вы намерены и впредь бомбардировать по ночам своих постояльцев, фрекен Фюре, запаситесь мелкими камешками и позаботьтесь, чтобы окна на ночь оставались открытыми. Хватит одной бутылки и одного разбитого окна.

Я как будто подбил ее дулетом. Она упала на стул. Видно, ей хотелось что-то сказать, но губы у нее дрожали, она была не в состоянии произнести ни слова.

Я наклонился над ней:

— Вы разбили окно, чтобы мы не догадались, что им пользовались как зеркалом, открывая под определенным углом по отношению к маяку? Верно?

Больше она не могла сдерживаться. Она уронила руки на стол и спрятала в них лицо. Плечи у нее вздрагивали от безудержных рыданий.

— Я любила его... — проговорила она сквозь слезы. — Пятнадцать лет я скрывала это, потому что любила его!

Я снова про себя отметил, что Скотдланд ничего не сказал мне об этом. Он не мог не знать о ее отношениях с Зауберманном. Но отец научил его презирать сплетни маленького городка. Может, поэтому он и скрыл от меня все, что имело отношение к Художникову острову? Чтобы защитить ее, в том числе и от меня?

— Что же именно вы скрывали, фрекен Фюре? — как можно мягче спросил я.

Она приподняла голову и оглядела комнату пустыми глазами.

— Он хотел писать только то, что разбито и взято морем. Он... — Голос изменил ей.

Мне захотелось помочь ей, я кивнул на картину, висевшую на стене — «Море возьмет ее».

— И поэтому он сам создавал себе сюжеты, верно? Птицу, которую подстрелил на море, корабль, который заманил на скалы?

— Я это поняла не сразу. Но потом... — Она снова закрыла лицо руками. — Наверное, он был душевнобольной!..

Гагара на картине была настолько живая, что было слышно, как она кричит, ударяясь о скалу. Конечно, он был сумасшедший. Потому и мог так хорошо изображать Норвегию.

Мы со Скотдландом тихонько вышли. В гостинной он не проронил ни слова, но его молчание было красноречивее всех слов. На пороге он обернулся и посмотрел на вздрагивающие плечи фрекен Фюре. И опять у него на лице мелькнуло сострадание, которое я видел у него по приезде сюда. Она, как и он, потерпела поражение в войне с провинциальным норвежским городком. Она была его сестрой по несчастью.

Ему бы ненавидеть ее, ведь она оказалась соучастницей преступления, сломавшего жизнь его отца, да и его собственную. Но в книге, раскрытой на столе, говорилось, что тому, кто много любил, многое простится. А Скотдланд хорошо знал эту книгу.

*

Мы зашли ко мне в комнату. Разлили остатки виски в стаканы для зубных щеток.

— Эгиль, как ты догадался, что это она?

— Только у нее могли быть основания разбить окно. К тому же только она знала, куда мы отправимся вечером.

Он задумался:

— Подслушала за завтраком?

— Да. Я помню, она подходила к столу, когда мы говорили об этом. Она спросила, не съедим ли мы еще по яйцу.

— Но зачем же было разбивать окно?.. Объясни мне, пожалуйста.

Я взял карманное зеркальце и поймал им луч лампы, стоявшей на тумбочке. По стене заплясал круглый зайчик.

— Когда Зауберманн открывал окно своего ателье под определенным углом, отблеск огней маяка попадал в мертвую зону юго-восточнее Хёгхолмена. Как раз туда, где вы с отцом видели огни маяка. Но видели их тогда только вы... Подойди к стене, Атле.

Он послушался, и я направил зайчик на стену у него над головой.

— Вот сейчас ты — впередсмотрящий. Луч проходит над тобой, и ты его не видишь.— Луч скользнул в сторону.— А сейчас ты — капитан Хогне, стоявший на мостике у правого борта. Луч проходит левее тебя.

Наконец я направил зайчик прямо ему в лицо.

— А вот теперь ты стоишь там, где вы стояли с отцом, посередине мостика. И вы видели огни маяка там, где был Хёгхолмен.

Я убрал зеркальце в карман. Скоддланд, присвистнув, вернулся к стакану с виски.

— Но какое отношение ко всему этому имела луна?

— А она направила меня по верному следу. Ведь луна — это зеркало.— Я с благодарностью взглянул на луну через окно.— Ночью мы находимся в мертвой зоне по отношению к солнечному свету. Но отраженным мы его видим.

— Отраженным луной?— Скоддланд снова присвистнул.

— Да, точно так же, как вы с отцом видели в море огни маяка, отраженные окном Зауберманна.

Была уже глубокая ночь. Когда-то существовало поверье, что во время полнолуния человек становится оборотнем. Что человек может лишиться рассудка, если во время сна ему на лицо упадет лунный луч.

— Мне приснились очень странные сны о луне,— сказал я.— А кроме того, они как будто намекнули мне, что Lunacy — это безумие.

— Мало увидеть сон, его еще надо уметь растолковать!— сказал Скоддланд.— Спасибо тебе, Эгиль!

Он стоял у окна рядом со мной и смотрел на свой родной город. В глазах у него больше не было горечи. Рассчитался ли он с Холмевогом? Или у него просто пропала потребность сражаться с ним?

Мы молчали со стаканами в руках. Нас связали события этих дней. Мне они не дали ничего, ни статьи, ни даже маленькой заметки. Но один подарок я все-таки получил. Наверное, это и есть тот самый обходной маневр, который делает жизнь, чтобы возникла дружба, подумал я.

Скоддланд поехал сюда со мной, чтобы восстановить честное имя своего отца. Теперь действовать предстояло ему.

— Что ты намерен предпринять, Атле?

Он пожал плечами, с них свалилась огромная ноша.

— Мертвых не вернешь, а вот живые, бедняги, еще маются.— Он кивнул на комнату, которую мы только что покинули.

— А тайна, которую мы раскрыли?— спросил я.

Он с улыбкой показал на окно:

— Тайна пусть останется луне... Так будет лучше.

Элисабет прервала молчание, наступившее после рассказа Странда. Круглыми, как у ребенка, глазами она смотрела на огонь.

— До чего все-таки интересно жить!

Странд был с ней согласен. Особенно интересно ему было сейчас — он ждал суда доктора Карса.

Долгий рассказ сожрал много поленьев, и в комнате было очень жарко. До сих пор доктор Карс сидел в застегнутом пиджаке, теперь он его расстегнул и уютно развалился в кресле. Новая проблема, поставленная в последнем рассказе, по-видимому, не потребовала от него особых усилий мысли. Он дружелюбно поглядывал на журналиста, благодарный за приятное развлечение.

— Итак, в этой истории вы выступали как детектив и руководствовались своими вещими снами.

Странду это понравилось:

— Можно сказать и так.

Директор Бёмер положил в пепельницу окурочек сигары:

— И что же говорит наука о детективах, которые руководствуются вещими снами?

— Что они оперируют вполне объяснимым феноменом.— Доктор Карс просунул большие пальцы в проймы жилета.— В истории господина Нордберга мы видели, как с помощью подсознания можно иногда разгадать тайны, недоступные сознанию. А в данном случае тайна раскрывается благодаря двум снам.

— Вообще-то, трем,— поправил Странд.— Даже четверем, я забыл про четвертый, но по-моему, и он был о том же.

— Помню, помню.— Профессиональная улыбка доктора Карса подтвердила, что он — хороший слушатель, что ни одна деталь не ускользает от его внимания, но выбирает он самые существенные.— Главную роль играют первый и последний сон, остальные — это связующие звенья. В первом сне подсознание поставило проблему, которая, когда вы проснулись, побудила вас предпринять определенные действия. В последнем сне было найдено решение этой проблемы, и опять же оно сформировалось в вашем сознании, когда вы проснулись.

Странд взъерошил свои густые волосы, словно ему требовалось привести в беспорядок прическу, чтобы навести порядок в мыслях.

— Но ведь в некотором смысле отгадка содержалась уже в первом сне. Правда, она была выражена символически: солнечный свет оказался вдруг лунным. А главное, этот сон приснился мне до того, как я поехал в Холмевог, и вообще до того, как я углубился в это дело!

— Ну и что?— Взгляд за стеклами очков был полон внимания.— Вы хотите еще что-то сказать?

— Да! А тот сон, когда я понимал, что мне необходимо открыть окно? Ведь он приснился мне до того, как я побывал на Художниковом острове, то есть до того, как я догадался, что главную роль в этой истории играло зеркало!

— Но вы же не смогли открыть тогда окно,— заметил доктор Карс.— И не поняли, что за свет там прыгал. Тогда догадка только еще приближалась к вам.

— Нет, это были вещи сны!— стоял на своем Странд.

— Едва ли.— Доктор Карс взял коньячную рюмку за ножку и начал медленно вращать ее на столе.— Что, собственно, произошло? Во всех трех сновидениях фигурирует свет. В первом была поставлена проблема: каким образом можно перепутать два источника света? Как «солнце» может оказаться «луной»? В другом сне у вас возникает предчувствие, начинает брезжить догадка: зеркальная поверхность. И в третьем — догадка переходит в уверенность. Потому что ваше сознание обогатилось новым опытом.

Он продолжал вращать рюмку, пустую и прозрачную. Смотрел через нее на свет, поворачивал под разными углами.

— Нет никаких оснований полагать, что человек обладает неким даром ясновидения. Фантазия сновидений пользуется только тем материалом, который предоставляет ей память.

— Какой еще материал?— Рука Странда беспокойно ерошила волосы.

— Вы слышали об огнях маяка, но оказалось, что их видели совсем в другой стороне, ведь так?— Рюмка остановилась.— Разве в этом случае объяснение, что это был «зайчик» зеркала, не лежит на поверхности?

Голова Странда была похожа на голову мальчишки после драки.

— Но ведь оно пришло мне в голову только потом...

— Сознательно да, а подсознательно... У подсознания очень хорошая память, оно бережно хранит опыт, приобретенный в детстве. Кто из детей не пускал солнечных зайчиков обыкновенным карманным зеркальцем, которым вы так хорошо воспользовались, чтобы проиллюстрировать свою мысль Скоттланду... Догадка вполне могла вам присниться до того, как ее нашло ваше бодрствующее сознание.

— Насколько я понимаю, вы в этом случае признаете интуицию, доктор Карс?— немного презрительно заметила Элисабет, она еще не забыла, как он анализировал ее «приступ истерии».— А я-то думала, что вы допускаете эту способность только у женщин.

Доктор Карс с легким поклоном парировал ее замечание:

— Во сне даже мы, мужчины, умнеем, сударыня.

Растрепать шевелюру Странда еще больше было бы уже невозможно.

— А то, что меня потянули за рукав? Что трижды в один и тот же день я столкнулся с этой историей?

— Мы в науке называем это случайными совпадениями.

— Случайные совпадения? Три раза подряд?

— Подумаешь!— Доктор Карс внимательно разглядывал граненую коробочку с костями, стоявшую на полочке под столешницей.— Разве, играя в кости, нельзя три раза подряд получить «шестерку»? Удивительно, но случайно!

Взгляд его скользнул по каминной полке, но единорога он решительно не замечал:

— Как ни прискорбно, но должен сказать: я по-прежнему не вижу единорога. Не вижу!

Элисабет не могла принять такую, чисто мужскую, точку зрения и сделала типично женский вывод:

— Вы нам испортили все удовольствие, доктор Карс! За это вы должны что-нибудь рассказать нам!

— Искренне сожалею, сударыня!— Он развел руками.— Мое ремесло в том и состоит, чтобы объяснять подобные истории. А потому не надейтесь услышать от меня что-нибудь в этом роде.

— Как, вам нечего нам рассказать?— Нордберг встал.— Что ж, сейчас будет! Сейчас вы сами переживете встречу с единорогом, здесь на месте и сию же минуту!

Иногда даже психиатры испытывают нечто похожее на удивление:

— Что вы хотите этим сказать?

Нордберг воинственно тряхнул головой.

— Я полагаю, что вам не повредит небольшой шок!

— Шоковая терапия — моя узкая специальность.— Доктор Карс иронично поклонился.— Прошу вас!

— Я с радостью напугал бы вас до смерти, доктор Карс,— возбужденно продолжал Нордберг.— Вы — психиатр, ваша специальность обязывает вас проникать в дебри человеческой души. Но вы не видите дальше внутренней стороны стекол ваших собственных очков!

— Алф! Не забывайся, ты же хозяин!— одернула его Элисабет.

— Мне хочется, чтобы вы хоть краем глаза заглянули в ту бездну, которая называется психическими способностями человека!

Доктор Карс положил очки на стол, его как будто задели слова Нордберга об очках.

— Я к вашим услугам,— сухо сказал он.

Нордберг справился со своим возбуждением. В его голосе вдруг появилось подозрительное спокойствие и мягкость:

— Сегодня мы выслушали три длинные истории. Три, так сказать, романа. История, которую впредь сможете рассказывать вы, доктор Карс, будет короткой новеллой. Короткой, но не менее занимательной!

ИСТОРИЯ ПСИХИАТРА, КОТОРУЮ ОН НЕ РАССКАЗАЛ, НО ПЕРЕЖИЛ

Часы в лучах лунного света

Четверо мужчин и одна женщина проводили симпозиум. Они обсуждали тему «Человек и единорог».

Было уже далеко за полночь, их беседа продолжалась несколько часов, но они так и не пришли ни к какому ре-

зультату. Трое рассказали свои истории, возможно, свидетельствовавшие о встрече с этим мифическим животным. Но четвертый всякий раз доказывал, что рассказчик ошибся. Четвертый продолжал упрямо отрицать существование единорога. Наука в его лице не позволяла рогу этого удивительного создания задеть себя.

И вот сейчас этим спорам, кажется, будет положен конец. Сейчас, кажется, произойдет нечто конкретное, что, возможно, позволит им вынести окончательное решение. Нордберг вызвал доктора Карса на поединок. И доктор принял вызов.

Долгое время единственным освещением гостиной служил огонь, пылавший в камине, — предыдущие истории требовали полумрака. Но для предстоящего опыта нужен был яркий свет. Нордберг ходил по гостиной и зажигал все лампы.

— Значит, вы согласны на эксперимент, доктор Карс? — Нордберг произнес эти слова так, словно речь шла об *experimentum crucis* — испытании крестом.

— Конечно! — Доктор Карс еще раз протер стекла очков. — Эксперимент — единственный судья в науке!

— Разрешите сперва задать вам один вопрос? — Граненая коробочка с костями оказалась на столе. — Верите ли вы, что человек усилием воли может влиять на неодушевленные предметы?

— Влиять? Каким образом?

— Вы говорили об игре в кости. — Нордберг потряс коробочку. — Вот, например, верите ли вы, что усилием воли человек может заставить кости упасть так, как он хочет?

Шесть белых костей высыпались на стол. Доктор Карс оцупал одну из них.

— Это исключено. Совершенно исключено!

— Влиять усилием воли? — ужаснулся директор Бёмер. — Но тогда в обществе воцарился бы хаос! — Директор снова, как в бридже, стал партнером доктора Карса. — Представьте себе, что произойдет, если, например, курс акций на бирже будет повышаться или понижаться в зависимости от чьей-то воли!

Но партнером Нордберга был недаром журналист Странд.

— А мне это не кажется таким уж бессмысленным, — сказал он. — Я не сомневаюсь, что усилием воли человек может влиять на что угодно. Например, художник — хикалии из тьюбика он превращает в восход солнца!

— Так далеко мои возможности не простираются,— саркастически заметил доктор Карс.

Элисабет сочла, что и она имеет право сказать свое слово.

— У меня есть один камень, который меняет цвет в зависимости от моего настроения,— сказала она.— Когда я сержусь, он становится красным, когда огорчена — фиолетовым, а когда у меня есть все основания чувствовать себя счастливой — зеленым.

— Другими словами, он всегда зеленый!— галантно заметил доктор Карс и вызывающе поглядел в потолок.— Вы обещали мне шок, господин Нордберг. Я жду!

— И вы его получите!— Нордберг убрал кости и торжественно направился в другой конец гостиной.

Там стояли красивые старинные напольные часы. Он открыл дверцу часов. В тишине гостиной послышалось мелодичное тиканье маятника.

— Вы видите эти часы?— Нордберг сделал выразительный жест, словно демонстрировал новое, фантастическое изобретение.— Как раз перед вашим приходом я поднял гири. Можете проверить, доктор Карс.

Доктор Карс не двинулся с места.

— Допустим. И что же дальше?

— Как видите, стрелка показывает без пяти три. Когда часы пробьют три, я их заставлю остановиться.

— Усилим воли?

— Да, усилим воли.

Доктор Карс улыбнулся доброй улыбкой психиатра, которой он обычно успокаивал своих пациентов:

— Я понимаю, господин Нордберг, вы обладаете чрезвычайно сильной волей. Вам ничего не стоит влиять на чувства прекрасного пола.— Он отвесил поклон в сторону Элисабет.— Или же на решения ваших издателей. Но едва ли вам удастся волей остановить часы!

— Сейчас увидите!— Нордберг решительно подошел к стулу и выдвинул его так, чтобы сидеть прямо напротив часов.

Он сел.

— Но я прошу вас соблюдать абсолютную тишину. Мне необходимо сконцентрировать свою волю.

— Господи!— вырвалось у директора Бёмера, он даже рот раскрыл от удивления.

— Невероятно!— восхищенно пробормотал Странд.

Но Элисабет вдруг заколебалась:

— Честно говоря, Алф, по-моему...

Доктор Карс с небывалой силой вдавил очки в переносицу:

— Вы сказали, после третьего удара?

Нордберг скрестил на груди руки:

— Да, сразу после третьего удара.

Директор Бёмер стукнул кулаком по столу:

— Честное слово, если тебе удастся остановить часы, я съем кусок картона, производимого акционерным обществом «Крафт-картон»!

— А запьешь бутылкой коньяка от меня!— тут же отозвался Нордберг, он не сомневался в успехе.

Доктор Карс хлопнул в ладоши:

— Начинайте, господин колдун!

В последующие минуты в гостиной слышалось только мелодичное тиканье. Все пятеро замерли, не отрывая глаз от часов. Неужели произойдет чудо?

Тик-так... Тик-так... Тик-так...

Нордберг сидел, скрестив руки на груди, и его властный взгляд был устремлен на циферблат. Плотная фигура выражала предельную концентрацию. Слабый отсвет огня освещал его неправильные энергичные черты, он был похож на короля гуннов, отдавшего последний приказ перед сражением. Неужели он собирался напугать часы так, чтобы они остановились? Неужели такое возможно и они остановятся?

Тик-так... Тик-так... Тик-так...

Элисабет нервно поглядывала на мужа, нечаянно она сделала неосторожное движение, коробочка упала, и кости запрыгали по полу.

— Тише вы, черт бы вас побрал!— в ярости взорвался Нордберг.

Часы продолжали тикать. Странд даже не подозревал, что тридцать секунд тянутся так долго. Директор Бёмер сидел с открытым ртом, он был готов ко всему. Он бы не удивился, если б сейчас из часов по лунному лучу вышла королева фей. Сложив руки, доктор Карс чувствовал себя в полной безопасности за стеной надежного скептицизма и незыблемости науки.

Вдруг тиканье прекратилось, часы как будто перевели дух.

Пробили три звонких удара. А потом опять:

Тик-так... Тик-так... Тик-так...

Первым опомнился директор Бёмер:

— Кажется, мне не придется есть картон!— В его вздохе слышалось неприкрытое облегчение.

— Ну вот видите,— с удовлетворением констатировал доктор Карс. Он сдвинул очки на лоб и вытер глаза, за-

слезившиеся от напряжения,— он слишком пристально смотрел на большую стрелку, которая ползла как улитка.

Нордберг сердито обернулся к жене:

— Это ты виновата, Элисабет! Ты меня сбила!

— Прости, Алф!— Элисабет подняла с пола кости.—

Понимаешь, я так нервничала...

— Случайное невезение, это бывает,— утешил ее доктор Карс.— Может, вы повторите свой эксперимент, господин Нордберг?

— Нет!— отрезал Нордберг.— Теперь уже не получится. При таком скептицизме присутствующих...

Доктор Карс поглядел по сторонам, словно перед ним сидела большая аудитория, на лице у него было написано *quod erat demonstrandum*¹.

— Да, колдуны никогда не ценили скептицизм.

*

Гости начали прощаться. Хозяева провожали их до дверей.

— Спасибо за вечер! Было так интересно!— Директор Бёмер протянул Элисабет руку.

Доктор Карс тщательно замотал шею шарфом:

— Замечательно интересно! И не только с точки зрения психиатрии.— Он сердечно пожал руку своему побежденному противнику.

В дверях он обернулся:

— Господин Нордберг, в начале нашего разговора вы упомянули Юнга. А вы знаете, что однажды сказал Юнгу его великий учитель Фрейд? Фрейд сказал: «Мы должны воздвигнуть плотину против оккультизма, против всего этого черного болота!».— Спустившись на несколько ступенек, он опять обернулся.— Каждый, кто занимается человеческой душой, должен остерегаться этого болота, в том числе и писатели!

*

Элисабет стояла перед камином и собирала на поднос рюмки. Она наградила своего супруга влюбленной насмешливой улыбкой. Ее супруг, безусловно, был незаурядной личностью. Он был создан для великих поступков, не исключая и великие промахи.

— Думаю, этот холодный душ пойдет тебе на пользу,— сказала она.

¹Что и требовалось доказать (*лат.*).

Нордберг открыл дверцы часов и с интересом заглянул внутрь.

— Но почему же, черт побери, они не остановились? Вот уже целую неделю они упрямо останавливались после третьего удара. И вдруг сами собой исправились?

Элисабет засмеялась:

— Сегодня утром, когда тебя не было дома, к нам приходил часовщик и починил их. К сожалению, я не успела тебя предупредить.

— Очень жаль!— Нордберг тяжело опустился на стул, на котором сидел во время сеанса. Небрежно откинулся на спинку, руки расслабленно лежали на коленях. От недавнего великого колдуна не осталось и следа.

Элисабет захотелось его утешить, она подошла и погладила его по голове.

— Я нарочно уронила кости, чтобы ты мог все свалить на меня, если эксперимент не удастся. И сохранить хоть частицу своего колдовского достоинства...— Она о чем-то вспомнила и засмеялась.— А твой блеф с гириями был просто великолепен. Можете сами проверить гири, доктор Карс!— произнесла она, подражая голосу мужа.— Тебе бы играть в покер, а не в бридж!

Она вернулась, чтобы взять поднос с рюмками.

— Но я не понимаю, как ты можешь так жульничать, если серьезно относишься к этим вещам?

Нордберг выпрямился, лицо у него стало строгое, он приготовился к самообороне:

— Это невинный обман, Элисабет! Если человек так упрям и недоверчив, как доктор Карс, то вполне прости-тельно чуть-чуть...

— ...помочь единорогу?— Элисабет улыбнулась статутке на каминной полке и ласково ее погладила.— Пожелаем ему удачи в другой раз!

— И все-таки это был не просто обман! Понимаешь,— Нордберг как-то странно посмотрел на старинные часы,— я ведь действительно сконцентрировался. И на секунду даже почувствовал, что обрел над ними власть!

*

Карс, Бёмер и Странд шли домой пешком. На осеннем ночном небе сияла круглая луна.

Доктор Карс прославился тем, что усовершенствовал Венскую систему, но сегодня он неплохо разыграл свои карты и в другом бридже.

— Ну, доктор Карс, последняя взятка была ваша!— сказал директор Бёмер.— Нордберг не смог выполнить заявленный малый шлем.

— А я был почти уверен, что у него все получится,— тихо, будто самому себе, сказал Странд.— Он выглядел совершенно одержимым, его глаза были готовы испепелить эти часы. Я просто не понимаю, как они могли его послушаться!

— Ох уж эти поэтические фантазии!— Доктор Карс оглушительно высморкался — казалось, загремели победные фанфары.— Разум далеко не так забавен. Но зато он удивительно надежен!

— Вспомните, ведь он сам в это верил!— воскликнул директор Бёмер.— Иначе ему не пришлось бы в голову предлагать такой эксперимент!

Доктор Карс поднял на луну взгляд старого, умудренного опытом человека:

— Писателям это позволительно, они часто создают свой собственный миропорядок... вопреки законам природы.

Их шаги звонко стучали по асфальту. Директор Бёмер зевнул:

— Должно быть, уже очень поздно. Интересно, сколько сейчас?— Он повернул циферблат так, чтобы на него падал лунный свет.— Как, только три? А я-то думал, самое малое половина пятого! Нет, у меня просто остановились часы. Сколько на твоих, Эгиль?

Странд поднял руку:

— Сейчас, сейчас... Господи, что это?..— Он потряхнул запястьем и приложил часы к уху.

— Что случилось?— с любопытством спросил директор Бёмер. Они задержались на углу улицы.

— Мои тоже остановились, и тоже ровно на трех,— объяснил Странд.— У вас есть часы, доктор Карс?

— Одну минутку.— Психиатр сунул руку за пазуху и извлек свой хронометр, массивные золотые часы — сама надежность.

Последовало странное молчание.

— Но, помилуйте...— пробормотал доктор Карс.— Ведь я хорошо помню, что заводил их совсем недавно!

— Неужели у вас тоже остановились?— Странд наклонился к нему.

— Да...— В голосе доктора Карса послышались новые нотки.— Да... И как раз в три часа. Так сказать, после третьего удара... Ничего не понимаю...

Он защелкнул часы и спрятал в карман жилета.

— Забавное совпадение!— бросил он.— Доброй ночи, господа!

И свернул в боковую улицу.

Директор Бёмер с удивлением поглядел ему вслед:

— Господи Боже мой! Принять все это так близко к сердцу? Похоже, что и его...

— ...задел рог единорога!— подхватил Странд.

Они переглянулись. Наконец директор Бёмер сказал:

— Нет, последняя взятка досталась все-таки не ему!

Над ними в ночном небе, словно светящийся туз, сияла луна.

СОДЕРЖАНИЕ

Герт Нюгордсхауг

ГОРЬКИЙ МЕД. Перевод Л. Жданова 5

Идар Линд

ЯД ЗМЕИ. Перевод А. Чеканского 143

Андре Бьерке

ЕДИНОРОГ. Перевод О. Вронской (стр. 283 — 342) и
Л. Горлиной (стр. 343 — 445) 283

Сканирование и обработка:

<http://mirknig.com/user/alexstep3541/>

Сканер: Plustek OpticBook 3800

Н82 Норвежский детектив: Романы; Пер. с норв./Сост.
Л. Горлиной.— М.: Худож. лит, 1992. 446 с.

ISBN 5-280-02200-4

В книгу вошли произведения трех известных норвежских писателей, работающих в жанре детективного романа. Это «Горький мед» Герта Нюгордсхауга, «Яд змеи» Идара Линда и «Единогор» Андре Бьерке.

Н $\frac{4703010100-068}{028(01)-92}$ 142-92

ББК 84.4 Нр

НОРВЕЖСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Зав. редакцией *М. Климова*
Редактор *Э. Шахова*
Художественный редактор *Л. Калитовская*
Технический редактор *В. Нефедова*
Корректоры *О. Иванова, И. Шевякова*

ИБ № 6854

Подписано к печати 15.04.92. Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,52. Уч.-изд. л. 26,82. Тираж 50 000 экз. Изд. № VI-4214. Заказ № 1892. «С»—076.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Издание подготовлено к печати на ПК в ОМФЦ «Юридическая литература». 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14. Отпечатано с диапозитивов в объединении «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

